E43 255

РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЖЕНСКОГО ТРУДА

СБОРНИК ДЛЯ ИЗБ-ЧИТАЛЕН КЛУБОВ И ЖЕНКРУЖКОВ

Государственное Издательство
1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

БИБЛИОТЕЧКА
РАБОТНИЦЫ И КРЕСТЬЯНКИ

Арборе-Ралли, Е. — Лиу-Чанг-Янг. Как борется китайская работница за свою свободу. Стр. 48. Ц. 18 к.

Артюхина, А. — Очередные задачи партии в работе среди женщин. Стр. 48. Ц. 15 к.

Борисов, А. — Февральская и Октябрьская революции и работницы. Стр. 32. Ц. 10 к.

Боярская, З. — Клара Цеткин. Стр. 24. Ц. 12 к.

Боярская, З. — Международное женское рабочее движение. Стр. 46. Ц. 12 к.

Бреслав, Б. — Конкордия Николаевна Самойлова. Стр. 16. Ц. 6 к.

Вольштейн-Рожанская. — На баррикадах первой революции. Ц. 12 к.

Герр, Е. — Первое Мая и работница. Сборник. Стр. 56. Ц. 20 к.

Гинзбург, А. — Профсоюзы и работница. Стр. 24. Ц. 8 к.

Глебова, И. — Работница, крепи смычку. Стр. 21. Ц. 12 к.

Глебова, И. — Суд над делегаткой. Дело по обвинению делегатки Тихоновой, не выполнившей своего пролетарского долга. С приложением статьи — «Наши достижения» и постановления Оргбюро ЦК ВКП (б.) о делегатских собраниях работниц и крестьянок. Издание 3-е, исправленное. Стр. 46. Ц. 20 к.

Гончарская, С. — 1905 год в деревне. Ц. 12 к.

Гопнер, С. — К[illegible] Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш[illegible]

Гопнер, С. — [illegible]

Дальняя, С[illegible] (1905 г.). С предисловием Н. К. Кр[illegible]ской. Стр. 32. Ц. 1[illegible]

Данциг, Е. — [illegible] и крестьяна. Стр. 24. Ц. 7 к.

Дьяков, Я. — [illegible]нка в кустарной промышленности. Стр. 62. Ц. [illegible]5 к.

Иткина, А. — [illegible]умя революциями. Стр. 48. Ц. 15 к.

Ицына, С. — [illegible]отница и крестьянка управляют СССР. Стр. [illegible]8. Ц. 8 к.

Каган, Л. — [illegible]бщественной работе. Стр. 32. Ц. 15 к.

Калыгина, А[illegible]естьянка и восьмое марта. Международн[illegible]енский коммунистическ[illegible]ень. Стр. 24. Ц. 15 к.

Калыгина, А[illegible]рава работниц и крестьянок СССР. Ц. 12 к.

Каминская, Е[illegible]Работница в промышленности. Стр. 24. Ц. [illegible]

Кин, А. — Ря[illegible]и революции. Ц. 6 к.

Крупская, Н. — [illegible]енщина-работница. Стр. 37. Ц. 15 к.

Крупская, Н. — [illegible]работе среди женщин. Сборник статей. Ц. 40 к.

Крылов, С. — Сельск[illegible]е хозяйство и крестьянка. Стр. 32.

Е43 255
1
396 (072)

РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЖЕНСКОГО ТРУДА

СБОРНИК

ДЛЯ ИЗБ-ЧИТАЛЕН, КЛУБОВ И ЖЕНКРУЖКОВ

СОСТАВИЛ
Д. ДЕЛЕРТ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
БИБЛИОТЕКА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв. № 63743/8°

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Ленгиз № 11521.
Ленинградский Гублит № 18304.
8½ п. Отпеч. 7.000 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 5

I. Под гнетом помещика и капиталиста 7

Живой товар . . . . . —
«Господской воле не покоряются» 9
Женщина в крепостной деревенской семье 10
Щенят грудью кормят . . . . . —
На крепостной фабрике 12
Ильич об освобождении крестьян 14
Промышленность и земледелие 15
Труд при капитализме 17
Пауки и мухи 18
Голодная смерть 20
Наташино горе . . . . . —
В грязи, в нищете, голодна 22
В лапах у кулака 24
Доля женская 27
Пропили девку 28
Работница 32
Женщина-мать в капиталистическом обществе . . . . . —
«Две божьи матери» 36
Паучок-крестовичок 38
В прислугах у господ . . . . . —

II. Борьба за раскрепощение труда 41

Начало женского рабочего движения в России . . . . . —
«Бабьи бунты» 42
«Кровавое воскресенье» 43
Прошение рабочих к царю 44
На десятой версте от столицы . . . . . —
Женщина и первая революция 1905 г. 45
Воспоминания работницы 47
Первые шаги революционерки 48
Ленский расстрел 50
Лена 51
Империалистическая война 52
Мировая война и труженица . . . . . —
Начало «февральских дней» в Петрограде 53
Красное знамя 55
Как произошла Октябрьская революция 1917 г. . . . . —
Ильич—о женщине в революции 57
Спутница суровых дней 58
Тов. Варвара 62
«Выписка из приказа» 65

Стр.

III. Участие труженицы в общественной жизни 67

Марья-большевичка . . . . . —
На свет 68
Слетела гайка 69
Степанида-делегатка 71
За советом 72
Вместо мужика 73
Муж — с винтовкой, жена — с плугом 76
Родные горшки 77
В ногу с мужчиной 79
Надежда Константиновна Крупская-Ульянова . . . . . —
Обращение т. Крупской к крестьянкам 81
Работницы и крестьянки о смерти Владимира Ильича 83
Над гробом Ильича 84
За заботу о долюшке нашей 85
«Моя встреча с тов. Лениным» 86
Из речи тов. Ленина на конференции работниц . . . . . —
Партия и ее работа среди женщин 88
Марш матерей и сестер 92
Что такое международный женский день 93
К нам, пролетарки! 95
Клара Цеткин . . . . . —
Привет работнице и крестьянке 96
Я стала вольной 98

IV. От старого быта к новому 99

Еще не освободились . . . . . —
С этого и начать 101
Общественная кухня при социализме 102
Погубили попусту 103
Только коммунизм покончит с проституцией 105
Разрушение прежней семьи 106
Какой будет новая семья? 109
Октябрины 110
Две соперницы 112
Семья из будущего 114
Друзья 116
Как Советская власть охраняет здоровье матерей и детей . . . . —
Прятали концы — попали в отцы 120
Воспитание детей в будущем 124
Знание — могучее оружие 125
За буквари 126
Общими силами . . . . . —
Ну-тка, Анютка! 129
Палкой не удержишь 130
Как крестьянке и работнице получить образование 132
Селькорка 133
Религия — дурман для народа 134
Не заступайте дороги 135

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Дореволюционная литература знала «русскую женщину», по большей части принадлежавшую к господствующим классам. Жизнь русской крестьянки и работницы мало интересовала писателей.

После Октябрьской революции писатели, вышедшие из трудовой семьи, отдались революционной борьбе и только в последнее время им удалось приступить к художественному отображению жизни крестьянки и работницы. Конечно, больших достижений в этой области немного. Да и те основные работы, которые рассматривают положение женщины в семье и обществе, в связи с развитием хозяйства и ее отношением к производительному труду, могли быть в книге использованы очень незначительно, принимая во внимание недостаточную подготовленность того читателя, на которого рассчитан этот сборник.

Составитель снабдил часть отрывков новыми заголовками, точнее выражающими цель включения их в сборник.

Все достижения нашего строительства, производства, труда, несомненно, окажутся особенно ясными и выпуклыми при сравнении с прежним укладом быта. Достаточно места уделено поэтому материалу, показывающему положение женщины при подневольном труде. Затем освещается постепенный рост сознательности трудящейся женщины под влиянием изменения производственных отношений и изменения положения женщины в обществе и в хозяйстве.

* * *

Женщина при крепостном праве, где один человек был рабом другого, где один принадлежал другому находилась в зависимости не только от помещика, но и от мужа. При капиталистическом хозяйстве, в лапах капитала, женщина угнетена еще больше.

По мере пробуждения классового сознания женщина все более приобщается к революционному движению, она становится

верной подругой рабочего в борьбе за освобождение от капитала, участвует в стачках, в боях, и вместе с ним приходит у нас, в Советской России, к полной победе трудящихся.

Октябрьская революция, утвердившая Советскую власть, положила прочное начало раскрепощению женщины.

Женщина теперь участвует и в советском строительстве, и в партийных органах; она деятельно борется со всеми пережитками прошлого: с пьянством, невежеством, религией. Женщины начинают активно участвовать в кооперативных товариществах, устраивают ясли, в городе во многих местах уже действуют общественные кухни и прачечные, кое-где к этому начинают подходить и в деревне.

«Ни одно государство, ни одно демократическое законодательство, — сказал Ильич, — не сделало для женщин и половины того, что сделала Советская власть в первые же месяцы своего существования».

Коммунистическая партия и Советская власть подошли к вопросу о работе среди женщин, как к важнейшей задаче нашего социалистического строительства.

ПОД ГНЕТОМ ПОМЕЩИКА И КАПИТАЛИСТА

ЖИВОЙ ТОВАР.

Крепостное право, даровой труд развращали все слои общества. Помещик и церковь одинаково смотрят на «душу», как на доходную статью...

Просвещенный для своего времени человек Болотов не иначе именует своих крепостных, как «рабами». Эта двуногая скотина «без рогов», как вещь, продается на ярмарках и базарах. Рабов привозят целыми баржами, живой товар экспортируют (вывозят) на Восток; дамы высшего света «воспитывают» своих крестьянских девушек специально для разврата, рабов выигрывают и проигрывают за карточным столом. Между рабом и вещью нет разницы. За борзого щенка платят 3000 р., в то время как крестьянская девушка продается за $2^1/_2$ — 3 р. За ребенка платят даже 10 к. Конечно, не все крепостные идут по такой расценке: все зависит от качества и способностей раба; хороший повар, музыкант ценятся в 800 и более рублей; за актеров граф Каменский уступает целую деревню в 250 душ, двадцать музыкантов он продает за 10 000 р.

В отделе газетных публикаций печатают о продаже рабов и домашних принадлежностей:

«Продается малосольная осетрина, семь сивых меринов и муж с женою».

«Продается парикмахер да, сверх того, четыре кровати, перина и прочий домашний скарб».

Вот, например, еще несколько публикаций за 1797 г. в Петербурге:

«Продается 16 лет девка весьма доброго поведения и немного поезжанная карета».

«Продаются банкетные скатерти... тут же две девки ученые и мужик, парикмахер и английской лучшей породы корова».

В жизненном обиходе палки, розги, батоги, плети, езжалый кнут, заковка в железо, надевание ошейника, рогатины, колодок — были обычными «исправительными средствами». Иногда все дворовые подвергались телесному наказанию. Одна помещица

высекла за-раз 80 крестьян за то, что они, вопреки велению, не набрали земляники.

Эта картина не меняется на протяжении пятидесяти лет «героического» периода жизни русского дворянства. У Аракчеева в Грузине в графском арсенале всегда стояли кадки с рассолом, в которых мокли розги и палки. За первую вину граф сек своих дворовых на конюшне, за вторую отправлял преступников в Преображенский полк, где их наказывали особыми толстыми палками — аракчеевскими; при третьей вине экзекуция (телесное наказание) совершалась при помощи специалистов-палачей из Преображенского полка уже в доме, перед кабинетом графа, или в библиотеке. После экзекуции виновные должны были явиться к графу и показать вспухшую и исполосованную крепкими ударами кнута или палок спину. Наказанные, боясь, что граф останется недоволен и повторит наказание, кровью животных покрывали рубцы, чтобы удовлетворить бесчеловечное чувство властелина. В усадьбе графа была своя домашняя тюрьма, известная под названием Эдикул. Она представляла собою темное, сырое, холодное и узкое помещение, в котором виновные сидели неделями и месяцами.

Салтыкова, жена воспитателя Александра I, держала целых три года своего парикмахера в клетке, чтобы он не проговорился, что она носит парик.

Так было в среде обычных помещиков. Но находились особые любители отеческого попечения, которые регламентировали (узаконяли) «пунктами» разновидности наказаний. Ничего не может быть характернее пунктов из «журнала домашнего управления» 1763 — 1765 гг., приводимых В. И. Семевским. Автор этих пунктов, согласно всем правилам полицейского государства, озабочивался и спасением душ своих верноподданных. От крепостных требуется тщательное выполнение религиозных обрядов: «а ежели кто который год не будет говеть, того — плетьми, а которые не причастятся, тех сечь розгами, давая по 5000 нещадно». Этому барину захотелось, чтобы его крепостную, впавшую в немилость, именовали не по отчеству, а звали бы «трусихой и лживицей». «Кто Феклу именем и отчеством назовет, того сечь розгами по 5000 нещадно». Помещик устанавливает и продолжительность болезни после «нещадного наказания». Тому, кто получил 100 ударов плетьми на дровнях или 17 000 розог, не дозволяется лежать более недели; получившему 50 плетей и 10 000 розог — более полунедели и т. д., соответственно числу полученных розог и плетей. И это была не теория, не праздные измышления на свободе барственного помещика для устрашения слуг, — мы знаем, что «пункты» применялись и на практике.

Если припомнить все такие факты, то знаменитая Салтыкова, обвинявшаяся в убийстве 75 человек, вовсе уже не будет редким исключением. Фигура Салтычихи резко врезалась

в память народную, ибо ее дело было одним из немногих, закончившихся обвинением.

Мы привели лишь несколько наиболее ярких фактов из мрачного прошлого. Но эти факты могли быть умножены во много раз.

Мельгунов.

«ГОСПОДСКОЙ ВОЛЕ НЕ ПОКОРЯЮТСЯ».

Мы вышли, на внутреннюю, шедшую, очевидно, посреди сада, широкую липовую аллею[1] и сейчас же увидали на ней четырех женщин или девушек в каком-то странном уборе, в каких-то хомутах, с цепями на шее, чистивших скребками дорожку.

— Это что такое? — делая удивленное лицо и всматриваясь в них, воскликнул отец.

— Ослушницы-с. Противницы. Господской воле не покоряются, — со вздохом и скороговоркой ответил управляющий.

Что дальше говорил ему отец, что тот отвечал отцу, я уж не слушал. Я уставился на этих несчастных и оторваться не мог от них. Женщины эти или девушки были прикованы на цепи к громадным чурбанам, дубовым обрубкам и волочили их за собой, ухватившись обеими руками у хомута за цепь, на которой они как бы сидели верхом, так как она проходила у них между ног...

— Все-таки это жестоко, — услыхал я, говорил отец.

— Уж такова господская воля...

— И давно это они у вас в таком виде?

— Да с месяц уж, пожалуй, будет. Две сдались, покорились...

— Ведь Назару Павловичу-то уж, пожалуй, стыдно, ведь он старик...

— Об этом уж мы не смеем рассуждать... Их приказание должны исполнять, — с подобострастием отвечал управляющий...

— Ну, а на ночь вы их куда же деваете, — спросил отец.

— Это кого? Ослушниц? — переспросил управляющий.

— Ну, да.

— Да теперь, потому что как лето, тепло-с, в сарай на ночь запираем.

— Расковываете их на ночь?

— Нет-с, не приказано.

— Это дворовые девушки все?

— Точно так-с. Кузнеца Филиппа одна, другая садовника, а еще две сестры, Ивана-доезжачего[2] дочери.

— Жестоко, жестоко, — говорил отец...

---

[1] Аллея — дорожка в саду.

[2] Доезжачий — конюшенный работник в хозяйстве помещика.

Вдруг одна девушка, высокая, с черной косой, отбросила от себя в сторону скрябку, ухватилась обеими руками у самой шеи за цепь, истерически, как-то не по-человечески, нечеловеческим голосом взвизгнула и с криком — «не достанусь я тебе, не владеть мною тебе, злодею», — шарахнулась о-земь и начала биться, как в припадке. Она рвала на себе одежду, царапала руками грудь себе, лицо . . .

— Барин! Предай меня смерти . . . Или отпусти меня, я сама пойду удавлюсь, сама наложу на себя руки! — вскричала она к отцу.

Я видел, как он в ужасе смотрел на нее, ничего ей не говоря...

С. Н. Терпигорев (Атава).

(«Потревоженные тени»).

ЖЕНЩИНА В КРЕПОСТНОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ СЕМЬЕ.

МУЖ. *Муж в дому, что хан в Крыму. — Муж жене — пастырь, жена мужу — пластырь. — Птица крыльями сильна, жена мужем красна.*

ЗОЛОВКА. *Золовка — зловка. — Золовка — колотовка. — Золовки хитры до уловки. Богоданные сестрички — крапива жгучая.*

ЗЯТЬ. *Нет чорта в доме — прими зятя. — Зять в дом — так и иконы вон. Зять любит взять, тесть любит честь, а шурин — глаза щурит.*

НЕВЕСТКА. *Все в избе спят, а невестке молотить велят. Руками веретено тряси, а глазами гусей паси. — Невестушка, полно молоть — отдохни: потолки немножко. Села невестка прясть — береги деверя глаза.*

СВЕКОР — СВЕКРОВЬ. *Свекор — гроза, а свекровь выест глаза. Свекор на печи, что собака на цепи. У лихой свекрови и сзади глаза. Было времячко, ела семячко. А теперь поела бы и лузги, да боюсь брюзги.*

ТЕЩА. *Был у тещи, да еле утекши. Тещу в дом — чорта в дом. У тещи — карманы тощи. У кого свищи орехи, а у тещи зубы. Муж с женой, что вода с мукой, а теща — дрожжи...*

Старинные пословицы.

ЩЕНЯТ ГРУДЬЮ КОРМЯТ.

Вот наш барин Панкратов, удивительное дело, — животную тварь любил, а людей тиранил.

Псарню построил в роде господского дома. И которые были у него самые любимые десять сук принесут, например, щенят,

и сейчас он раздает их по крепостным женщинам, которая, понимаешь, принесла ребеночка и имеет в грудях молоко, — сейчас ей собачары приносят щенка, стало-быть, для воспитания . . .

Вот был у этого барина крепостной человек на оброке, Алексеем звали. Уж вот был мужик разумный, да красивый, да удачливый, — просто по всей вотчине молодец первейший. И имел у себя молодую жену. Он-то красив да пригож, а она и того лучше, — поищи этаких двух по всему свету белому, ан и не сыщешь. Ну, только и имел этот Алексей в себе маленечко гордость. Вот приходит ему, Алексею, в дальний извоз итти, а жена у него остается на сносях. Делать нечего. Идет он с извозом, знаешь, по степе. Идут, ночное дело, возы скрипят, обозчики разный народ, со всех, может, мест, рядом идут да промежду себя разговор ведут. Известно, дело дорожное, как и мы вот сейчас: где какие, например, народы проживают, где какой обиход, ну и все такое прочее. А он, Алексей, идет с возами, все молчит, что туча. Вот у него другие и спрашивают:

«— Ты это что же, молодец, в товарищах идешь, а с нами, товарищами, разговаривать не хочешь. Аль сам об себе высоко понимаешь, а нами брезгуешь.

— Нет, говорит, товарищи милые, сам я об себе не высоко понимаю и вами, товарищами, не брезгаю. А то я, говорит, невесел по степе иду, что дома жену оставил, а помещик у нас больно лют. Бьют, колотят, только душу не вынимают. Ну, да это все ничего, до меня бы не касающе, а что вот завел дурную моду — щенят женскими грудями воспитывать.

Вот и стали те люди, по степе идучи, то дело обсуживать. А в степе-то, знаешь, все вольные люди: который у себя дома, может, и крепостной, и тот в степе вольным казаком объявляется. Попадается, конечно, и служивый народ, отставные солдаты. Вот и говорят те люди Алексею: — дураки, видно, в вашей деревне живут. Этого и закону-то, покуль свет стоит, не бывало, чтобы животную тварь женским молоком воспитывать.

Вот и запади опять те речи Алексею. Идет с обозом, дорога под ним говорит, а сам все думает: нет закону, да и нет закону. Хорошо. Приезжает, ночное дело, домой, — жена не встречает, огня не вздувает, темно в избе, как в могиле. Входит в избу: младенец у него в зыбке плачет, а в углу щенята скулят. — Эт-то что такое? — А это, — жена говорит, — сына бог дал. — А в углу то, что? — А в углу щеняты, сам понимаешь. — Ты-то понимаешь ли сама. Я этого терпеть не могу. Давай собачат сюда. Взял одного в руку, другого в другую, примял да опять положил на месте. — Ну, — говорит, — бери младенца. Вишь, он у тебя в зыбке кричит.

А на утро нарядчики приходят, собачары: — Анна, показывай щенят, здоровы ли они у тебя. — Да они, мол, с чегой-то поколели? — Как, оба? — Оба, мол, и поколели. — Что за при-

чина? Ну, дело не наше — барину доложим. А тут Алексей в избу входит: — Что вам надо? Зачем пришли? Где закон... Ребенок в зыбке кричи, а щеняты у женщины груди сосут... Прочь из избы, чтобы мне вас, собачаров, и не видать. — А ты, Алексей, — собачар ему говорит, — больно-то не кричи. Не от себя пришли, барину доложим. Ну, конечно, пошли, господину и обсказали. Что же ты думаешь: велит он сейчас тех щенят на холсты положить, как упокойничков. Принесли их на холстах, ощупал: убиты, — говорит, — злодеем твари невинные. И заплакал. Потом позвал собачьих поваров, велит для псарни готовить овсянку покруче. Все, бывало, так: овсянку готовили для всей псарни, ведер на сорок и более; овсянку сготовят — станут собак кормить, а он тут же в стулу сидит, смотрит, да из своих рук подкармливает. Вот и на тот раз: сел у котла, щенят на холстах рядом положил. — Позвать Алексея. Пришел Алексей. — Видишь, — говорит,—невинно убиенных. — Вижу, мол . . . Да что-ж, барин, на человека и то причина бывает, не то, что на тварь животную. — Ты им конец сделал, варвар. — Я им конца не делал, а что вот вы не по закону поступаете. Ребенок хоть и мужицкое дите, все человеческая душа считается. И должен он в зыбке лежать, а вы у бабы груди псиной пакостите . . . Передохни они все у вас . . . И то народ глуп: всех бы передавить надо. Как он эти слова сказал . . , снялся барин Панкратов со стула . . . да-ка-ак толкнет этого Алексея в грудь . . . Упал тот навзничь, да пряма . . . Пряма головой-то в котел . . . Пикнуть не успел. Кинулись собачары, вытащили — весь обварился. Пошел по собачарам шум, пошла по дворне булга. А один собачар тому Алексею брат был . . . Кинулся в хоромы, схватил ружье . . . Барин к дворне, а уж дворня, понимаешь, волками смотрит. Вскипело холопье сердце...

В. Короленко.

(Из «Истории моего современника».)

НА КРЕПОСТНОЙ ФАБРИКЕ.

На дворе большой суконной фабрики было тесно и грязно. Далеко протянулись вдоль двора длинные и низкие каменные корпуса с крошечными слепыми окошками. Один возле другого теснились деревянные, щелястые, плохо сбитые из досок сараи и сарайчики.

Рано утром, еще на рассвете, на фабрике начиналась жизнь. Первым показывался сторож, старый отставной солдат в поношенном зеленом мундире. Медленно выползал он из своей будки, стоявшей возле ворот, и начинал звонить в колокол, висевший у самой фабричной конторы. Фабрика оживала. Отворялись ворота. И с улицы из-за ворот и с дальних концов двора, где

были фабричные казармы, шли на работу мастеровые в грязных и рваных кафтанах. У иного всего одна заплатанная рубаха была на плечах, какой бы холод ни стоял на дворе... Рабочие разбрелись каждый в свою сторону и принялись за работу...

В сараях было холодно. От дождя, который лил сквозь худую крышу и из-под корыт, в которых промывали шерсть, на плотно убитом земляном полу набрались лужи. Грязная, подмокшая шерсть ворохами лежала прямо на земле; ее клочки разлетались по всему сараю и втаптывались в грязь и лужи. Возле вороха шерсти копошились ребята. С трудом они расщипывают ее руками и выбирают комки грязи, щепки, репейник, солому. В стороне взрослые рабочие взбивают шерсть на решотах. Тучей поднимается шерстяная пыль, носится в воздухе и забивается в рот и нос рабочим...

Неуютно было у прядильщиков и ткачей в больших каменных покоях. Тесно друг к дружке были наставлены станы. В щели неплотно настланных потолков прямо на станки сыпались сор и песок, марали и портили работу ткачей. В крошечные оконца мало попадало света, и ткачи едва могли разглядеть свою работу.

Работа плохо спорилась...

Не своею волею собрались сотни рабочих на фабрику. Старые из них еще помнили, как при Петре Великом была устроена их фабрика, когда царь спешил одеть в зеленые мундиры своих солдат. Тогда их, вольных крестьян, приписывали к фабрике, а потом вместе с фабрикой, отдали компании купцов, и теперь до самой смерти они должны жить и работать на фабрике. Среди старых рабочих встречались изуродованные люди с вырванными ноздрями. Это были преступники и бродяги, которых, по указу Петра, вместо каторги отправили на фабрику. До сих пор под рубахой еще видны были следы старых зажывших рубцов, которыми палач исполосовал их спину, прежде чем отдали их в подневольную работу. Других рабочих сами фабриканты целыми деревнями накупили себе у помещиков. Там, в деревнях, у рабочих оставались их матери, сестры, братья, а их пригнали в город и поселили на фабричном дворе в сырой, полутемной казарме. Были на фабрике и вольные рабочие, это были слобожане и посадские. Нужда заставила итти в город на заработки и помещичьих крестьян, отпущенных на оброк... Подолгу они не засиживались на фабрике и только ждали случая, чтобы бросить ее. На фабрике работали и женщины. Жены и дочери мастеровых своею волею не шли на фабрику. Но полицейские команды забирали с улицы побиравшихся и так, без дела, бродивших женщин и отдавали их в работу на фабрику. С улицы было взято и несколько ребят. И они с утра выходили на работу вместе со взрослыми и работали наравне с ними 14 часов до самой ночи и за все получали от хозяев хлеб да кашу, да кое-какую одежду.

По субботам на фабрике бывал расчет. Крепостные рабочие на целый месяц вперед получали из фабричных лабазов муку, крупу и соль. Потом вместе с вольными шли в контору получать заработанные деньги. Они уже знали, что немного попадет в их карманы. За каждый изъян в работе их ждали штрафы и плети. За каждый проступок, за испорченный инструмент, за дерзкое слово надсмотрщику, за прогул и пьянство приходилось подставлять спину под кнут и батоги...

Неподолгу жил на фабрике вольный рабочий. Но воля манила за фабричные ворота и крепостного; когда ему становилось невмочь, он бежал. Но далеко не удавалось уйти ему: нередко находили его в ближнем кабаке и отправляли назад на фабрику, где ждала его расправа. На фабричный двор собирали всех рабочих и приводили виноватого. Сторожа разом стаскивали с него кафтан, расстилали его на земле и, сорвав с плеч рубаху, валили на-земь, на разостланный кафтан. Сторожа садились на ноги и на голову и до крови били по спине короткими батогами.

Так наказывали беглого на страх и поучение всей фабрике, а потом отводили избитого человека в тюрьму...

Вл. Сыроечковский.

(Сборник «Из нашего прошлого».)

ИЛЬИЧ ОБ «ОСВОБОЖДЕНИИ» КРЕСТЬЯН.

Насквозь лицемерна и лжива та оценка «великой» реформы, которая стала у нас ходячей: «освобождение крестьян с землей при помощи государственного выкупа». А на самом деле это было освобождение крестьян от земли, потому что от тех наделов, которыми в течение веков владели крестьяне, были сделаны громадные отрезки, а сотни тысяч крестьян были совсем обезземелены — посажены на четвертной или нищенский надел. На самом деле крестьяне были ограблены вдвойне: мало того, что у них отрезали землю, их заставили еще платить «выкуп» за оставленную им и всегда бывшую в их владении землю, и притом выкупная цена земли была назначена гораздо выше действительной ее цены...

Крестьян заставили платить не только за свою землю, но и за «свободу». И, взявши выкуп за личное освобождение, крестьян все же не сделали свободными людьми, — их оставили на двадцать лет временно-обязанными, их оставили, и они по сию пору остаются, низшим сословием, подлежащим розге, платящим особые подати, не смеющим свободно выйти из полукрепостной общины, свободно распорядиться своей землей, свободно поселиться в любой местности государства.

Гнет помещиков и капиталистов.

А к этому помещичьему гнету — прибавился еще гнет капитала.

Власть денег всей своей тяжестью обрушилась на нашего полукрепостного мужика. Доставать деньги нужно было во что бы то ни стало и на уплату податей, увеличенных благодетельной реформой, и на наем земли, и на покупку тех нищенских продуктов фабричной промышленности, которые стали вытеснять домашние продукты крестьянина, и на покупку хлеба и проч.

Цепкие кулаки.

Власть денег не только придавила, но и расколола крестьянство: громадная масса неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев, меньшинство выделяло кучки немногочисленных, но цепких кулаков и хозяйственных мужиков, прибравших к рукам крестьянское хозяйство и крестьянские земли, составлявших кадры народившейся сельской буржуазии.

Одевался в рубище, кормился лебедой.

Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой, крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже откупаясь от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически и десятками тысяч умирали от голода и эпидемии во время неурожаев, которые возвращались все чаще и чаще.

Где выход.

Спрашивается:

В чем искать выхода и какими средствами добиваться улучшения участи.

От гнета капитала мелкое крестьянство может избавиться, только примыкая к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй, за превращение земли, как и других средств производства (фабрик, заводов, машин и пр.) в общественную собственность.

(Ленин. «Партия рабочего класса и крестьянство».)

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ.

Старое крестьянское хозяйство.

В стародавнее время большая крестьянская семья производила все, в чем она нуждалась: и пищу, и одежду, и обувь,

и жилище, и свою несложную домашнюю утварь и свои такие же несложные орудия труда.

Разделение труда.

Но уже в очень давние времена люди стали сосредоточиваться каждый на своей особливой работе, забрасывая все остальное. Так, в каждой деревне был свой пастух, свой кузнец и проч. У людей, которые брались за какую-нибудь одну работу, эта работа шла и быстрее и лучше.

Выделение кустарей и ремесленников.

По мере того, как становились легче сношения одних местностей с другими, продукты одной местности чаще попадали в другую. Обмен товарами становился все значительнее; в каждой местности люди стали все больше заниматься таким делом, которое в этой местности шло успешнее: в лесной местности, к примеру, занимаются изготовлением саней или плетением корзин, в глинистой — гончарным и т. д. А уж, разумеется, там, где находили соль или руды, принимались за их разработку. Так появились многочисленные кустарные промыслы и ремесла.

Возникновение городских ремесел.

Многие ремесленники стали селиться в городах. Одни—потому, что на городских рынках им легче было получить то, что было им необходимо для работы. Другие—потому, что в деревне у них было бы слишком мало покупателей, чтобы заняться исключительно своим делом. Третьи — потому, что готовили предметы роскоши, на которые только в городе и были покупатели. Четвертые — потому, что в городе безопаснее, или потому, что жить в нем интереснее. А заниматься ремеслом можно и в городе, — не то что крестьянским делом.

Возникновение промышленности.

Кустарные промысла и ремесла все совершенствовались. Богатые ростовщики и купцы стали прибирать к рукам наиболее выгодные промыслы и ремесла, устраивать фабрики, набирая рабочих из крестьян, согнанных помещиками с насиженных мест, или из других бесприютных людей. Товары этих фабрик становились все дешевле, и прежние ремесленники и кустари разорялись и должны были итти на те же фабрики простыми рабочими. А крестьяне, до тех пор продолжавшие сами изготовлять для себя все, что нужно, стали забрасывать многие работы. Чем ткать себе самим одежду или обжигать горшки, становилось выгоднее приналечь на свое крестьянское дело, а одежду и посуду купить в городе.

Переход к товарному хозяйству в деревне.

Деревня стала совсем другой. Крестьянская семья не производит уже сама всего, в чем она нуждается. Большую часть необходимого в деревне: и одежду, и обувь, и утварь, и орудия труда она покупает на стороне. Но и то, что она производит: зерно, сено, лен, молоко и проч., она производит не только для себя, но и на продажу, значит—для других. Производство на продажу тем значительнее, чем больше нужда крестьянина в деньгах. Поэтому, чем больше платежи помещику (аренда), или ростовщику (кулаку), или подати государству, тем больше должен производить крестьянин на продажу.

Л. Крицман.

ТРУД ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ.

Эпоху машинного производства мы называем капитализмом потому, что тут над всем господствует капитал. Фабрики, заводы, рудники и другие богатства находятся в частной собственности отдельных лиц, которые сами почти вовсе не трудятся, но заставляют работать на себя миллионы людей, не имеющих ничего, кроме силы собственных мускулов и собственного ума. Век капитализма представляет собой одновременно картину безумной роскоши ничтожной кучки и потрясающей нищеты огромной массы остальных.

Откуда же создается это непостижимое богатство? Вопрос разрешается крайне просто. Трудящийся далеко не получает полностью того, что он производит. В виде заработной платы ему возмещается только ничтожная часть продукта его труда. Все же остальное идет в карман капиталиста, составляя источник его прибыли. И волей-неволей должен до поры-до-времени мириться с таким положением рабочий, ибо все средства производства (фабрики, заводы и т. д.) находятся в руках класса эксплуататоров, а применять свой труд вне этих средств производства невозможно.

Но зато, быть-может, и действительно верно то, что при капитализме имела место «свобода труда», о которой все время писала буржуазия. По закону при капитализме рабочий уже не был прикреплен к определенному городу или отдельному хозяину. Он в праве был в любой момент не согласиться на его условия и итти на другую работу. Но так было только на словах, — далеко не то было в действительности. Рабочий никогда не имел других источников существования, кроме своего труда. В дни безработицы рабочий не имеет даже обычно что есть. А давно известно, что «голод — не тетка». И действительно, голод фактически сводил почти к нулю хваленую буржуазную свободу.

Пролетарий в полной мере зависел от капиталиста, который, пользуясь своей властью, чувствовал себя таким же хозяином рабочего, как в древнее время победитель по отношению к рабу, или в средние века помещик по отношению к крестьянину. Благодаря своему экономическому господству он диктовал такие условия труда, которые ему были наиболее выгодными, а рабочий беспрекословно подчинялся, как бы они тяжелы ни были. Да и попробуй не подчиниться. Фабриканту-то нетрудно потерять одного, другого работника. Ведь за воротами фабрики всегда стоят сотни голодных людей, жадно ищущих места и готовых на все уступки, только бы, наконец, уйти от ужасного призрака голодной смерти. Слезы жены и жалобно просящего молока грудного ребенка заставляли рабочего соглашаться на любые условия, которые предлагал ему всесильный капиталист. И заработная плата всегда оставалась возмутительно нищенскою. Рабочий день был ужасающе-длинен, продолжаясь нередко «от зари до зари»; условия работы были невыносимо тяжелы. Все терпел, стиснув зубы, «свободный» рабочий, ибо знал, что вне этого для него непроходимая пропасть полной нищеты, голода и медленного умирания. Со скрываемым глубоко в груди бешенством выносил рабочий глумления хамов-мастеров и всяких директоров, подрядчиков, десятников и т. п., только бы не очутиться за воротами предприятия. Сколько раз под бременем безумно тяжелых экономических условий жизни, в особенности при наличии семьи, самые сознательные рабочие должны были позорно кончать забастовки и итти на уступки.

Да и что говорить о «свободе труда», когда за одну попытку сорганизоваться, устроить профессиональный союз, узнать истину на лекции или на собрании, даже за одну жажду света и знания, выражающуюся в чтении книг и газет, рабочих без всякого суда хватали, сажали в тюрьмы, ссылали. А при первых попытках пролетариата действительно оградить интересы своего «свободного труда», при объявлении забастовки в целях повышения заработков, укорочения рабочего дня, улучшения санитарных условий работы, удаления ненавистного мастера и т. д., на фабрики вводилась полиция, на толпу мирно демонстрирующих людей напускались казаки, гремели пулеметы, раздавались ружейные залпы, гуляли по спинам нагайки. Кровавым кошмаром памятно еще каждому рабочему время «свободного труда».

С. Каплун.

ПАУКИ И МУХИ.

Всякий знает это мохнатое существо с липким телом, с круглым жирным животом. В темных углах, подальше от солнечного света, строит оно свое разбойничье гнездо. В него попадает бед-

ная неосторожная муха и гибнет там. Гнусное чудовище с блестящими глазами, с длинными скрюченными лапами как бы создано для того, чтобы хватать и душить свою добычу. Это чудовище — паук. Присмотритесь, как неподвижно, с каким равнодушным видом сидит он в уголку и внимательно смотрит, не попадает ли в его царство какая-нибудь добыча. Как умело прядет он смертоносную ткань, чтобы поймать и безвыходно запутать бедную муху.

Гнусное создание не жалеет времени, чтобы по возможности лучше соткать свои сети. Сначала оно протягивает одну нить, за ней другую, третью и т. д.; затем протягивает поперечные нити и связывает их новыми ниточками; это все делается для того, чтобы добыча, даже напрягши все свои силы, не могла разорвать сети.

Наконец, сеть выплетена, ловушка изготовлена, уйти из нее нельзя. Паук возвращается в свое убежище и ждет, пока голодная легкомысленная муха не прилетит искать пищи. Ждать ему приходится недолго — муха прилетела. Бедная, в поисках за пищей, она бросается во все стороны и вот сразу налетела на расставленные тенета и запуталась. Сразу видно, что ее ждет. Паук уже заметил добычу и покидает свое убежище. С хищным взглядом, распростертыми лапами он медленно приближается к добыче. Спешить некуда.

Гнусное создание хорошо знает, что раз эта несчастная жертва попалась — она уже никуда не уйдет. Паук все приближается, пронзая ее своими вытаращенными глазами. Муха замирает, дрожит... она почуяла свою неизбежную смерть, стремится освободиться и изнемогает в отчаянных попытках. Все труды, все старания напрасны. Паутина запутывается все сильнее, новые нити, петли охватывают муху все крепче; а паук тем временем все приближается. Без сил, без дыхания, она уже вся во власти своего врага.

Тогда гнусное чудовище протягивает к ней свои цепкие лапы и — душит ее. Сначала оно начинает высасывать кровь из дрожащего тела своей несчастной жертвы; затем, заглушив на время жажду крови, бросает ее полумертвой; а через несколько времени опять возвращается, опять сосет... Мука эта тянется долго, иной раз очень долго, пока у несчастной мухи остается хоть капля крови.

Хищный вампир дышит ее жизнью, высасывает ее соки и не спускает с нее глаз, пока можно выжать хоть частичку жизненной силы, даже из трупа. Наконец, муха сдыхает и ее выбрасывают из паутины, как ненужный сор. Первое дуновение ветерка — и мухи как не было. Паук доволен, он наелся и возвращается в свое убежище. Он доволен и собою, и всем миром, и размышляет сам с собою, что, дескать, в наши времена еще можно жить на свете порядочным людям.

В. Либкнехт.

ГОЛОДНАЯ СМЕРТЬ.

Мы подошли к крохотной избушке, лепившейся к глинистому обрыву. Таких избушек в Павловском много, и снаружи они даже красивы: крохотные стены, крохотные крыши, крохотные окна. Так и кажется, что это игрушка, кукольный домик, где живут такие же кукольные, игрушечные люди.

И это отчасти правда... Когда мы, согнув головы, вошли в эту избушку, на нас испуганно взглянули три пары глаз, принадлежавших трем крохотным существам.

Три женские фигуры стояли у станков: старуха, девушка лет восемнадцати и маленькая девочка лет тринадцати. Впрочем, возраст ее определить было очень трудно: девочка была, как две капли, похожа на мать, такая же сморщенная, такая же старенькая, такая же поразительно худая...

Я не мог вынести ее взгляда... Это был буквально маленький скелет, с маленькими руками, державшими тяжелый, стальной напильник в длинных, костлявых пальцах. Лицо, обтянутое прозрачной кожей, было просто страшно, зубы оскаливались, на шее, при поворотах, выступали одни сухожилия... Это было маленькое олицетворение... голода...

Да, это была просто-напросто маленькая голодная смерть за рабочим станком. Того, что зарабатывали эти три женщины, едва хватает, чтобы поддерживать искру существования в трех рабочих единицах кустарного села...

Эти три существа работают с утра до ночи, занимаясь отделкой замков. Нищета есть везде. Но такую нищету, за неисходною работой, вы увидите, пожалуй, в одном только кустарном селе. Жизнь городского нищего, протягивающего на улицах руку,— да это рай в сравнении с этой рабочею жизнью.

— Вот она — в корню у меня, — указала старуха на старшую дочь. Та отличалась от обеих тем, что гораздо более походила на живого человека, хотя ее лицо тоже было бледно и нездорово...

Я отдал девочке несколько денег и вышел, отвернувшись, чтобы не видеть жалкой улыбки, странно заигравшей на этом ужасном лице. Но я все-таки унес ее взгляд с собой, на темную павловскую улицу...

В. Короленко.

(«Павловские очерки».)

НАТАШИНО ГОРЕ.

Паром наполнена кухня в квартире наборщика Сильченко — жена Наташа управляется.

На плите шипят горшки, прыгают покрышки, в плите бурлит котел с водой, сбоку — корыто с намоченным бельем, в люльке

надрывается от крика шестимесячный Гришка, а на полу, хватаясь за юбку матери, дочка Миля учится ходить. Наташе не впервые в таком содоме, сколько лет уж так управляется и все у ней в свое время и на месте бывало, но на этот раз она что-то другая, озабоченная, и дело не клеится.

Вместо того, чтобы Гришке соску дать, не обращает на него внимания, в белье кофе из чайника вылила, каша от недогляда пригорела.

Рассеянно мотаются руки между горшками и чашками. Лицо горит как маков цвет. В глазах тоска гнетущая, женская, а в сжатых, тонких губах — безнадежность и горечь.

Не без причины она такая убитая.

Наташа с 19 лет замужем. Дети пошли — работу на фабрике пришлось бросить, стала дома возиться.

Пока была одна Миля, легко справлялась; а появился Гришка, разрываться на части пришлось. Наташа одна, помогать некому, дела уйма — на рынок сходи и в очереди в лавке постой. Дети дома или одни остаются или старшенькую дочку соседки просить приходится, чтобы приглядела.

А теперь вот еще третий думает родиться. Что с ним она будет делать?

Няньку нанимать — средств нет, и так еле на обед хватает. Аборт сделать — тоже деньги большие сразу нужны, так как в больнице теперь бесплатно делают только чахоточным и другим больным, а здоровым не делают совсем, а какая Наташа больная, когда она — кровь с молоком.

Но иметь третьего ребенка немыслимо. Без него кухня заела, на свет посмотреть некогда. Ну и решила Наташа, по совету знакомой, собственными средствами от беременности избавиться. Начала делать припарки, горчичники, капли принимать разные, — хоть бы что, никаких признаков.

Как же тут голову не потерять, как не вылить кофе в белье?

В комнату вошла знакомая приятельница. Оттащила Милю от юбки матери, села с ней у люльки и участливо, испытующе посмотрела на Наташу.

— Ну что, как?

— А, видно, так или иначе пропадать. — И Наташа, махнув безнадежно рукой, хлюпнула горячей воды в корыто и с ожесточенной энергией принялась за стирку. Знакомая была старше ее летами. Четверых детей вырастила — кто работает, кто в школу уже ходит. Знала она хорошо участь женскую и потому жалела Наташу, что с молодых лет за ребятами света не видит.

— Ты бы выварку из верхних листьев старого лука попробовала выпить или ту смесь, что у меня стоит.

— Пила, да что проку, такое уж нутро крепкое — не берет. Ужотка, завтра из деревни сестра привезет какой-то порох

с медью... Сначала не думала принимать, да что теперь — все равно, от пороху или от третьего ребенка пропадать!

Наташа продолжала плескать воду, толкать горшки, мешать кашу.

Пришел Сильченко с работы. Поглядел кругом и насупился.

— Чего у тебя дети всегда чумазые? Под ногами картошка вареная, не убрано...

Сел обедать — не разговаривает. Разделся, лег отдыхать.

Наташе комок к горлу подкатился — так больно и обидно стало.

Через час Сильченко встает и собирается уходить:

— Ты куда?

— На выставку. У нас экскурсия...

— Ты бы теперь хоть немножко подумал и сказал, что мне делать в моем положении.

Сильченко остановился, замялся и в его глазах мелькнуло участие, да, видно, ничего больше не придумал:

— Ну, что ж... рожай... как-нибудь перебьемся...

Ушел. Осталась Наташа, предоставленная сама себе. Миля потащила клеенку со стола — полетели тарелки. На плите, пользуясь удобной минутой, кошка Гришкино молоко, облизываясь, захлебала...

Заплакала Наташа.

— Не только пороху с медью, а динамиту проглотишь, лишь бы почувствовать себя человеком, а не каторжником.

Зич.

В ГРЯЗИ, В НИЩЕТЕ, ГОЛОДНА.

Затекшие пальцы болят
И веки болят на опухших глазах...
Швея в своем жалком отрепье сидит
С шитьем и иголкой в руках...
Шьет — шьет — шьет
В грязи, в нищете, голодна,
И жалобно горькую песню поет —
Поет о рубашке она.
«Работай, работай, работай,
Пока не сожмет головы, как в тисках.
Работай, работай, работай,
Пока не померкнет в глазах.
Строчку — ластовку — ворот —
Ворот — ластовку — строчку...
Повалит ли сон над шитьем — и во сне
Строчишь все, да рубишь сорочку».
О, братья любимых сестер,
Опора любимых супруг, матерей,

Не холст на рубашках вы носите — нет,
А жизнь безотрадную швей.
Шей, шей, шей...
В грязи, в нищете, голодна,
Рубашку и саван одною иглой
Я шью из того-ж полотна.
Но что мне до смерти. Ее не боюсь,
И сердце не дрогнет мое,
Хоть тотчас костлявая гостья приди,
Я стала похожа сама на нее,
Похожа от голода я на нее...
Здоровье не явится вновь,
Строчка — ластовка — ворот,
Ворот — строчка — рубец.
Работай, работай, работай.
Мой труд бесконечно жесток.
А плата. Отрепье, солома в углу,
Да черствого хлеба кусок.
Скамейка да стол, голый пол,
Убогая кровля сквозится...
И то любо мне, как на серой стене
Порой моя тень отразится.
О, только бы раз подышать
Дыханьем лугов, полевыми цветами.
Вверху только небо одно,
Трава и цветы под ногами.
О, только бы час лишь прожить
Блаженством младенческих лет,
Когда я не знала, что буду ценить
Дороже прогулки обед.
О, только бы час лишь один.
Лишь миг... Чтоб душа ожила...
Любовь и надежда. И мига вам нет:
Все время печаль отняла.
Поплакать бы, — легче бы сердцу от слез...
Нет, слезы мои не теките.
Иголке моей не мешайте вы шить,
Шитья моего не мочите.
Затекшие пальцы болят,
И веки болят на опухших глазах;
Швея в своем жалком отрепье сидит
С шитьем и иголкой в руках...
Шьет — шьет — шьет,
В грязи, в нищете, голодна,
И жалобно горькую песню поет...
Поет о рубашке она.

Т. Гуд.

(«Песнь о рубашке».)

В ЛАПАХ У КУЛАКА.

Пьеса Чижевского «Его величество Трифон» — осколок крестьянского быта в предреволюционные времена.

Деревенскому кулаку-лавочнику Трифону нравится жена крестьянина Степана — Дарья. Трифон, привыкший покорять грубостью деревенских «баб», преследует ее. Дарья избегает Трифона. Все увещевания его и уговоры напрасны. Но кулак упорен. Он видит, что по-хорошему Дарью не возьмешь — идет на подлость. Трифон доносит сельскому старосте, что муж Дарьи Степан — вредный человек для общества: ненавидит иконы, не ходит в церковь, работает в торжественные праздничные дни.

Представители власти арестовывают Степана. Видя беззащитной Дарью, Трифон нагло пристает к ней. Она ненавидит его и не дается одурачить. Трифон злобствует, разоряет имущество Степана.

Исхода нет. Дарья в отчаянии. Наступает голод. Но преследуемая жадным кулаком, женщина решает лучше умереть, чем принадлежать извергу Трифону. Дарья в отчаянии убивает свою дочь и сходит с ума.

ИЗ ЧЕТВЕРТОГО ДЕЙСТВИЯ.

Степанова изба, низенькая, на правый бок осела и углом будто носом, уткнулась в землю.

Кругом голо и серо.

Меж печью и окном под тряпьем шевелятся ребята.

У окна на полу сидит Дарья. Она разложила тряпье и что-то вылаживает. Задумывается. Наводит на окна за рукава рубашонку, смотрит в дырки, вздыхает, глядит в сторону ребят, потом сгребает тряпье и тычется в него лицом.

Прошка. Мамань.

Дарья. Чего тебе?

Прошка. Живот... у Дунятки во какой... и сказывать не хочет... ты, слышь, плакать будешь.

Анисья *(к Дарье, разгребающей тряпье)*. Оголи-ка ее, оголи. А ты, пичушка, лежи... Ишь ты... *(Расцупывая.)* От голодухи, чай... в ноги ударило... *(К Дарье.)* Я, вот, тебе сказывала. *(К Дуняшке.)* На-ка, милашка, погрызи... *(Что-то дает из сумки.)*

Дарья *(растерянно)*. Началось. Что теперя делать?

Анисья. Фершала бы, да пойдет ли он? Неплатный-то он богатеям.

Дарья. Лекарствами сыт не будешь. *(Вскакивает и бежит к Анисье.)* Тетенька... *(Падает Анисье на шею.)* Смотреть на них *(в сторону, где дети)* боюсь... *(Хватается за грудь.)* Тута разрывается... Мочи нет... *(Стонет.)* Чего мне теперя, чего?.. Я буду кричать... биться... Анись... Ведь отымают их у меня... *(Бежит к тряпью, обнимает ребят, целует, заливая их слезами.)* Мои... мои, не отдам... Умру — не отдам...

Анисья. Будет тебе, очумелая, пра-а... Перехватить бы у кого.

Дарья *(как в воду опущенная)*. Не у кого. Подойдешь — ничего, припадать начнут, в душу готовы залезть, а заговори — спину увидишь. Сразу, как что сделалось с ними. А допрежь сами шли, упрашивали, под заклад все... много их было... Вишь ничего не осталось... Изба одна... в карман не влезла и на спине не уместилась. Все растащили за долги, да под заклад.

Анисья. Под работу бы где.

Дарья *(трет темя)*. Пробовала. Кто дал бы — работы нету. А у кого работа — с Трифоном, говорят, поладь. На барском дворе совсем уж было сговорились, да Трифон с приказчиками чего-то... отрядили. *(Шатается.)* Голова, Анись, ровно на колокольне я... вот, вот рушусь...

Анисья. Гм... Приляг-ко, милая, приляг, голубушка. *(Ведет Дарью, усаживает.)* Како дело-то... *(Решительно.)* Пойду к батюшке, к фершалу забреду, и ежели что — в ноги упаду, а вымолю, так не вернусь, не убивайся только, отойди, милая, верно-о. *(Уходит.)*

Дарья *(встает, проводит по глазам, ко всему присматривается, задумывается)*. Все... кругом... надвигается и... задушит. Что-ж? *(Бежит к ребятам.)* Нет папани, нейдет, тама он, нас ждет... к нему пойдем... Тама он стонет — тятя... из-за нас ему, из-за меня. О, окаянная краса... *(Царапает лицо ногтями.)*

Прошка. Ен хороший, тятя... всех лучше... Кулаки—во. Ен им задаст.

Дуняшка *(слабо стонет)*. Живот... *(Дарью передергивает.)*

(За дверью слышно: кхе, кхе. Затем кто-то тукает в дверь. Дарья вздрагивает. Глаза у нее делаются большие, страшные. Ребята, спугнутые не в лад, карабкаются на Дарью. Дарья, сидя, отодвигается в самый угол. Голос Трифона:—Дверь-то отворила-б, что-ль, разобьешься в темноте. Чай, не прощалыга какой.)

Трифон *(входит, постукивая палкой)*. Кхе, кхе...

(Дарья и ребята сбились в кучу, все дрожат.)

Трифон. Что глаза выпучила, как лягушка? К тебе по делу пришли. Ополоумела?.. *(Пугливо осматривается, пятится.)*

Дарья. Настоящий ты?

Трифон *(растерянно)*. Ты что... пра-а... *(Продолжает пятиться, нашаривая сзади палкой дверь.)*

Дарья. Изверг. *(Вылетает на середину избы.)*

Трифон *(по-детски угрожая)*. Ну, ну... А то, ведь, я те во... *(Трясет палкой.)* Что, в самом деле? Я те не кто-нибудь-с, да. *(Наступает.)* Ты что? Дуришь все? *(Указывая вокруг.)*

Вот-с . . . и ребят изводишь. Бить тебя, да некому. Слышь? *(Стучит палкой.)* Как отец, сказываю, в последний раз: брось, сдайся.

Дарья *(захлебываясь внутри)*. Хороша я? А? Глазом поведу — в жар бросит. Поцелую — обожгу. А уж обойму — спепелю.

Трифон *(дрожит)*. Огонь смольной, огонь . . . и жилочки у тебя так . . . дрожат, трепещут-с . . .

Дарья. Больно охота? А? Ха-ха-ха . . . Не знаю, и, впрямь, не сдаться ли уж? На руках носить будешь?

Трифон *(чуть не подползая)*. Что хошь, что хошь . . . Я тебе не сказывал — в мыслях у меня: еще малость опериться и . . . *(Тряпки тихонько в окне вылезают, и в дырке, как в рамке, кажется лицо то Акулинино, то Анисьино.)* Акулину брошу-с . . . Тебя возьму, в город переедем. А тама, Дарь, не сойти мне с места: всю губернию завозжаю. Не губернатор будет править, а я-с. Губернатор-то в корне у меня будет, и губернаторша к ручке твоей будет прикладываться. Честь-то какова? А?

Дарья. Изверг. Уйди. *(Собирается кинуться на Трифона.)* Загрызу. Загрызу.

Трифон *(сквозь зубы)*. Вот как ты? Ежели ты так-то, то вот что я тебе скажу, молодочка-с, затем и пришел: не сдашься — выселю. Долгов нацарапала — опишу-с, хе-хе-хе . . .

Дарья. Не у тебя брала — не можешь.

Трифон. Брала у подосланных, мои денежки-с.

Дарья. Твои?

Трифон. Мои-с, хе-хе-хе . . . Вот-с, за понятыми пойду.

(Трифон уходит. Дарья по-кошачьи крадется за ним.)

Дунятка. Живот . . . мамань . . .

Дарья *(как будто кто-то бьет ее сзади, вздрагивает; от дверей кидается к ребятам, стонет)*. О-о-о...

Трифон *(возвращается)*. Я те (*шевелит пальцем*) такого эдакого ничего не говорил, упредил только насчет описи. Без упреждения мог бы, да доброта. Сказывают, я злой, а я, вишь, добрый.

Дарья *(ядовито)*. То-то ты полуоколелых выкидываешь за плетень, как щенят, за ноги бы их еще.

Трифон *(тыча палкой в сторону ребят)*. Мне они что? Ты надобна.

Дарья. Доканать чтоб?

Трифон. Доканать не в расчетах-с, нет.

Дарья. А ежели я и под плетнем не сдамся, чего тогда придумаешь?

Трифон. Ништо — сдашься. Отседова бы только тебя, а тама сдашься, моя будешь, хе-хе-хе . . .

Дарья *(срывается, налетает на Трифона)*. Во, что? Так не пойду я. Не пойду.

Трифон. Увидим-с, увидим-с . . . *(Спиной уходит.)*

Дарья *(растерянная, бродит, шатаясь. Посреди избы сама с собою).* А вытряхнет ежели из избы — опоганит. *(Как прислушивается к чему-то внутри себя.)* Загубит... сердце, как шепчет... загубит... *(Где-то шорох. Руки ее сами собой тихо забирают нож. В ужасе шопотом.)* С понятыми... *(Безумно осматривается, замечает в руках нож, удивленно рассматривает его, глядит на руки, смотрит вокруг, нож кладет. За окном слышны шаги, гомон. Дарью как пронзает что.)* Идет... успей только, успей... *(Шарахается по избе, будто чего-то ищет.)* Сейчас, сейчас... *(Схватывает пояс, бежит к двери.)*

Прошка. Дуняшка. *(Вместе, вразброд.)* Мама-а-ань... Мама-а-ань...

Дарья *(как одернутая назад).* Ребята... *(Пояс прячет, виновато.)* Простите... *(Подходит.)* Забыла вас... Оставила, было... не оставлю... вместе... желторотые вы мои... горемычные... *(Садится, прижимает ребят к себе и ласкает. Слезы бегут. Где-то на селе уныло и затяжно лает собака.)*

Дм. Чижевский.

(«Его величество Трифон».)

ДОЛЯ ЖЕНСКАЯ.

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты русская, долюшка женская,
Вряд ли труднее сыскать.
Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Все выносящего русского племени
Многострадальная мать.
Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.
Бедная баба из сил выбивается —
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит.
Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать.
Слышится крик у соседней полосыньки;
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать.
Что же ты стала над ним в отупении,
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать...
Слезы ли, пот ли у ней над ресницею —
Право, сказать мудрено.

В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — все равно.
Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам...

Некрасов.

ПРОПИЛИ ДЕВКУ.

У нас обычай: как только минуло девушке 16—17 лет, родители норовят поскорее сбыть ее с рук.

С волею их не считаются, пропивают часто под хмельную руку где-нибудь у кабака, и нередки случаи, когда невеста видит в первый раз жениха своего под венцом.

Оставаться в девках считается позором для всего семейства и мало-мальски засидевшуюся ходят «напяливать». Это — уж забота матерей. С поклонами и просьбами они подымают на ноги многочисленных кумушек, тетушек, троюродных сестриц — походить по женихам, приглядеться к «заведению», потолковать. В случае удачи, кумушки и тетки получают рушники, «штуки» на платье, шали, нарукавники, а за неудачу — выговор.

Те, что с достатком, идут напяливать засидевшихся невест к гольтепе из хороших, а бедные ищут вдовцов, охаверников, порченых, лоскутников и пьяниц, — таких же несчастных, как сами.

Соблазненные овцой или полутелком, что идет на придачу, хорошей обужей-одежей, многоречивыми обещаниями «в случае чего — помочь», а чаще под суровым давлением родителей, парни, скрепя сердце, женятся на нелюбимых, надевая на весь век ярмо бестолковой жизни, которая потом переходит в тяжелую повседневную муку неровень.

— Я у батюшки-то то-то ела и пила, вот так-то обряжалась, а у тебя что — сумка сальная да гашник вшивый, — зудит день и ночь постылая жена. — К чему ты меня брал. Да я бы вышла за купца, кабы не ты, растрепа...

Начинаются ссоры, побои, увечья. Муж ищет отраду и семью у «синопольки», а из жены часто выходит кликуша.

И ее доля не легка: иной раз из привольной жизни многочисленного здорового, трудоспособного и согласного между собой семейства она попадает в какой-то вертеп. Там она росла незаметной, под опекой и ласкою матери, имея под руками готовый хлеб, а замужество толкнуло ее к голодным и несчастным людям, выбившимся из сил в борьбе с нуждою. На ее неопытные, слабые плечи неожиданно падает вся тяжесть каторжной работы — и в доме и в поле; вечно сердце ее терзается заботою о завтрашнем дне; изможденное тело не доедает, не досыпает...

А если к этому прибавить разутых и раздетых детей, свекровь-змею и мужа-пьяницу, то станет понятным тот ад, та непрерывная

дикая брань с упреками, злобой и насмешками, с истерическими воплями, отчаянием, порою с преступлениями, которые составляют неизбежную канву мучительной крестьянской жизни.

Что же сказать о бедноте, о том, как она живет, женится и умирает. Измотав всю свою силу и мощь до замужества, надорвав себя часто в 13—14 лет, пережив не одну страшную минуту в доме пьяного отца, покорная и разбитая вступает бедная крестьянская девушка в жизнь. Не ждет она от этой жизни перемены, на брак смотрит не как на светлую зарю счастья, сулящую нечто неизведанное и прекрасное, а как на необходимость, как на новое еще горшее тягло.

И редкая из них, действительно, находит хоть крупицу счастья, редкая с любовью и восторгом помянет свою молодость — нечем ее помянуть, слезами разве, горем, маятой . . .

Много нужно силы душевной, много терпения и кротости, еще больше горячей веры в лучшее, которое где-то там — дальше, за нами, впереди, чтобы не умереть, не сойти с ума, не отчаяться и не погибнуть. Нужна своя внутренняя жизнь, тайная и непрерывная работа души, напряженной и тоскующей, чтобы суметь вырваться из цепких лап невежества, рабства, вопиющей нужды и холопского деспотизма замордованных людей.

Этой внутреннею силою была крепка душа моей сестры.

Еще на девятнадцатом году Мотю стали звать вековушкою. Все были уверены, что замуж ее не возьмет никто: и потому, что она некрасива, и потому, что мы бедны, и потому, что отец наш слыл в Осташкове за дерзкого на язык пьяницу и нерачителя в хозяйстве.

Сестра замуж и сама не собиралась: все так же нигде не показывалась, избегая людей и лишних разговоров, просиживая все свободное время за евангелием.

Скоро все подруги ее вышли замуж и обзавелись детьми. Приезжая гостить к матерям, забегали навестить Мотю.

— Ну-ка, девка, погляди сопатенького, — говорили они, показывая детей. — Смеется уж, всех узнает, в отца смышленный. . . Мой-то, слышишь, сметливый, первеющий по всей деревне.

Или:

— Зубки прорезаться стали: теперь ему гвозди впору есть, лохматому казютке.

Участливо глядя на сестру, наперебой хвастались новой жизнью, где «всего вдосталь, говядину едят каждый праздник, чай — два раза в неделю, а по воскресеньям — со сдобными лепешками; батюшка и матушка — ласковы, муж — никак не налюбуется».

— У тебя вот скоро загуляем, — утешали они Мотю, — пьяные напьемся, песни будем драть на всю деревню.

Сестра отмалчивалась. Редко когда улыбнется, бросит:

— Мы уже вино запасаем.

Она тяготилась их участием.

В последних числах октября я ушел с артелью плотников на железную дорогу — учиться ремеслу и деньги зарабатывать. Мысль о городишенском училище, о городе, о новой жизни пришлось бросить: дома не было ни хлеба, ни денег, ни одежи.

— Ты теперь не маленький, — сказали мне, — пора кормить семью... Пускай, кто жирен, учится, нам в пору дыхать...

Недели через две, смотрю, ко мне приезжает отец.

— Ты зачем.

— Зачем, зачем, без дела не приехал бы, — бормотал он, привязывая лошаденку к коновязи. — Раз дело приспичило, значит и приехал.

Отец подтянул веревку, заменявшую ему кушак, развел руками, поглядел на небо и, мигнув мне, выпалил:

— Намедни Матрешку пропили, вот зачем... Просись у хозяина дня на четыре в отпуск.

Он ухмыльнулся, дернув бородою:

— Мы, брат, живо: чик-чик и — готова дочь попова...

— Как пропили, — остановился я, пропуская мимо ушей подозрительно веселую болтовню отца.

Отец осел и, ковыряя кнутовищем стружки у станка, опять забормотал, воротя лицо по ветру:

— Разве не знаешь, как девок пропивают. Пропили и — все. У меня упало сердце.

— За кого же? Свой деревенский или как? Расскажи хоть толком.

— А за Мишку Сорочинского, — почему-то слишком весело воскликнул он. — Тут даже нечего рассказывать...

— За Ми-ишку, — закричал я.

Отец поднял брови.

— За кого же? Стало-быть — за Мишку. Он мужик не глупый.

Он засуетился, как побитый.

— Ну, как тебе сказать. Немного того... Как-будто, видишь ли... дыть ей то тоже двадцать другой год...

Отец потупился.

— Опять вино... Вина он даст на свадьбу... Ты думаешь, что та-ак. Ого. Я сам — не промах... Два ведра вина и семь целковых денег на-чисто... Пойми-ка эту загибулю... Два ведра... Их тоже не укупишь — нынче дорого все стало... А она хозяйкой будет... Это, браток, много значит по крестьянству... Какая в том беда, что не молодой... Молокосос, по нынешнему времени, хуже — живо убежит в Украйну... А там его ищи-свищи...

— Плачет сестра-то. Глядел бы за нею...

— Ори, дурак. Язык длинен, — побагровел отец и, вытерев шапкою потное лицо, потупился. — Ей плакать не о чем.

Он наклонился к земле, поднял заржавевший штукатурный гвоздь и положил его к себе в карман.

— Плачет... Мелешь ты чорт знает что...

Полоса за полосой тянется однообразное жнивье, над ним — отяжелевшие грачи и голуби. По мелко расчесанной пашне пробивается нежная фиолетовая озимь. Бодро бежит, потряхивая головою, лошадь; четко стучат копыта о сухую, гладко прикатанную, дорогу. Не весело на сердце. Представляется испитое лицо «жениха» Моти — Мишки Сорочинского, мужика лет 30, вдовца, лохмотника, горького пьяницы. Всегда неумытый и от того позеленевший; волосы на голове похожи на мочало и пропитаны копотью; шея — тонкая, трясучая, из левого уха течет гной. На плечах — замызганный, грязный полушубок — дырявый, вытертый, мохрами и «колоколушками» по подолу, с холщевыми заплатами на спине и на плечах. В полушубке много насекомых, так как Мишка не снимает его ни зимой, ни летом. Войлочная, масляная шапка — как на чучеле.

Еще на значительном расстоянии от него смердит тухлым запахом курной избы, никогда немытого тела и собственной нечистоплотностью.

— Дух этот у меня завсегда, — сам же бахвалится он, скаля желтые, гнилые зубы. — Захочу — и сей секунд будет по первое число.

По слухам он страдает нехорошею болезнью, и соседи его избегают: не пьют из одной кружки, не просят докурить цыгарки, ничего не берут взаймы.

Избенка его — без крыши и двора, окруженная бесчисленными подпорками, стоит она, точно калека у церковной паперти, с краю деревни, уткнувшись подслеповатыми окнами в овраг. Вместо стекол — в окнах тряпки и синяя сахарная бумага, пол — земляной; входная дверь сбита с крючьев и над ней голодной пастью зияет черная дымовая дыра, обметанная сажей и пыльной паутиной. Зимой хижину заносит снегом, весной, до троицы, у порога — зеленеют лужи, в которых барахтаются чужие свиньи.

Ни скотины, ни птицы нет, землю сам не убирает, отдавая ее исполу одному из бедняков, в роде Егора Пазухина, и его же презирает за это.

— Вить это вам, дьяволам, много надо — все никак не нахватаетесь, все вам больше бы, ну, и копайтесь, как жуки в навозе, а мое дело маленькое — покурил да на печку, ближе к небушку... Работу, сказать тебе, дураки одни любят... на чорта, друг с заплатой, воды не навозишься, хоть лопни... я так рассуждаю: несчастные вы люди, вот что, да... сволочь двужильная...

И в этой смрадной яме, с постылым человеком, должна жить сестра моя — Матрена Сорочинская, Мишки пьяницы, последнего из последних человека «богом данная жена».

И. Вольнов.

(Из «Повести о днях моей жизни».)

РАБОТНИЦА.

Склонилась тихо у станка.
Привычен труд руке проворной.
Из-под узорного платка
Задорно вьется волос черный.
Но грустен взгляд лучистых глаз:
В нем боль и скорбь души невинной.
Слеза, сверкая, как алмаз,
Повисла на реснице длинной.
В груди тревогу сердце бьет:
Враг властный стал с рабою рядом,
Дыханьем жарким обдает,
Всю раздевает жадным взглядом:
— «Слышь... беспременно... ввечеру...
Упрешься — после не взыщи ты».
Застыла вся. — «Умру... Умру».
И нет спасенья. Нет защиты.

Д. Бедный.

ЖЕНЩИНА-МАТЬ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

Машенька — жена директора фабрики.

Машенька беременна. В доме самого господина директора фабрики празднично-озабоченное настроение. Еще бы: Машенька собирается подарить супругу наследника. Будет кому передать богатства, созданные руками работниц и рабочих?..

Доктор велел очень беречь Машеньку. Пусть Машенька не утомляется, не поднимает ничего тяжелого. Пусть кушает то, что ей по вкусу. Фрукты. Давайте ей фрукты. Свежую икру. Подавайте икру.

Главное, чтобы не было у Машеньки забот, огорчений, тогда ребенок родится крепкий, здоровый, тогда и роды пройдут легко, и Машенька свое здоровье сбережет.

Так говорят в семье г-на директора фабрики, так принято поступать с беременной в семьях, где кошельки набиты кредитками и золотом.

И Машеньку-барыню берегут.

— Машенька, не утомляйся. Машенька, не двигай кресла,— говорят вокруг Машеньки-барыни.

— Беременная женщина-мать для нас священна, — уверяют ханжи и фарисеи буржуазного лагеря. Так ли это на деле?

Машенька-прачка.

В том же доме, где живет г-жа директорша фабрики, на третьем дворе, в углу за ситцевой занавеской ютится другая Маша — прачка, поденщица. Маша-прачка тяжела на 8-м месяце. Но какие бы Маша-прачка сделала большие глаза, как бы удивилась, если бы ей сказали: «Машенька, ты не должна таскать тяжестей, ты должна беречь себя, ради себя, ради ребенка, ради человечества. Ты беременна, а, значит, в глазах общества, ты — священна».

Маша сочла бы говорившего за помешанного или за злого шутника. Женщина рабочего класса «священна», когда она беременна? Где это видано? Не убеждается ли Машенька-прачка, а с нею сотни тысяч других женщин неимущего класса, принужденных продавать свои рабочие руки фабрикантам, заводчикам, хозяевам, что тут-то с них и тянут две шкуры хозяева, когда видят, что нужда подступила, что выхода нет, что через силу, а идешь на заработок...

Беременной — главное: спокойный сон, хорошая пища, чистый воздух, умеренный моцион (движение), — учат доктора. И опять Маша-прачка, а с нею вместе сотни тысяч наемных работниц, рабынь капитала, засмеялись бы в лицо говорящему. Умеренный моцион. Чистый воздух. Здоровая, обильная пища. Спокойный сон. Кто из женщин рабочего класса знает эти блага, доступные только Машенькам-барыням, только женам господ фабрикантов?

Рано поутру, когда еще ночная тьма борется с зарею, и когда Машенька-барыня еще видит сладкие сны, Машенька-прачка встает со своей узкой постели и идет в сырую, темную прачечную, где ноги расползаются по мокрому полу, где не засохли еще вчерашние лужи, где в лицо ударяет затхло-гнилостный запах грязного белья...

Не по доброй воле плетется Маша-прачка в опостылевшую прачечную: за ней стоит неумолимый погоняла — нужда. Муж Маши — рабочий. Получки малы, — вдвоем не прокормишься. И, молча, стиснув зубы, простаивает Маша за корытом до последнего дня, до родов...

Не думайте, что у Маши-прачки «здоровье железное», как любят выражаться барыни про женщину-работницу. От долгого стояния за корытом у Маши-прачки ноги покрыты вздутыми жилами, походка ее стала медлительна и тяжела... Под глазами у Маши образовались мешки, руки опухли, а ночью давно уже настоящего сна нет у Маши-прачки...

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

Как часто, таская тяжелые корзины с мокрым бельем, Маша-прачка прислоняется к стене, чтобы не упасть: кружится голова, темнеет в глазах... А сколько раз кажется ей, что в спине ноет громадный больной зуб, и ног не передвинешь, будто свинцом налились...

Прилечь бы на часок, отдышаться... Да разве это «полагается» наемной работнице. Ишь «нежности» какие... Не барыня.

И молча терпит свою каторжную жизнь беременная Маша-прачка.

«Священна» лишь та беременная женщина, за чьей спиной не стоит неумолимый погоняла — нужда.

Маша-подгорничная.

Барыня-Машенька взяла в дом «подгорничную», из деревни «девчонку» господа себе привезли. Машеньке-барыне подгорничная понравилась за звонкий смех, за то, что коса у ней ниже колен, за то, что как птичка легкокрылая она по дому носится, каждому угодить старается. Золото девочка. 3 рубля в месяц жалованья ей положили, а работу несет за троих.

Не нахвалится барыня.

Сам «барин», господин директор фабрики, на нее заглядываться стал. Все чаще, все внимательней. Не чует беды девочка— неопытна, деревенская... Все ласковее, да ласковее барин становится... Доктор «барыню» тревожить не велел: покой прописал. Пусть спокойно младенца доносит — вреда бы ему не было. А подгорничная все на глаза барину попадается. И тоже Машей зовут... Спутать легко... Девочка глупая, незнающая. Запугать нетрудно. Со страху на все пойдет.

И забеременела Маша-подгорничная. Смеяться перестала. Осунулась. Злая забота сердце и денно и нощно сосет.

Узнала барыня-Машенька. Скандал подняла. Машу-подгорничную в 24 часа за ворота выставили.

Ходит Маша по городу, — ни друзей, ни угла... Кто «такую» ее теперь в «честном доме» держать будет.

Ходит Маша без места, без хлеба, без помощи.

Мимо реки прохаживается. Взглянет на темные волны — отвернется, зажмурится. Жутко... Тянет и страшит холодная, темная речная глубина...

Маша-красильщица.

В красильном отделении фабрики суматоха: замертво вынесли работницу. Что с ней? Отравилась парами. Чада не вынесла. Не новичок, пора бы к фабричному аду привыкнуть...

— Все пустяки, — сказал доктор, — не видите, что ли? — беременна, а у беременной всякие причуды бывают, — нечего им потакать.

И вернули красильщицу на работу. Идет по мастерским к своему месту, как пьяная шатается. Не слушаются отекшие ноги... Шутка ли. Десять часов изо-дня в день на работе. В ядовитых парах, среди чада и вредного воздуха. Домой вернешься, есть ли отдых работнице дома в семье, слепая мать-старуха без обеда сидит, усталый муж с завода голодный домой приплетется. Всех накорми, обо всех позаботься... Первая она с зарей на ногах, последняя до сна добирается...

А тут еще сверхурочные работы назначили. Дела бойко на фабрике пошли. Фабрикант прибыль горстями загребает. А за сверхурочные часы по копейке прибавит. Не согласен — ступай за ворота. Безработных, слава тебе, господи, довольно на свете. Попробовала красильщица сама у г-на директора отпуск себе выпросить.

— Родить скоро должна. Подготовиться бы надо. Дети малые, хозяйство, мать-старуха на руках.

Куда там, — и слушать не стал.

— Если каждой беременной «отпуск» давать, так проще фабрику закрыть. Не спали бы с мужьями, не беременели бы...

Оскорбил, надругался над ней при народе.

Приходится Маше-красильщице до последнего часа на работе маяться.

Так почитает сейчас материнство буржуазное общество.

Роды.

У Машеньки-барыни роды — событие. Праздник — не праздник, а дом ходуном ходит. Доктора, акушерки, сиделки...

Лежит родильница в чистой, мягкой постели. Цветы на столе. Муж к ручке прикладывается, почтальоны письма, телеграммы несут. Священник молебен благодарственный служит.

Ребенок родился здоровый, крепыш. Еще бы. Как берегли, как холили Машеньку-барыню.

А Машенька-прачка тоже рожает. В углу, за ситцевой занавеской, в комнате, набитой чужими людьми.

Тяжело Машеньке. Стоны старается подушкой заглушить. Соседи — народ все рабочий, нехорошо сна их лишать, последний отдых отнимать. К утру повитуха пришла. Умыла, прибрала младенца и к другой роженице поспешила. Лежит Машенька теперь одна в комнате. Глядит на ребеночка. Замарыш какой. Худенький, сморщенный... А глаза будто мать укоряют, печально так спрашивают: «Зачем ты меня родила?».

Глядит на него Машенька и плачет сама тихонько, неслышно.

Родила и подгорничная Маша, под забором, в глухой улице предместья. В родильный просилась — полно оказалось. В другой стучалась — не взяли, бумаг каких-то потребовали.

Родила и пошла. Идет — шатается. Младенца в платок завернула. Куда. — Некуда.

Речка темная вспомнилась, глубина речная, манящая, жуткая.

На утро городовые утопленницу вытащили.

Так почитает «мать» буржуазное общество.

У красильщицы Маши младенец мертвый на свет появился, недоносила. Через дыханье родной матери парами еще в утробе отравился.

Роды тяжелые были. Сама Маша-красильщица чуть на тот свет не отправилась. А к вечеру другого дня уж на ногах: прибирает, полощет, стряпает. Как же быть иначе. Кто же за Машу-красильщицу дом приберет, хозяйство наладит? Детишек накормит? Хорошо Машеньке-барыне девять дней в постели вылеживаться, как доктор велел, когда вокруг нее целый штат прислуги танцует...

Что с того, что Маша-красильщица ранней работой после родов болезнь тяжелую женскую нажила, себя искалечила.

Кто побережет работницу-родильницу? Кто снимет с ее плеч усталых непосильные заботы?

«Святое материнство» существует только для Машенек-барынь.

А. Коллонтай.

(«Женщина-мать».)

ДВЕ «БОЖЬИ МАТЕРИ».

На окраине огромного города, высоко над рекой, белел большой дом. Внизу на берегу чернела фабрика.

В белом доме, в громадных комнатах, залитых солнцем, жил хозяин фабрики с семьей. В полутемном подвале жил ткач с ткачихой той же фабрики.

У жены фабриканта родилась дочка. У ткачихи тоже родилась девочка.

В великолепной спальне висел образ божьей матери в золотой ризе. Барыня верила в бога, но знала, что матерь божья не поможет, если у человека нет денег.

У ткачихи, в запаутиненном углу тоже висела доска с почернелым ликом и глазами. Ткачиха с глубокой верой молилась, думала, что на нее смотрит сама божья матерь живая.

У фабрикантши были вокруг ребенка няньки, мамки, горничные, и кормила девочку молодуха, которая из-за нищеты с тоской

бросила свое дитя в деревне умирать на кислой соске, набитой ржаным хлебом.

Ребенок ткачихи, целый день надрываясь, кричал голодный, в мокрых пеленках. Некому было приглядеть за ребенком — мать и отец целый день за станком на фабрике, ни на минуту не замирала в матери тоска по своему маленькому.

Дочка фабрикантши расцветала, розовая, с перетянутыми ниточками ручками и ножками. Дочка ткачихи — была желтенькая со старушечьим личиком, кривыми ножками, как пожелтелая травка в темноте погреба.

Заболела дочка фабрикантши. Налетели со всех сторон самые знаменитые доктора, профессора, платили им большие тысячи, и вылечили девочку. Опять она розовая и живая, щебетала, как птичка. И смотрела на нее хорошо нарисованная доска в золотой оправе.

Заболела дочка ткачихи, стало ей сводить ручки и ножки, почернело маленькое личико, покривило посиневший ротик. Билась головой о доски измученная мать, рвала волосы, кидаясь на колени, и страстно молилась. Мучительно сжимая грудь костлявыми руками и исступленно глядя на почернелую доску полными муки, слез, надежды, отчаяния глазами:

— Мать пресвятая, пречистая, заступница! Спаси ты мне дочечку... вызволи мне дочечку... пущай выздоровеет моя дочечка... поставь ты ее на ножки... за что так она мучается?.. Мати пресвятая...

Гудит гудок, бросает ткачиха, глотая слезы, больную крошку, бежит работать. Уходит и ткач на работу, а в глазах — тоска...

Умерла маленькая и лежала, как желтенький свернувшийся листок, а в углу висела черная доска.

Поп торопливо похоронил, стараясь поскорей отделаться и скороговоркой приговаривая:

— Пути господни неисповедимы... за то ей там хорошо будет... на том свете.

— Хоть бы она на этом, хоть бы часочек, один бы часочек как следует пожила, — захлебываясь, выговорила мать.

Поп прикрикнул:

— Не гневи господа. Господь каждому дает крест, и каждый должен нести его. А то гореть тебе в печи огненной.

Росла и расцветала дочка у фабрикантши, у ткачихи дочка тлела в могиле, и никогда не заживала тоска у замученной женщины.

Попрежнему висели две «божьи матери»: одна — наверху, в позолоченной оправе, хорошо нарисованная на доске, другая — в полутьме подвала, полопавшаяся, на почернелой доске...

А. Серафимович.

ПАУЧОК-КРЕСТОВИЧОК.

Дили-бом... Дили-бом...
Стоит церковь — божий дом,
А в том доме — паучок,
Паучок-крестовичок,
Паучок семи пудов,
«Все от праведных трудов».
Нахлобучивши клобук,
Ухмыляется паук
И трезвонит целый день:
Делень-день... Делень-день...
Паук весело живет,
Паутиночку плетет —
В паутину ловит мух:
Молодаек и старух,
Молодцов и стариков —
Богомольных мужиков.
Мухи жалобно жужжат,
Пауку несут деньжат,
Все, что нажили горбом,
Дили-бом... Дили-бом...
Ай вы, братцы-мужики,
Горемыки-бедняки,
А давно уж паука
Взять пора вам за бока:
Ваши души он «спасал»,
Вашу кровушку сосал
Да кормил жену и чад —
Паучиху, паучат,
И пыхтел, осклабив рот:
— Ай, дурак же наш народ.

Д. Бедный.

В ПРИСЛУГАХ У ГОСПОД.

— Подай сюда ребенка, — слышится знакомый голос. — Подай сюда ребенка, — повторяет тот же голос, но уже сердито и резко. — Спишь, подлая.

Варька вскакивает и, оглядевшись, понимает в чем дело: нет ни шоссе, ни Пелагеи, ни встречных, а стоит посреди комнаты одна только хозяйка, которая пришла покормить своего ребенка. Пока толстая, плечистая хозяйка кормит и унимает ребенка, Варька стоит, глядит на нее и ждет, когда она кончит. А за окнами уже синеет воздух, тени и зеленое пятно на потолке заметно бледнеют. Скоро утро.

— Возьми, — говорит хозяйка, застегивая на груди сорочку. — Плачет, должно сглазили.

Варька берет ребенка, кладет его в колыбель и опять начинает качать. Зеленое пятно и тени мало-по-малу исчезают и уже некому лезть в ее голову и туманить мозг. А спать хочется по-прежнему, ужасно хочется. Варька кладет голову на край колыбели и качается всем туловищем, чтобы пересилить сон, но глаза все-таки слипаются, голова тяжела.

— Варька, затопи печку, — раздается в двери голос хозяина.

Значит, уже пора вставать и приниматься за работу. Варька оставляет колыбель и бежит за дровами. Она рада. Когда бегаешь и ходишь, спать уже не так хочется, как в сидячем положении. Она приносит дрова, топит печь и чувствует, как распрявляется ее одеревеневшее лицо и как проясняются мысли.

— Варька, поставь самовар, — кричит хозяйка.

Варька колет лучины, но едва успевает зажечь их и сунуть в самовар как слышится новый приказ:

— Варька почисть хозяину калоши.

Она садится на пол, чистит калоши и думает, что хорошо бы сунуть голову в большую глубокую калошу и подремать в ней немножко. . . И вдруг калоша растет, пухнет, наполняет собой всю комнату. Варька роняет щетку, но тотчас же встряхивает головой, пучит глаза и старается глядеть так, чтобы предметы не росли и не двигались в ее глазах.

— Варька, помой снаружи лестницу, а то от заказчиков совестно.

Варька моет лестницу, убирает комнаты, потом топит другую печь и бежит в лавочку. Работы много, нет ни одной минуты свободной.

Но ничто так не тяжело, как стоять на одном месте перед кухонным столом и чистить картошку. Голову тянет к столу, картошка рябит в глазах, нож валится из рук, а возле ходит толстая, сердитая хозяйка с засученными руками и говорит так громко, что звенит в ушах. Мучительно также прислуживать за обедом, стирать, шить. Бывают минуты когда хочется, ни на что не глядя, повалиться на пол и спать.

День проходит. Глядя, как темнеют окна, Варька сжимает себе деревенеющие виски и улыбается, сама не зная чего ради. Вечерняя мгла ласкает ее слипающиеся глаза и обещает ей скорый, крепкий сон. Вечером к хозяевам приходят гости.

— Варька, ставь самовар, — кричит хозяйка.

Самовар у хозяев маленький, и прежде, чем гости напиваются чаю, приходится подогревать его раз пять. После чаю Варька стоит целый час на одном месте, глядит на гостей и ждет приказаний.

— Варька, сбегай купи три бутылки пива.

Она срывается с места и старается бежать быстрее, чтобы прогнать сон.

— Варька, сбегай за водкой, Варька, где штопор, Варька, почисть селедку.

Но вот, наконец, гости ушли; огни тушатся, хозяева ложатся спать.

— Варька, покачай ребенка — раздается последний приказ.

В печке кричит сверчок; зеленое пятно на потолке и тень от панталон и пеленок опять лезут в полуоткрытые глаза Варьки, мигают и туманят ей голову.

— Баю-баюшки-баю, — мурлычит она,— а я песенку спою. . .

А ребенок кричит и изнемогает от крика. Варька видит опять грязное шоссе, людей с котомками, Пелагею, отца Ефима. Она все понимает, всех узнает, но сквозь полусон она не может только понять той силы, которая сковывает ее по рукам и по ногам, давит ее и мешает ей жить. Она оглядывается, ищет эту силу, чтобы избавиться от нее, но не находит. Наконец, измучившись, она напрягает все свои силы и зрение, глядит вверх на мигающее зеленое пятно и, прислушавшись к крику, находит врага, мешающего жить.

Этот враг — ребенок.

Она смеется. Ей удивительно: как это раньше она не могла понять такого пустяка. Зеленое пятно, тени и сверчок тоже, кажется, смеются и удивляются.

Ложное представление овладевает Варькой. Она встает с табурета и, широко улыбаясь, не мигая глазами, прохаживается по комнате. Ей приятно щекотно от мысли, что она сейчас избавится от ребенка, сковывающего ее по рукам и ногам. . . Убить ребенка, а потом спать, спать, спать. . .

Смеясь, подмигивая и грозя зеленому пятну пальцами, Варька подкрадывается к колыбели и наклоняется к ребенку. Задушив его, она быстро ложится на пол, смеется от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уже крепко, как мертвая.

А. Чехов.

(Из рассказа «Спать хочется».)

БОРЬБА ЗА РАСКРЕПОЩЕНИЕ ТРУДА.

НАЧАЛО ЖЕНСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

Когда, с какого времени следует считать начало женского рабочего движения в России. По существу своему движение работниц неразрывно связано с обще-рабочим движением, одно от другого неотделимо. Работница, как член пролетарского класса, как продавец рабочей силы, восставала каждый раз, когда рабочий вступался за свои попранные человеческие права, участвовала наравне и вместе с рабочими во всех рабочих восстаниях, во всех ненавистных царизму «фабричных бунтах».

Поэтому начало движения работниц в России совпадает с первыми проблесками пробуждения классового самосознания русского пролетариата: с его первыми попытками путем дружного натиска, стачек, забастовок добиться более сносных, менее унизительных и голодных условий существования.

Работница являлась активной (деятельной) участницей рабочих бунтов на суконной фабрике Лазарева в Москве — в 1874 г., она участвует в стачке 1878 г. на Новой Бумагопрядильне в Петербурге; она во главе стачки ткачей и ткачих в знаменитом выступлении рабочих в Орехове-Зуеве, сопровождавшемся разгромом фабричных зданий и вынудившем царское правительство поторопиться с изданием 3 июня 1885 г. закона, воспрещавшего ночной труд женщин и подростков.

Характерно, что стихийная (беспорядочная, неорганизованная) волна рабочих забастовок, всколыхнувшая пролетарскую Россию в 70-х и начале 80-х годов, охватывала, главным образом, текстильную промышленность, в которой всегда преобладают дешевые женские рабочие руки. Волнения 70-х до начала 80-х годов возникали на чисто экономической почве, порождаемые безработицей и упорным кризисом в хлопчато-бумажной промышленности. Но разве не знаменательно, что забитая, бесправная, закабаленная непосильным трудом, политически-неподготовленная «фабричная» оказывалась в передовых рядах борцов за права рабочего класса, за освобождение женщин. Жизнь

и тяжелые условия самостоятельно зарабатывающего пролетариата толкали фабричную работницу на открытое выступление против власти хозяев и кабалы капитала. Но, борясь за права и интересы своего класса, выступая только в качестве представителя наемного труда, работницы бессознательно прокладывали путь и для освобождения женщины, как таковой, от специальных пут, до сих пор еще тяготеющих над ней и создающих неравенство в положении и условиях жизни рабочих и работниц даже в рамках единого пролетарского класса.

А. Коллонтай.

«БАБЬИ БУНТЫ».

Политическое пробуждение женщин не ограничивалось одной городской беднотой. Впервые в России настойчиво, упорно и решительно стала напоминать о себе русская крестьянка. Конец 1904 г. и весь 1905 г. — это период непрекращающихся «бабьих бунтов». Толчком послужила японская война, все ужасы и тяготы, все социальное и экономическое зло, связанное с этой злосчастной войной, тяжким бременем ложилось на плечи крестьянки, жены и матери. Призыв запасных взваливал на ее и без того обремененные плечи двойную работу, двойные заботы, заставлял ее несамостоятельную, страшившуюся всего, что выходило из круга ее узких домашних интересов, неожиданно сталкиваться лицом к лицу с неведомыми до того враждебными силами, осязательно чувствовать все унижения бесправия, изведать до дна всю горечь незаслуженных обид. . . Серые, забитые крестьянки, впервые покидая насиженные гнезда, спешили в город, чтобы там, обивая пороги правительственных учреждений, добиваться вестей от мужа, сына, отца, хлопотать о пособии, отстаивать свои интересы. . . Все бесправие крестьянской доли, вся ложь и несправедливость существующего общественного уклада, воочию, в живом безобразном виде, предстали перед изумленной крестьянской бабой. . . Из города она возвращалась отрезвленной и закаленной, затаив в душе бесконечный запас горечи, ненависти и злобы. . .

Летом 1905 г. на юге вспыхнул ряд «бабьих бунтов». С гневом, с изумительной для женщины смелостью громят крестьянки воинские и полицейские управления, отбивают запасных. . . Вооружаясь граблями, вилами, метлами, крестьянки изгоняют из деревень и сел отряды стражников. По своему протестуют они против непосильного бремени войны. Их, разумеется, арестовывают, судят, приговаривают к жестоким наказаниям, но «бабьи бунты не стихают».

За «политическими» выступлениями крестьянок следует ряд «бабьих бунтов» на почве экономической. Это — пора повсеместных крестьянских волнений и сельскохозяйственных заба-

стовок. «Бабы» зачастую являлись в этих волнениях зачинщицами и подбивали к ним мужчин. Бывали случаи, когда, не добившись сочувствия мужиков, крестьянки одни шли в помещичьи усадьбы со своими требованиями. Вооружившись чем попало, выходили они впереди мужиков навстречу карательным отрядам.

Забитая, веками угнетенная, «баба» неожиданно очутилась одним из непрерывно действующих лиц разыгравшейся политической драмы. В течение всего революционного периода, в тесном, неразрывном единении с мужчиной, стояла она бессменно на страже обще-крестьянских интересов, напоминая о своих специальных бабьих нуждах только тогда, когда это не грозило повредить обще-крестьянскому делу.

Это не значило, будто крестьянки оставались равнодушными к своим женским запросам, будто они и пренебрегали ими. Наоборот, массовое участие крестьянок в общей борьбе укрепляло и развивало женское самосознание. Уже в ноябре 1905 г. крестьянки Воронежской губернии отправляют двух своих делегаток на крестьянский съезд с приговором от женского схода требовать «политических прав» и «воли» для женщин наравне с мужчинами.

А. Коллонтай.

«КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ».

Революция началась еще 9 января 1905 г., когда сотни тысяч петербургских рабочих и работниц направились с хоругвями и царскими портретами к Зимнему дворцу, к царю Николаю, просить свободы. Тогда еще многие рабочие верили, что можно вымолить свободу у царя и пошли к нему громадной толпой «искать правды и справедливости», искать у него улучшения мрачных, невыносимо-тяжелых условий своей жизни. Кровавый палач Николай ответил рабочим залпами из винтовок. Сотни рабочих легли на площади перед дворцом. Это «кровавое воскресенье» открыло глаза рабочему классу, широкие слои рабочих стали понимать, что «освобождение рабочих есть дело самих рабочих».

«Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть за месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни».

Эти слова сказаны были Ильичем в большевистской газете «Вперед» через несколько дней после «кровавого» воскресенья (12 января). Дальше, в той же статье, Ильич говорит:

«Лозунг геройского петербургского пролетариата: «смерть или свобода» эхом перекатывается теперь по всей России. События развиваются с поразительной быстротой...

Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента. . .

Только вооруженный народ может быть действительным оплотом народной свободы».

ПРОШЕНИЕ РАБОЧИХ К ЦАРЮ.

(9 января 1905 г.)

«Государь, мы, рабочие, дети наши, жены и беспомощные старцы-родители пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильными трудами, над нами надругаются, в нас не признают людей,— к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества. Нас душит деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению; для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук».

Такими торжественными нотами, в которых угроза пролетариев заглушает просьбу подданных, начиналась знаменитая петиция петербургских рабочих. Она рисовала все притеснения и оскорбления, которым подвергается народ. Она перечисляла все: от сквозняков на фабриках и до политического бесправия в стране. Она требовала амнистии, публичных свобод, отделения церкви от государства, 8-часового рабочего дня, нормальной заработной платы и постепенной передачи земли народу. Но в первую голову она ставила созыв учредительного собрания путем всеобщего и равного голосования.

«Вот, государь, — так заканчивалась петиция, — главные наши нужды, с которыми мы пришли к тебе . . . Повели и поклянись исполнить их — и ты сделаешь Россию сильной и славной, запечатлеешь имя твое в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу,— мы умрем здесь, на этой площади перед твоим дворцом. Нам некуда больше итти и не за чем. У нас только два пути — или к свободе и счастью, или в могилу. Укажи, государь, любой из них, — мы пойдем по нему беспрекословно, хотя бы то и был путь к смерти. Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жалко этой жертвы — мы охотно принесем ее».

(Из книги Троцкого «1905 г.».)

НА ДЕСЯТОЙ ВЕРСТЕ ОТ СТОЛИЦЫ.

. . . На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган. . .
Его любят зловещие птицы
И болотный целует туман.

Под глубоким, пушистым налетом
Ослепительно-белых снегов
Мертвецы приютилися — счетом
Девяносто рогожных мешков.

Нераздельною, братской семьею
Почиют они в недрах земли:
Кто с пробитой насквозь головою,
Кто с свинцовою пулей в груди...

И зловещие видели птицы:
Как в глубокий вечерний туман
Запыленные, грязные лица
Приходили на этот курган...

Как печально и долго стояли
И пред тем, как с холма уходить,
Все угрозы кому-то шептали
И давали обет отомстить...

... И зловещие птицы узреют —
И близка уже эта пора:
Как кровавое знамя завеет
Над вершиной родного холма.[1]

(Народная песня.)

ЖЕНЩИНА И ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905 г.

Революционный 1905 год глубоко всколыхнул рабочие массы: впервые русский рабочий почуял свою силу, впервые понял, что на плечах его держится и все народное благосостояние. Проснулась тогда же и русская пролетарская женщина-работница, неизменный сотрудник во всех политических выступлениях пролетариата в революционные 1905 — 1906 гг. Она — везде и всюду. Если-б мы захотели передать факты (случаи) массового участия женщин в движении тех дней, перечислить активные проявления протеста и борьбы работниц, напомнить о всех самоотверженных поступках женщин пролетариата, о их преданности идеалам социализма, нам пришлось бы картина за картиной восстанавливать историю русской революции 1905 г.

Многим еще памятны эти красочные годы. Как живые встают в памяти образы «еще серой», но уже пробуждающейся к жизни

[1] «В ночь на 13 января трупы убитых 9 января, как опознанные, так и не опознанные, были увезены из больниц за город. Часть была свезена на Преображенское кладбище, где в братской могиле было погребено 88 человек, из них 40 в гробах и 48 без гробов, прямо в верхнем платье. Явившиеся утром в больницы родственники уже не нашли убитых и бросились на Преображенское кладбище, где на братской могиле много было послано проклятий царю». (А. Николаев-Кузнецов — «Из воспоминаний очевидца».)

работницы, с пытливым, полным надежды, взором, обращенным на ораторов в скучных собраниях гапоновских отделов, наэлектризованных зажигающим душу энтузиазмом. Сосредоточенные, торжественные бесповоротной решимостью, мелькают женские лица в плотно сомкнутых рядах рабочего шествия и в памятное воскресенье 9 января. Необычайно яркое для Петербурга солнце освещает это торжественно-молчаливое шествие, играет на женских лицах, которых так много в толпе. Расплата за наивные иллюзии и детскую доверчивость настигает женщин: среди массовых январских жертв работница-подросток, работница-жена — заурядное явление. Перебрасываемый из мастерской в мастерскую лозунг — всеобщая забастовка, подхватываемый этими, вчера еще несознательными, женщинами, местами их первых заставляет бросать работу.

В провинции работницы не отстают от своих столичных товарок. Изнуренные работой, тяжелым голодным существованием, женщины покидают в октябрьские дни свои станки и, во имя общего дела, стойко лишают своих малюток последнего куска хлеба... Простыми, за душу хватающими, словами взывает оратор-работница к товарищам-мужчинам, предлагая бросить работу: она поддерживает бодрость бастующих, вдыхая энергию в колеблющихся... Работница неутомимо боролась, отважно протестовала, мужественно жертвовала собой за общее дело, но чем активнее становилась она, тем быстрее совершался процесс и ее умственного пробуждения. Работница начинает отдавать себе отчет в окружающем, в несправедливостях, связанных с капиталистическим строем: она начинает болезненнее и острее ощущать всю горечь своих женских страданий и бед. Рядом с общепролетарскими требованиями все яснее и отчетливее звучат голоса женщин рабочего класса, напоминающих о запросах и потребностях работниц. Уже в марте 1904 г. недопущение женщин в число делегатов от рабочих вызвало ропот и недовольство среди женщин: только-что перенесенные общие страдания и жертвы практически сблизили, уравняли женщину и мужчину рабочего класса. Казалось особенно несправедливым в эти минуты подчеркивать женщине-борцу и гражданке ее вековое бесправие.

... Года 1905 — 1906 были годами, особенно изобиловавшими женскими митингами. Работницы их охотно посещали. Женщины рабочего класса изнемогали под гнетом невыносимых условий труда, голода, необеспеченности семьи: их ближайшие требования были: более короткий рабочий день, более высокая оплата труда, более человеческое обращение со стороны фабричной и заводской администрации, поменьше полицейского ока, побольше свободы для «самодеятельности».

А. Коллонтай.

ВОСПОМИНАНИЯ РАБОТНИЦЫ.

(На Охте.)

К концу 1904 г. я имела только двухгодичный фабричный стаж.

Тяжелая доля была у меня и в деревне, откуда я ушла 14-летней девочкой, и в первые годы скитания прислугой по разным питерским господам. Роскошная жизнь этих господ была для меня первым уроком в области общественной грамоты. На этой жизни поняла я классовую рознь.

Я не думала тогда, и даже когда покинула жизнь прислуги и поступила на фабрику (Охтенскую бумагопрядильню) не вполне сознавала, что на царе лежит большая вина за все неустройства нашей жизни. Была я молодая, бойкая; песни любила петь и все, бывало, про царя пела.

Но уже с 1903 г. стала я освобождаться от предрассудка о царской любви к народу.

С этого времени я начинаю помнить сходки у рабочих, ораторов, выступавших на этих сходках и говоривших о 8-часовом рабочем дне, об увеличении заработка, об уменьшении штрафов. Попадали к нам на бумагопрядильню и листовки. Их подбрасывал кто-то в уборной.

Эти сходки и листовки втягивают меня в борьбу за рабочее дело. К этому времени у нас научились и на маевки ходить.

Помню, как в 1904 г. маевка, устроенная в Екатерингофском парке, была разогнана казаками, а к концу этого года Охтенская бумагопрядильня, а с нею и я ведем уже открытый бой с фабрикантом.

Началось это с того момента, как я нашла в нашей мастерской плотно сложенную бумажку, оказавшуюся прокламацией.

Все мы с волнением читали призыв прекратить работы, объявить забастовку. Недолго колебались рабочие, — решились. Остановили машину.

Только объявили забастовку и вышли на улицу, как нагнали нас казаки, и пошла гулять нагайка по спинам рабочих. Пришлось спасаться — кто как мог. Удирали через забор.

На следующий день на воротах фабрики появилось объявление, приглашавшее рабочих стать на работу. Кто не явится в указанный срок, тот будет считаться уволенным.

Задумались рабочие. Тяжелая была их доля. Запасов денежных, конечно, не было. У всех — семья с малыми ребятами. Страшно было оставить семью без куска хлеба. Большинство заколебалось. Попробовала я поддержать настроение, заговорила о необходимости продлить стачку, чтоб заставить хозяина исполнить наши требования, но ничего из этого не вышло. Забастовка пошла на убыль, а я чуть не поплатилась за свое

выступление. Одна из работниц донесла на меня хозяину, и тот, призвав меня к себе, грозил расчетом. С тех пор я стала осторожнее.

Но вот настал и 1905 год с проповедью Гапона—искать у царя помощи и защиты от акул-фабрикантов. Как-то сразу овладела рабочими та мысль, что царь защитит, царь поможет. Не слушали они тех, кто утверждал, что не будет толку из этой затеи, и темной тучей двинулись к царю.

9-ое января отрезвило всех. Убедились они, что не в обычае у царя жалеть рабочих. Не пожалел он не только взрослых, но и детей, с которыми пошли рабочие ко дворцу.

Не пожалел. . . Трупами усеял «милостивый царь» путь рабочих. Много их погибло. Многих подобрала я сама с земли, отправляя кого в больницу, кого — домой.

Сама я вернулась домой на третий день. Мужа дома еще не было. Свекровь гонит: «ступай туда, где шаталась». Старшая моя девочка понимала уже, что происходит, прижалась ко мне, заплакала.

Забрала я всех четверых своих ребят, ушла из дома, решив не возвращаться в него, но на улице встретила мужа, которому у дворца прострелили руку и бок; он убедил меня вернуться.

«Не миновать мне «Крестов», Даша, — сказал он, — так ты себя побереги». И вправду, в ту же ночь взяли мужа, продержали в тюрьме три недели. На завод его, конечно, не приняли, а вскоре и меня с фабрики выгнали.

Долго мы оба не могли устроиться прочно с заработком и кончилась эта передряга тем, что меня выслали из Питера в Полтавскую губернию, где я прожила полтора года, занимаясь полевыми работами.

Горько мне было думать о далеких детях, оставленных со свекровью, о былой моей жизни в Питере. Но я не унывала. Придет мой час, вернусь я опять к жизни, к борьбе за рабочее дело — говорила я себе, стараясь заглушить тоску работой и песней.

Через полтора года я, действительно, вернулась из Полтавской губернии, попросту убежала оттуда со своим девичьим паспортом.

Работница Анисимова.

ПЕРВЫЕ ШАГИ РЕВОЛЮЦИОНЕРКИ.

В полдень она спокойно и деловито обложила свою грудь книжками и сделала это так ловко и удобно, что Егор с удовольствием щелкнул языком, заявив:

— Зер гут, как говорит хороший немец, когда выпьет ведро пива. Вас, бабуля, не изменила литература: вы остались доброй

пожилой женщиной, полной и высокого роста. Да благословят бесчисленные боги ваше начинание.

Через полчаса, согнутая тяжестью своей ноши, спокойная и уверенная, она стояла у ворот фабрики. Двое сторожей, раздражаемые насмешками рабочих, грубо ощупывали всех входящих во двор, переругиваясь с ними. В стороне стояли полицейский и какой-то тонконогий человек с красным лицом и быстрыми глазами. Мать, передвигая коромысло с плеча на плечо, исподлобья следила за ним — она чувствовала, что это шпион.

— Меня-то пропустили бы, — попросила мать. — Видите, человек с ношей... Спина ломится.

— Иди, иди, — сердито крикнул сторож. — Рассуждает тоже...

Мать дошла до своего места, составила корчаги на землю и, отирая пот с лица, оглянулась.

К ней тотчас же подошли слесаря, братья Гусевы, и старший, Василий, хмуря брови, громко спросил:

— Пироги есть?

— Завтра принесу, — ответила она.

Это был условный пароль. Лица братьев просветлели. Иван, не утерпев, воскликнул:

— Эх ты, мать честная...

Василий присел на корточки, заглядывая в корчагу, и в то же время за пазухой у него очутилась пачка книг.

— Иван, — громко говорил он, — не пойдем домой, давай у нее обедать. А сам быстро засовывал книжки в голенища сапог. — Надо поддержать новую торговку...

— Надо, — согласился Иван, — и захохотал.

Мать, осторожно оглядываясь, покрикивала:

— Щи, лапша горячая. Жареное мясо.

И незаметно вынимая книги, пачку за пачкой, совала их в руки братьев. И каждый раз, когда книги исчезали из ее рук, перед нею вспыхивало желтым пятном, точно огонь спички в темной комнате, больное насмешливое лицо жандармского офицера, и она мысленно со злорадным чувством говорила ему:

— На-ко тебе, батюшка...

Передавая следующую пачку, прибавляла удовлетворенно:

— А вот еще, на-ко...

Подходили рабочие с чашками в руках; когда они были близко, Иван Гусев начинал громко хохотать, и Власова спокойно прекращала передачу, разливая щи и лапшу, а Гусевы шутили над ней:

— Ловко действует Ниловна.

— Нужда заставит и мышей ловить, — угрюмо заметил какой-то кочегар. — Кормильца-то оторвали, да. Сволочи. Ну-ка, на три копейки лапши... Ничего, мать. Перебьешься.

— Спасибо на добром слове, — улыбнулась она ему.

Он, уходя в сторону, ворчал:

— Недорого мне стоит доброе-то слово...

— А сказать его некому, — заметил какой-то кузнец, усмехнувшись. И, удивленно пожав плечами, добавил:

— Вот жизнь, ребята, — доброго слова сказать некому... Никто его не скажет...

Василий Гусев встал на ноги и, плотно запахнув пальто, воскликнул:

— Съел горячего, а стало холодно.

Потом он воротился, встал Иван и тоже убежал, насвистывая.

Власова, приятно улыбаясь, покрикивала:

— Горячее: щи, лапша, похлебка...

Она думала о том, как расскажет сыну свой первый опыт, в груди ее птицею билась и пела острая радость.

М. Горький.

(Отрывок из рассказа «Мать».)

ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ.

В далекой лесной таежной [1] пустыне, за 7000 верст от Петербурга, в 500 верстах от большой водной дороги (реки Лены) раскинулся на сотни верст Ленский золотопромышленный район. Капитал здесь царил безраздельно. Все органы политической власти — полиция, суд, военное начальство, школа, находились в руках капиталистов золотопромышленного Ленского товарищества. Самодержавие Ленского товарищества находилось в тесной связи не только с петербургским самодержавием, но и с международным империализмом. На приисках Ленского товарищества царили полностью права «доброго, старого времени», права крепостного права. Высшие чины располагали по своему усмотрению женами и дочерьми рабочих. А перед забастовкой Ленское товарищество систематически ухудшало положение рабочих, уменьшало заработок, увеличивало штрафы, поднимало цены на съестные припасы, ухудшало рабочие жилища и т. д.

Не могли больше терпеть рабочие. 20 февраля 1912 г. предъявили следующие требования: 1) 8-часовой рабочий день, вместо 10-часового, 2) увеличение платы, 3) увольнение рабочих с согласия рабочих комиссий, 4) отмена штрафов, 5) оплата денег за дни болезни и увечья по вине предприятия, 6) размещение женатых рабочих отдельно от холостых и т. д.

Войска в районе приисков [2] было недостаточно. Выборные от рабочих вскоре без всякого повода были арестованы.

---

[1] Таежный — расположенный в тайге — непроходимой, многоверстной сибирской чаще.

[2] Прииск — место разработки руд.

4 апреля рабочие отправились на Надеждинский прииск для переговоров с прокурором по поводу этих арестов. Они шли узкой лесной дорогой; свернуть некуда — всюду глубокий снег. Навстречу рабочим вышли инженер и стражник; во время разговора с ними, без всякого повода и предупреждения, началась по приказанию Трещенкова стрельба по рабочим. При первом же выстреле безоружные рабочие бросились на землю, солдаты продолжали расстреливать.

По первым сведениям убито было 150 человек, ранено 250 человек. На самом деле жертв оказалось больше. Помощи раненым почти не оказывалось и они умирали десятками. На следующий день рабочие с женами и детьми окружили кучу убитых, сваленную у ледников, и искали своих родных и близких.

Страшное возмущение овладело рабочими, когда они убедились, что, вместо оказания медицинской помощи, раненых сваливали в сани, как бревна, и развозили по больницам, находящимся на расстоянии 23 верст. В больнице же вповалку бросали на пол, где раненые несколько дней лежали без присмотра. Убитых и умерших от ран хоронила полиция. Рабочих близко к похоронам не подпускали. Расстрелы рабочих во имя барышей и капитала и раньше в России не были редкостью. Для истории рабочего движения новостью явился не расстрел, а то, как встретили этот расстрел рабочие массы по всей России. Встретили они его не молчаньем, а горячим, деятельным протестом. Рабочие различных фабрик выносили резолюции протеста. Так, рабочие завода Осипова в Петербурге в своей резолюции [1] говорят: «ничто нам не поможет: ни слезы, ни протесты, а только организованная массовая борьба».

Резолюция 1917 г. показала, что они были правы.

На Ленских приисках убито 270, ранено 250 человек.

М. Ольминский.

ЛЕНА.

Жена кормильца-мужа ждет,
Прижав к груди малюток-деток,
— Не жди, не жди, он не придет:
Удар предательский был меток.
Он пал, но пал он не один:
Со скорбным, помертвелым взглядом
Твой старший, твой любимый сын
Упал с отцом, убитый рядом.
Семья друзей вкруг них лежит,—
Зловещий холм на поле талом.

[1] Резолюция — постановление, вынесенное общим собранием.

И кровь горячая бежит
Из тяжких ран потоком алым.
А солнце вешнее блестит
И бог злодейства не осудит.
— О, братья... Проклят, проклят будет,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит.

Демьян Бедный.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА.

4 августа 1914 г. началась империалистическая война. Эта война была затеяна хищниками-капиталистами разных стран из-за раздела мировых богатств. Война разрушила хозяйство воюющих стран, во славу эксплуататоров погибло много миллионов рабочих и крестьян. Во время этой бойни лучше всего обнаружилось, что собой представляют меньшевики. Они пошли на поводу буржуазии, оказались самыми жалкими лакеями господ-капиталистов своей страны.

Одни только большевики, руководимые Ильичем, твердо и настойчиво с первого же дня войны, беспощадно стали разоблачать истинное значение войны. Лозунг был дан: «Превратить войну империалистическую в войну гражданскую», т.-е. вместо войны трудящихся одной страны против таких же трудящихся другой страны во славу интересов помещиков и капиталистов вызвать борьбу угнетенных с угнетателями, борьбу рабочих и крестьян каждой страны со своими помещиками и капиталистами.

МИРОВАЯ ВОЙНА И ТРУЖЕНИЦА.

К моменту мировой войны в России имеется уже налицо много сознательных организованных членов партии — работниц, ведущих специальную агитационную работу среди женского пролетариата.

Мировая война на время наносит решительный удар рабочему движению. Снова приходится наиболее стойким, революционно-настроенным рабочим и работницам уйти в подполье... Недовольство, гнев рабочих и работниц прорывается наружу лишь в образе все учащающихся экономических забастовок. В этих забастовках работницы играют активную роль. За время войны количество их во всех отраслях промышленности растет непрерывно, и женщины начинают оказывать на рабочее движение не только России, но и других воюющих стран все более заметное влияние. Однако, именно женщины — плохие патриотки. Клич «война до победы» не находит отклика в их сердцах. Работниц заботит другое:

растущая дороговизна, призрак голода, судьба детей, оставшихся без кормильца, угнанного на фронт.

Именно среди женского пролетариата недовольство войной, ропот и возмущение царской политикой свивает себе прочное гнездо.

Лучшие, наиболее сознательные силы пролетариев обоего пола стягиваются вокруг большевистской партии, несущей новые жизненные лозунги — превращение войны империалистической в войну гражданскую. Этот лозунг понятен и близок работнице, ненавидящей войну, изнывающей под бременем непосильной двойной тяготы: наемного труда и заботы о семье. Раздражающая борьба с дороговизной, неутешительные вести с фронта, отсутствие проблеска надежды на скорое окончание мировой бойни и возвращение из окопов «кормильца», вот те причины, которые заставили работниц в исторический третий «женский день» в России 25 февраля 1916 г. выйти на улицу.

Факел революции запылал в руках работниц и зажег уже готовый вспыхнуть костер народного гнева.

А. Коллонтай.

НАЧАЛО «ФЕВРАЛЬСКИХ ДНЕЙ» В ПЕТРОГРАДЕ.

Во время последнего дежурства Иван Ильич заметил особенную тревогу у рабочих. Они поминутно бросали станки и совещались, видимо ждали каких-то вестей. Когда он спросил у Василия Рублева — о чем совещаются рабочие, Васька вдруг со злобой накинул на плечи ватный пиджак и вышел из мастерской, хлопнув дверью.

— Ужасный, сволочь, злой стал Василий, — сказал Иван Ильич, — револьвер где-то раздобыл, в кармане прячет.

Но Василий скоро появился опять и в глубине мастерской его окружили рабочие, сбежались от всех станков. «Командующего войсками Петербургского Военного Округа генерал-лейтенанта Хабалова, объявление», — громко, с ударениями начал читать Васька белую афишку. — «В последние дни отпуск муки в пекарнях и выпечка хлеба производятся в том же количестве, что и прежде»...

— Врет, врет,— сейчас же крикнули голоса,—третий день хлеба не выдают...

— «Недостатка в продаже хлеба не должно быть»...

— Приказал, распорядился.

— «Если же в некоторых лавках хлеба не хватило, то потому, что многие, опасаясь недостатка хлеба, скупили его в запас, на сухари...

— Кто это сухари печет. Покажи эти сухари, — уже источно завопил чей-то голос. — Ему самому в глотку сухарь заткнуть...

— Молчите, товарищи, — перекрикнул Васька, — пусть нам Хабалов эти сухари покажет. Товарищи, мы должны выйти на улицу... С Балтийского завода четыре тысячи рабочих идут на Невский... И с Выборгской бабы идут... Довольно нас объявлениями кормили...

— Верно. Пусть хлеб покажет. Хлеба хотим.

— Хлеба вам не покажут, товарищи. В городе только на три дня муки, а больше хлеба и муки не будет. Поезда все за Уралом стоят... За Уралом элеваторы хлебом забиты... В Челябинске три миллиона пудов мяса на станции гниет... В Сибири свечи топят из сливочного масла...

— Снимайся... Бросай работу... Гаси горны... — заговорили рабочие, разбегаясь по мастерской.

К Ивану Ильичу подошел Васька Рублев...

— Уходи, — проговорил он внятно, — уходи, покуда цел...

Толпа увеличивалась, занимала теперь всю улицу, тревожно гудела и двинулась по направлению к мосту... Прохожие, как щепки по пути, увлекались этим потоком...

На Литейный проспект с Выборгской стороны вливалась вторая толпа, далеко растянувшись по мосту. По пути ее все ворота были набиты любопытными, во всех окнах виднелись возбужденные лица.

Иван Ильич остановился у ворот рядом со старым чиновником, у которого тряслись собачьи щеки. Направо, вдалеке, поперек улицы стояла цепь солдат, неподвижно опираясь на ружья.

Толпа подходила, ход ее замедлялся. В глубину полетели испуганные голоса: — стойте, стойте... И сейчас же начался вой тысячи высоких женских голосов: — хлеба, хлеба, хлеба...

— Нельзя допускать, — проговорил чиновник и строго поверх очков взглянул на Ивана Ильича...

Толпа надвигалась...

— Знамя вперед, знамя вперед, — пошли голоса.

В это же время перед цепью солдат появился рослый, тонкий в талии офицер, в заломленной папахе... Он кричал и можно было разобрать: «Дан приказ стрелять... Не хочу кровопролития... Разойдитесь...».

— Хлеба, хлеба, хлеба, — закричали голоса... И толпа двинулась на солдат...

Вдруг, точно рванули коленкор вдоль улицы. Сразу все стихло...

Залп был дан в воздух, второго залпа не последовало, но толпа отступила... часть ее с флагом двинулась к Знаменской

площади... Выйдя на Невский, Иван Ильич опять услышал гул множества голосов. Это двигалась третья толпа, перешедшая Неву с Васильевского Острова. Тротуары были полны нарядных женщин, военных, студентов... К стеклам магазинных дверей липли напудренные, с черными бантами продавщицы. А посреди улицы, удаляясь в туманную ее ширину, шла оборванная, грязная, злая толпа работниц и рабочих...

— Хлеба, хлеба, хлеба...

А. И. Толстой.

(«Хождение по мукам».)

КРАСНОЕ ЗНАМЯ.

Я на улицу сегодня не пошла:
Ходит бойкая в руках моих игла,
Вышиваю знамя красное в Совет
Для рабочих краще надписи той нет:
«Пролетарии, со всех сбирайтесь стран».
Смотрит хмуро ненаглядный мой Иван.
Не хочу я жить, как раньше-то жила,
Аль тебе я большевичкой не мила.
Как девчонкой по седьмому-то годку,
Запрягли меня уж нянькой к кулаку.
Я детиночку качаю, а сама
Словно сорная на выгоне трава.
Кто не мимо, — или стукнет иль толкнет...
Десять лет терпела молча этот гнет.
Пробудилась нынче силушка во мне
Детство грозное лишь видится во сне.
Угнетенный и измученный народ
С красным знаменем по улицам идет.
Только вспомню, сердце вспыхнет, как в огне:
«Эй, буржуй, не попадайся ты ко мне».
Расступайтесь, разбегайтесь богачи,
Наши головы и руки горячи.
Завтра весело по улицам пойдем,
Силой алою мы улицы зальем.

Алексеева.

(«Красное Знамя».)

КАК ПРОИЗОШЛА ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.

Грабительская война, которой не видно было конца, масса убитых и калек, сильная дороговизна, нищета и голод — все это вызывало недовольство трудящихся и толкало их на борьбу

против царского самодержавия, против тех, кто был виновником ужаснейшей бойни, принесшей народу неизмеримые бедствия.

Волнения среди рабочих начались еще в конце 1916 г., а в феврале 1917 г. забастовали рабочие большинства заводов и фабрик Петрограда. 6 и 7 марта, а по старому 21 и 22 февраля, происходили рабочие демонстрации.

8 марта, в международный день работниц, жены солдат и рабочих, измученные от невыносимых страданий, голода и нужды, вышли на улицу с красными знаменами и плакатами: «Долой войну», «Верните наших мужей», «Хлеб голодным детям». К женщинам присоединились рабочие. 10 марта началась всеобщая забастовка. Все рабочие бросили работу. На улицах происходили столкновения рабочих с царскими жандармами и полицией. 12 марта к восставшим рабочим начали присоединяться целыми полками солдаты. Общими силами им удалось разбить жандармов и полицию. Царское правительство Николая Романова было свергнуто.

К кому же тогда перешла власть, кто стал управлять государством? Государственная власть после падения самодержавия перешла не к рабочим, не они стали хозяевами страны, а буржуазия. Она взяла в свои руки правление. Это произошло потому, что к этому времени рабочие не были еще достаточно организованы. Они были не так сильны, как буржуазия.

Но как только установилось правительство буржуазии, которое заявило, что будет вести войну и дальше, до победного конца, революционное движение стало разгораться дальше. Рабочие и солдаты, наученные горьким опытом, стали готовиться к новым боям.

Восемь месяцев господствовала буржуазия, власть находилась в ее руках. Буржуазия всячески старалась, чтобы власть не перешла к Советам. К каким только мерам не прибегало правительство, чтобы удержать власть в своих руках. Рабочие демонстрации расстреливались; те, кто агитировал за Советскую власть, арестовывались. Крестьян, за захват у помещиков земли, расстреливали, отбирали обратно земли и отдавали собственнику-помещику.

Недовольство рабочих и крестьян, а также и солдат, которых заставляли продолжать войну, гнали на бойню, все росло — и, наконец, 25 октября 1917 г. буржуазное, так называемое временное правительство, было свергнуто восставшими рабочими и солдатами, и власть перешла в их руки. Россия стала Советской. Миллионы трудящихся, сбросив с себя ненавистное иго буржуазии, вздохнули свободно.

В ту же ночь в Ленинграде открылся второй Всероссийский Съезд Советов. Съезд взял в свои руки власть, и на другой день было образовано рабоче-крестьянское правительство — «Совет Народных Комиссаров», во главе с т. Лениным. Второй Съезд Советов постановил: немедленно прекратить братоубийственную

войну, отозвать с фронта солдат, отнять у помещиков все земли и передать их без выкупа крестьянам.

Вслед за Ленинградом, рабочие и солдаты восстали в Москве, Киеве и других городах и всюду одержали над буржуазией победу.

После октября не раз своя и чужеземная буржуазия пыталась вырвать власть у трудящихся. Не раз Советская Россия стояла перед смертельной опасностью, окруженная со всех сторон врагами. Но освобожденные рабочие и крестьяне, сплотившиеся в крепкий, мощный союз, окончательно разбили черные банды и теперь дружно строят свое новое государство.

ИЛЬИЧ — О ЖЕНЩИНЕ В РЕВОЛЮЦИИ.

Главное, основное в большевизме и в русской Октябрьской революции есть втягивание в политику именно тех, кто был всего более угнетен при капитализме. Их давили, их обманывали, их грабили капиталисты и при монархии, и в демократически-буржуазных республиках. Этот гнет, этот обман, этот грабеж народного труда капиталистами был неизбежен, пока держалась частная собственность на землю, фабрики, заводы.

Суть большевизма, суть Советской власти в том, чтобы, разоблачая ложь и лицемерие буржуазного демократизма, отменяя частную собственность на земли, фабрики, заводы, всю государственную власть сосредоточить в руках трудящихся и эксплуатируемых масс. Они сами, эти массы, берут в свои руки политику, т.-е. дело строительства нового общества. Дело трудное, массы забиты и задавлены капитализмом, но иного выхода из наемного рабства, из рабства капиталистов нет и быть не может.

А втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин. Ибо женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне. Работница и крестьянка угнетены капиталом и сверх того они даже в самых демократических из буржуазных республик остаются, во-первых, неполноправными, ибо равенства с мужчиной закон им не дает; во-вторых, — и это главное, — они остаются в «домашнем рабстве», «домашними рабынями», будучи задавлены самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой отупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашне-семейного хозяйства.

Большевистская Советская революция подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия и ни одна революция в мире. От неравенства женщин с мужчиной по закону у нас, в Советской России, не осталось и следа. Особенно гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство

в отношении к ребенку уничтожено Советской властью полностью.

Это — только первый шаг к освобождению женщины. Но ни одна из буржуазных, хотя бы и наиболее демократических, республик не осмелилась сделать и этого первого шага. Не осмелилась из страха перед «священной частной собственностью».

Второй и главный шаг — отмена частной собственности на землю, фабрики, заводы. Этим и только этим открывается дорога для полного и действительного освобождения женщин, освобождения ее от «домашнего рабства», путем перехода от мелкого одиночного домашнего хозяйства к крупному обобществленному.

Переход этот труден, ибо дело идет здесь о переделке наиболее укоренившихся, привычных, заскорузлых, окостенелых «порядков» (по правде сказать, безобразий и дикостей, а не «порядков»). Но переход этот начат, дело двинуто, на новый путь мы вступили.

И в международный день работницы во всех странах мира на бесчисленных собраниях работниц будут раздаваться приветы Советской России, начавшей неслыханно трудное и тяжелое, но великое, всемирно великое и действительно освободительное дело. Будут раздаваться бодрые призывы не падать духом перед лицом свирепой и часто зверской буржуазной реакции. Чем «свободнее» или «демократичнее» буржуазная страна, тем более свирепствует и зверствует банда капиталистов против революции рабочих; пример тому демократическая республика Северо-Американских Соединенных Штатов. Но рабочий в массе уже проснулся. Империалистская война окончательно разбудила спящие, полусонные, косные массы и в Америке, и в Европе, и в отсталой Азии.

Лед сломан во всех концах мира. Освобождение народов от ига империализма, освобождение рабочих и работниц от ига капитала идет неудержимо вперед. Это дело повели вперед десятки и сотни миллионов рабочих и работниц, крестьян и крестьянок. И потому это дело свободы труда от ига капитала победит во всем мире.

Н. Ленин.

(«Международный день работницы».)

СПУТНИЦА СУРОВЫХ ДНЕЙ.

Год восемнадцатый. Приволжские горы, на горах — зеленый шлем садов, под шлемом садов — седеющие кудри: город. На груди города — панцырь; старый белый дом над рекой.

Из дома, — в доме ревштаб, — выходит отряд: крепкие, смуглые люди с дорожными мешками и закинутыми за плечи винтовками. Отряд идет к Волге, — на Волге он разместится на широкой плоскодонной барже, стройный краснотрубный

пароход поведет баржу мимо тихих летних берегов к бунтующему древнему Ярославлю.

Отряд провожают такие же крепкие люди, среди провожающих — безымянная героиня моей записи: молодая, мужественная (колючие глаза, ременный пояс, маузер на поясе) работница. На проводах поют «Интернационал», а после проводов, прямо с пристани, идут под железной командой матроса в поле: учиться величайшему искусству суровых дней восемнадцатого года: искусству воевать.

Над оставшимися в городе завтра же может прозвенеть горький боевой рожок. Боевой рожок прозвенел через день.

На широкой городской площади, — соборные главы тяжело давили площадь, — собрался митинг. На митинг прибыли, привозя в телегах винтовки, скрывающиеся по деревням белогвардейцы. Председателю ревштаба не давали говорить. Говорил молодой, студент-дворянчик.

— Долой насилие, — истерично выкрикивал студентик.

— До-ло-о-ой, — шумели торговцы в рабочих блузах и окрестные «сапожные короли» в стоптанных мужицких лаптях.

Тяжело качнулись соборные главы: набат. Стеклянно вздохнула винтовка, направленная в матросскую грудь города. Широкая ладонь площади бросалась пригоршнями бунтовщиков. Бунтовщики, рассыпаясь, медленно стягивались вокруг ревштаба. А там, разорванная садовыми деревьями и ближними домами, беззвучно лежала крепкая железная цепь. По стволам тополей, за одним из тополей, опустясь на колено, пряталась молодая работница, — плелось кружево свинцовых пчел. Работница, мягко прицеливаясь, стреляла. Потом выпустила винтовку: чутко дрогнули перебитые пальцы левой руки. Перевязав руку, стреляла с упора; наступавшие двигались. Но в город уже входили с окрестных фабрик рабочие дружины: белое кольцо вокруг городского панцыря[1] окружило неразрывное кольцо литейщиков.

Город был спасен. Вечером, в тревожной и торжественной тишине, на той же площади снова был митинг.

Первой выступала на митинге молодая, с перевязанной левой рукой, с пороховой тенью на лице, работница.

* * *

В восемнадцатом году старый белый дом — панцырь на груди революционного города — назывался ревштабом. В девятнадцатом — укомом РКП. В укоме, над входом, огромный плакат-щит:

— На фронт!

Все для фронта: и двадцатичасовая работа в сутки, и пламенные, прекраснейшие из человеческих слова, и лучшие товарищи, прикалывающие к меховой папахе горячие алые ленты.

---

[1] Панцырь — защитная одежда.

Если пройти укомовский коридор и открыть третью дверь справа — попадешь в шумную комнату. В комнате по столам, стеклянно-грязные волны полотна. Полотно рвут, кромсают ножницами, из полотна шьют красноармейские штаны и рубахи. В комнате большинство городских коммунисток: женщины-подвижницы. Днем шьют, вечером — дежурят в лазаретах, где ледяное дыхание сыпняка гасит прекрасные глаза сестер, их братьев и братьев их сестер.

Это они, эти девушки и женщины, сменяют быстро сгорающие на воспаленном лбу красноармейца мокрые платки, это они стерегут последний — черный — человеческий час, это они ведут задушевные беседы с выздоравливающими. И среди них — верная, направляющая рука с перебитыми, искалеченными пальцами — молодая, мужественная работница, завуженотделом.

У завуженотделом есть помощница — девушка, напоминающая апрельскую вербу. Девушка, как и все, шьет белье, дежурит в лазаретах, а ночами сидит над женотдельскими бумагами. Спит два—три часа: стыдно просыпать лучшие из часов человеческой жизни. А обедает в уисполкомовской столовке, где на первое дают суп из воблы (знаменитые «карие глазки»), на второе — тощие котлеты из конины. Э, да что там — обед. Вот съездить на фабрику, выступить на митинге, посмотреть в рабочем клубе спектакль, — это дело. Не хлебом единым.

Иногда на фабриках, обескровленных отливом на фронт, легкая зыбь.

— Голодаем, нет хлеба.

В огромной казарме кудрявый шум, белые женские платки, настороженные рабочие глаза. А на сцене — молодая женщина. Женщина взмахивает правой рукой (левая перебита), говорит о ста плывущих хлебных вагонах (вагоны приходят через несколько дней), попросту, ничего не замалчивая, рассказывает о днях великой горечи и великой надежды.

Горечь проходит, веют золотые крылья надежды.

Звенят станки, со станков сползает кружевная пряжа, пряжа развертывается полотном, из полотна шьют штаны и рубахи, штаны и рубахи посылают на фронт, с фронтов к фабрикам плывут железные стаи вагонов, в вагонах янтарный жемчуг лучших дней: ржаное зерно.

* * *

Еще год. Кажется, передышка. Нет: тонкая польская шпага тревожно прозвенела о пограничный столб, панский конь топчет зазеленевшие поля тихой Украины. Но Россия — окрепла. Изнемогая от жажды, еле успевая отпить из скудной боевой фляги, — она все же с каждым днем приобретает невиданную силу и крепость.

Из тихого дома над Волгой попрежнему уходят люди с красными звездами на шлемах.

А в уком, в женотдел, попрежнему приходят труженицы, — в женотделе получает первое крещение новая женщина, подруга дней суровых, дочь революции.

Помню, в женотдел пришла бледная шестнадцатилетняя девушка, порвавшая с родной усадьбой. Девушка оставила плачущую, ломающую руки мать, сурового отца, забыла детство и отрочество...

Она была птицей — ее запирали в клетку. Бежала.

Ушла искать золото своей юности. Нашла.

Девушку прозвали «беглянкой», обласкали, девушка стала работать. Работать без устали и жалоб. Так, как работают лучшие из русских женщин — дочери революции.

Запомнился сырой, теплый - теплый волжский вечер.

Усталая река, розовый лебедь над заволжскими лугами: тающее солнце, рыбацкие огни на берегу, а у берега — дровяная барка.

Мы разгружаем дрова, — хорошо итти по мокрым, скользким сходням, чувствуя покачивающиеся в руках носилки, опрокидывая носилки (дрова забирает здоровой рукой завженотделом), слушать костяной стук, а потом, распахнув ворот, отдыхать, дыша мягкой и нежной, как одуванчик, вечерней сыростью, смотреть на усталые, но радостные лица, — среди них порозовевшее лицо «беглянки».

Она хорошо работает. Ее увидишь всюду. — Через два — три дня, таким же теплым вечером, мы — около двадцати человек (рядом со мной завженотделом) — идем в деревню. Уезд в черных тенях пожаров: горят леса, горят тихие деревни. Проходим встревоженным голубым бором, где сова — птица тишины — вяжет стеклянное кружево тревоги; глубокой ночью приходим в деревню, тут же берясь за лопаты: с близких просек катится, звеня, золотой поток пожара. Из мужицкой толпы, работающей в стороне, отделяется женская фигура — пожилая баба в кожаных сапогах, с налипшей землей и усталыми, дрожащими руками. Здоровается с завженотделом, кланяется нам.

— Председатель волисполкома.

Обе женщины несколько минут переговариваются, опершись на лопаты, — их лица озаряются короткими огненными вспышками вокруг них — смутные поля, деревня, встревоженная жалобным детским плачем, стеклянный вскрик далекой совы, широко разбросавшаяся цепь землекопов, а впереди звенящее, но бессильное, уже побеждаемое черное золото огня.

IV.

Новые дни, — их поступь все тише и тише. Дни идут спокойно и бодро, как бойцы, возвращающиеся с полей победы. И вдруг — горький боевой рожок: кронштадтский матрос, под шопот своего же врага, повернул орудийные дула против великого города русской революции.

В кронштадтские дни, ночью, под крупными звездами, я, возвращаясь с поста, был окрикнут:

— Кто идет?

Почему не пошутить? — Я молча подвигался вперед.

Новый окрик, серебряный звон затвора, полувскинутая винтовка...

Я остановился.

— Свой.

Две девушки (помощница завженотделом, похожая на апрельскую вербу и «беглянка») двинулись навстречу:

— А-а, Николай, —

и снова, не вступая в разговоры (устав!), застыли с винтовками.

* * *

Конец: обе эти девушки, изнуренные работой, в то же лето были посланы на курорт. Попали в разные вагоны. Первая доехала, вылечилась, вернулась — теперь она работает политруком партшколы, но «беглянка», милая «беглянка», не доехала. В кубанской степи поезд остановили бандиты. Убили машиниста, убили коменданта, выпуская едущих, спрашивали документы. Спросили и у «беглянки».

— Коммунистка.

— В сторону.

Людской полукруг, в полукруге — грустная «беглянка», залп.

Но вместе с залпом (нет, поздно, поздно!) в степи — вихрь красной конницы. Остановились вспененные кони, седоки обнажили головы. Потом — в погоню. Глубоко врежется в череп палача звонкая шашка... Кровь за кровь.

О гибели «беглянки» мне рассказывала молодая (теперь, впрочем, значительно постаревшая) работница с перебитыми пальцами левой руки. Она уже не завженотделом (уженотделом заведует крестьянка, бывшая председателем волисполкома), а член правления губернского союза текстилей. Она все так же разъезжает по фабрикам, так же живет горечью и радостью своей родной рабочей стихии, так же твердо борется за счастье сестер ее, братьев и братьев ее сестер, пробужденных и освобожденных той силой, которая зовется так прекрасно и просто:

— Революция.

Ник. Смирнов.

(«Известия».)

ТОВ. ВАРВАРА.

Советом Варваре дали корову по протоколу, «как безземельному элементу, имеющей трех малых детей из пролетариата».

Сытая корова весело бежит на залог. И прутик напрасно взяла Варвара. За гуменниками на выгоне подпасок стре-

ляет ременным кнутом. Вся большая улица запружена бабами, коровами. Ругаются, мычат. Утренняя пыль густая, влажная — столбом, и не хочет упадать.

— Варвара, Варвар!.. Ничего не слыхала? Совету конец... Капут Беспалому[1] вашему. Войска идут иноземные.

— Что ты говоришь?

— Да вот то и говорю! Муж у меня приехал. К нам подходят. Нынче, либо завтра будут.

— Ну... А я вчера по телефону говорила... Не слышно было...

— Что твой телефон... Невидаль, подумаешь, какая, — рассердилась соседка. — Муж сказывал, а не то што твой телефон...

Вбежала... Сердце кулаком в грудь стукает. В телефонную будку метнулась... Наткнулась на Беспалого...

— Сейчас слыхала я...

— Знаю...

— Уезжай скорее!..

Как-то громко, требовательно закричала. Руки сломила на груди.

Недоуменно смотрит Беспалый.

— А тебе забота? Ты не при чем: сторожиху не тронут.

— Не говори так! — гневно закричала.

Пристально смотрит Беспалый.

Смотрит на него Варвара немигающими, жаркими глазами.

Потупился.

— Простите меня, товарищ Варвара!

Стыдно радоваться. Но рада — рада Варвара: первое такое услыхала. Да еще от кого!

Настежь ворота во двор волисполкома. У столбов, так же неподвижны и немы, как воротные столбы, два чеха вросли с винтовками.

Три телеги во дворе:

Засов гремит так долго: видно, заржавел замок у «рестанки».

Выводят под командой офицера.

С нагайкой казачий офицер.

Сажают по - двое.

А Беспалого одного сажают.

И тут же рядом вырастает с винтовкой чех.

Молча.

Смотрит — недоумевает корова на дворе.

Почему не погнали в стадо?

Обнюхивает телеги.

Почему даже сена в них нет?

Кучка баб растет у «рестанки». Такие серьезные лица.

---

[1] Председателю волисполкома.

И у восходящего солнца — серьезное лицо.

Косится на баб, нервничает офицер. Торопится офицер.

Выходит штатский на крыльцо. Перед крыльцом тройка ямская. Говорят о чем-то, козыряет ему офицер:

— Слушаюсь.

Потом волнуется, жестикулирует, краснеет, забывает честь отдавать и кричит вдруг с досадой злобной:

— Так нельзя дело делать. Зачем это? Миндальничанье!

Но штатский снимает фуражку и выпрямляется:

— Граждане! Власть, грабившая вас, отбиравшая ваш хлеб и скотину, предавшая вас немцам, свергнута с помощью братьев чехов. Да здравствует Учредительное Собрание! Ура!

Молча бабы и старики плотным валом подкатываются к крыльцу.

Кусает усы офицер, бьет себя нагайкой по лаковому сапогу, спокойные чехи стоят.

— Это была не наша, не мужицкая власть. Кто эти комиссары? Грабители!..

И ветром в лесу проносится ропот невнятный в толпе.

— Грабя народ, они брали все себе. А теперь эта власть бежит. Мы ловим комиссаров по городам и селам. У каждого миллионы денег. Как пауки, они сосали вашу кровь. Они сладко пили, ели на ваш счет — все эти Беспалые разные...

— Врет он! — вдруг врезался острый женский выкрик.

Зашаталась толпа, что колосья от ветра — хлынула.

Отшатнулся оратор и смолк.

— Смирнэ — эп! Что такое? Кто крикнул? — ударил в толпу офицер.

— Врешь, негодяй! Мы знаем, как жил Беспалый, на наших глазах...

Вбежала на ступеньку крыльца.

— Взять ее! — кричит офицер.

Чехи сдвинулись. Сгрудившись, проглотила Варвару толпа.

— Граждане, граждане, внимание... — лепечет оратор.

— Разойдись! — поднимает нагайку офицер.

— Граждане недоразумение...

— Пустите... Убери нагайку, царская собака!

Вырвалась Варвара, на офицера лезет.

Багровеет его лицо.

Охнул воздух.

Юбка Варварина взвилась.

С криком ринулась к церкви.

А нагайка за ней.

А за ними толпа — как прорвавшаяся в вершниге вода — запрыгала, забурлила, потекла.

Догоняет Варвару нагайка.

Мелькают сквозь ограду два играющих в пятнашки больших человека.

Упала, схватившись за канат. Притиснул, мячиком отлетел, вскочил, подскочил офицер.

И частые, тревожные зовы пожарного колокола:

Сполох... Сполох... Сполох...

Бегает с канатом. Бегает за ней офицер — и в такт колокольным ударам сверкает, поднимаясь и падая, нагайка.

Смерч налетел.

Закрутил все село воронкой.

Рыжая, черная, седая крутится — крутится по площади волна.

С громом горный поток по камням.

Ведут офицера — скручены руки.

Варвара впереди. Располоснута кофта, — и груди висят. И красная струйка со лба и из носу. Нагайка у ней высоко.

Потрясает.

И сквозь рыдания — одно захлебывающееся, радостное, торжествующее:

— Видали!

П. Дорогойченко.

«ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА».

По гарнизону г. Кустаная и всему гражданскому населению Кустанайского Округа. № 16, 23 апреля 1919 г.

Я лично убедился, что в восстании большевистских банд в г. Кустанае и поселках его уезда принимали фактическое участие не только мужчины, но и женщины позволяя себе производить стрельбу из-за углов, окон и крыш и чердаков по нашим доблестным защитникам родины. До сего времени эти преступницы в меньшей степени оставались в стороне, не получив должного возмездия за предательство по отношению к родине. Считаю совершенно неприменимым и слишком почетным расстреляние и повешение такого рода преступниц, а посему предупреждаю, что в отношении означенных лиц будут применяться мною исключительно розги, вплоть до засечения виновных. Более чем уверен, что это домашнее средство произведет надлежащее воздействие на эту слабоумную среду, которая по праву своего назначения исключительно займется горшками, кухней и воспитанием детей будущего, более лучшего поколения, а не политикой, абсолютно чуждой ее пониманию.

Подлинный подписал:

Нач. гарнизона полковник *Томашевский.*

С подлинным верно: Ст. адъютант подпоручик *Шевченко.*

Ясно: кустанайские работницы и крестьянки стояли на страже революционных завоеваний.

Много их пало на красных позициях в борьбе против Корнилова, Каледина, Юденича, Деникина, Колчака и других врагов пролетариата.

Имена этих женщин рабочего класса исчезли вместе с их жизнью, и большинство их погибло безвестно и скромно на своих постах, но дело их не умерло.

УЧАСТИЕ ТРУЖЕНИЦЫ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

МАРЬЯ-БОЛЬШЕВИЧКА.

«Стали мы совет перебирать. Баб налетело, словно на ярмарку. Мы это шумим, толкуем, слышим Марьино имя кричат:

— Марью! Марью Гришагину!

Кто-то и скажи из нас нарочно:

— Просим!

Думали в шутку выходит, хвать всерьез дело пошло. Бабы, как галки, клюют мужиков: вдовы разные, солдатки — целая туча. А народ у нас не охотник на должности становиться... — взяли да махнули рукой. Марья, так Марья. Пускай обожгется...

Стали Марьины голоса считать — двести пятнадцать! Комиссар, Василий Иваныч речью поздравляет ее. Ну, говорит, Марья Федоровна, вы у нас первая женщина в совете крестьянских депутатов. Послужите. Я, говорит, поздравляю вас с этим званием от имени Советской республики и надеюсь, что вы будете держать интересы рабочего пролетариата...

Глаза у Марьи большие стали, щеки румянцем покрылись. Не улыбнется — стоит. Я, говорит, послужу, товарищи. Не обессудьте, если не сумею — помогите.

Козонок[1] в это время сильно расстроился. Главное, непонятно ему: смеются над ним или почет оказывают. Пришел домой, думает: «Как теперь говорить с ней? Должностное лицо». Нам тоже чудно! Игра какая-то происходит. Баба и вдруг — в волостном совете дела наши будет решать... Ругаться начали мы между себя:

— Дураки! Разве можно бабу сажать на такую должность...

Дедушка Назаров так прямо и сказал Марье в глаза:

— Ой, Марья, не в те ворота пошла.

Она только головой мотнула:

— Меня мир выбрал — не сама иду.

Приходим после в совет поглядеть на нее — не узнаешь. Стол поставила, чернильницу, два карандаша — синий и красный, около — секретарь с бумагами строчится. А она и голос,

[1] Муж Марьи.

проклятая, другой сделала. Так и ширяет глазами по строчкам. «Это, говорит, по продовольственному вопросу, товарищ Еремеев?».

— Угу.

Разведет фамилию на бумаге и опять как начальник какой:

— Списки готовы у вас? Поскорее кончайте!

Глазами не верим мы. Вот тебе и Марья! Хоть бы покраснела разок... Так и кроет нас всех «товарищами».

А. Неверов.

НА СВЕТ.

«Всю те спину всполосую!» —
Разъярясь, как дикий зверь,
Дочь раздетую, босую
Батя вытолкал за дверь.
Вьюжный зимний день морозен,
Дышит холод ледяной.
Уж как грозен, грозен, грозен,
Грозен батюшка родной!

Говорит сосед соседу,
Опрокинув рюмок пять:
«Бей, сосед, жену к обеду,
Перед ужином опять!
Мужичонком станет хилым
Тот, кто водочки не пьет
Век жене не будет милым,
Кто жены своей не бьет».

Свекор злой трясет бородкой,
Брешет сыну про сноху:
«Будешь няньчиться с молодкой,
Беспременно быть греху!
В ней сидит, видать по роже,
Бес такой, что уй-ю-ю,
Слышь, держи жену построже,
Как держал я мать твою!».

Две старушки у обедни
Скорбью делятся одной:
«Эту зять побил намедни,
Эту сын побил родной».
К темным ликам дым кадильный
Вздохи женские несет:
«Ахти, знать лишь холм могильный
От побоев нас спасет!».

В церкви кто учил, не поп ли:
«Баба грех, соблазн и гнусь!».

Долго ль будут бабьи вопли
Оглашать «Святую Русь»?
Бабы, выпрямите спины
И вводите баб в Совет!
Знайте, сестры, что дубины
Уж ничьей над вами нет.
Знайте, сестры: для народа
Самый злой и страшный враг —
Ночь, не знавшая исхода,
Вековой туман и мрак.
Обрели теперь мы крылья,
Рабский сбросили завет,
Приложите-ж все усилья,
Чтобы вырваться на свет!

Дем. Бедный.

СЛЕТЕЛА ГАЙКА.

Позабыла Прохорова, как мужа зовут. Разыгралась молодая кровь — не удержишь. Слова нерусские выучила от Андрона.

— Женотдел. Культура. Равноправие.

Вот какие слова — терпенья нет. Добро бы девки — жены замужние слушают. Наслушаются—на мужьев фырчат. Добро бы молодые фырчали, старые через забор лезут. У Ерофея ли не баба! Золото — не баба. Весь дом на себе везла. Печку раньше всех истопит. Избу раньше всех приберет. И на дворе успеет ковырнуть, что под руку попадется. Как за пазухой жил Ерофей. Лежит на кровати зимним делом, кочевряжится.

— Живот что-то болит. Анна, дай иди корму лошадям. Ей-богу, мочи нет.

Придет Анна со двора, — Ерофей на печке елозит вверх спиной.

Вставай, мужик, завтракать пора.

— Погоди, маленько полежу. Собирай пока на стол.

Соберет на стол, опять к нему.

— Вставай, мужик, щи остынут.

— Где у меня сапоги-то? Дай-ка сюда. Плесни водички в рукомойник.

Ну, как малый ребенок жил. А все отчего. Баба очень хорошая попала. Думал, до смерти дело пойдет в таком виде. Да оно бы, может-быть, и пошло, если бы не этот женотдел с культурой — башку им сломить. Идет Ерофей домой вечером, из трубы дымок вылезает. Наверное, картошку к ужину баба варит. Шагу прибавил, думает.

— С моей бабой можно жить. Не как другие — на мужа не цикает. Дай бог каждому такую женщину.

Вот и хорошо.

Подходит к воротам. Анна из окошка торчит, наполовину высунулась. Под окошком молодушка Захарова щеку левой рукой подперла. Ну, что же? Торчит и торчит. Значит, дело есть. Без дела не высунется. Тут уж не Ерофею рассказывать про его бабу. Знает. Вошел в избу — верно: печка топится и чугунок на шестке стоит. Только в печке нет ничего и в чугунке нет ничего. Дрова прогорают, чугунок пустой. На полу веник валяется.

Что-нибудь случилось.

— Анна, брось говорить, ужинать я хочу.

— Погоди, мужик, некогда мне.

Опять Ерофей через минуту.

— Дрова прогорели. Слышишь что ли?

Анна только голову повернула чуть-чуть.

— Ох, мужик, воды у меня нет. Беги скорее!

Ну, конечно, случилось. Сроду баба не говорила такими словами. Думает Ерофей.

— Испытаю раз, схожу.

Принес воды, Анна руками всплеснула:

— Ох, мужик, изба-то у меня не метена. Подмахни на минуточку, пока я картошку чищу.

Видал?

— А ты чего делала до этих пор?

— Да вон с Пашуркой Захаровой заговорилась. Собранье устраивают бабы насчет женского отдела и меня зовут притти. Мети, Ерофей, мети. Некогда мне.

Главная причина не в этом. Можно и пол подмести, если бы она захворала, али родить собралась. Ничего похожего. Главная причина в том: хорошо ли мужику с веником пачкаться, когда баба в женский отдел торопится. Ну, конечно, нехорошо. Разве можно допускать до такого состояния?

Дымные стали глаза у Ерофея. Глядит — ничего не видит. Анна — в тумане. Вся изба — в тумане. Из тумана женотдел лезет, прямо на Ерофея.

— Ты почему равноправие не признаешь?

Сел Ерофей на лавку — под сиденьем горячо. Сел на другое место — еще горячее. Держит сам себя, чтобы зря не вышло, спрашивает.

— Ты смеяться хочешь надо мной?

— Какой же смех!

— Брось, пока не рассердился.

Тут вот Анна и сделалась сразу не Анной. Голову на бок, руки в боки.

— Ну, миленький мой Ерофей, я тоже не двужильная. Ночью тебя ублажай, днем за тобой ухаживай. Каких грехов наделала, чтобы отдыху не знать?

Слушает Ерофей, левая нога ходуном ходит. Трясется, словно лихорадка бьет.

— Вот он, чортов женотдел, истинный господь! Слетела одна гайка, теперь не удержишь.

А. Неверов.

(Из повести «Андрон Непутевый».)

СТЕПАНИДА — ДЕЛЕГАТКА.

Степанида приобрела огромное уважение среди своих. И только это обстоятельство помогло ей пережить скорбные дни. Федор не вернулся. Его убили в последней схватке с белыми, близко от копей. Степанида долго промаялась с раздробленной рукой. Она высохла и плетью болталась в рукаве. И первое свиданье вдовы с детьми было обильно слезами и причитаниями. Но жить надо, поэтому Степанида сурово остановила свекровь, когда она на другой день причитать начала:

— Будет, мамонька! Слезами мертвых не поднять, убыли не пополнишь. С одной рукой, а проживу. И левой научусь, что ни то сработаю. Не в драке ее потеряла. Людям помогала, люди не оставят. Дело для меня найдется. Какую ни то пользу еще принесу.

Дело для нее скоро нашлось. Приехала Мария Потапова и заговорила живым говорком своим:

— Жива? Нагляделась на детушек? Ну и слава богу. Давай-ка, опять собирайся в дорогу. Детей после перевезем. Мы тебя делегаткой выбрали.

— Это как делегаткой?

— А вот на первом женском собрании единогласно.

— Как же заглазно? Разве можно?

— У, чего нельзя! Все, как одна, загалдели: тебя, да тебя. Достанем, говорят. Она нашенская, пусть здесь постарается. В деревне с одной-то рукой все одно какая ты работница.

Собрались и поехали. С жаром, с большой охотой Степанида за работу и за учение принялась. Выбирали ее на многие собрания и на губернскую конференцию выбрали. Там назначили ее делегаткой в здравотдел.

Старуха со внучатами с ней в город охотилась, а старик заупрямился:

— Где родился, тут и помру. Я на тебя не серчаю, ты, видать, не с дурью, а с делом. А все одно, меня перемастрячивать уже поздно, — не люблю, когда бабы в общественное дело суются. Выращивай детей, на это я тебя благословляю. Ну, охоты нет на ваше это новое глядеть. Здесь доживу.

И старуха осталась с ним вдвоем век доживать. Старик недолго проскрипел. Через три года старуха продиктовала учителю письмо к Степаниде о том, что родитель кончился, как быть с избой и коровой.

Не прошло месяца, как в теплый зимний день подъехала к похилевшей Линюхинской избе подвода. В ней сидели повязанная серым пуховым платком женщина и четверо ребятишек. Старуха к окошкам кинулась.

— Да никак это Степанида? Ой, батюшки, никак она.

Женщина уже в избу вошла и сказала, усмехаясь:

— Не ждала гостей, мамонька?

Скоро высокая, строгобровая, с гладко зачесанными волосами женщина стала на всех сельских собраниях появляться. И около ее избы часто сбивались стайками бабы.

— За справкой пришла.

— Муж послал. Дознайся, мол, у Степаниды. Эта во всяком деле разберется.

— Другие-то нашинские коммунисты только страсть задают, а эта ничего.

— Правильная женщина. От этой указка всегда в дело.

Еще через два года на перевыборах была избрана Степанида Линюхина председателем сельского совета. Старуха, узнав об этом, сказала со вздохом:

— Это уж чего-то совсем бабе не личит. И мужики, боюсь, шибко обижаться на тебя станут. Ловко ли,—баба на селе голова.

Степанида усмехнулась.

— Ничего, мамонька! Руку потеряла, головой научилась работать, не боюсь.

— А ты шибко-то не хвались.

Степанида тихо ответила.

— Я не хвалюсь. Только стараюсь. Ты всю жизнь около своей избы простаралась, а мне пришло дело над всем селом.

— А доченька моя, может, и над губернией сумеет.

Жизнь бабья-то шире пошла.

Л. Сейфулина.

(«Из рассказа «Товарищ Линюхина Степанида».)

Бывшие делегатки, держите связь с делегатскими собраниями новых делегаток, общими усилиями налаживайте свою общественную работу.

Н. Крупская.

ЗА СОВЕТОМ.

Заливалась горькими слезами
В первый день, как стала делегаткой.
Голосила: «с бабьими-ль умами,
Да искать какой то жизни сладкой!».

Причитала: «нам ли, темным бабам,
Да равняться к мужикам пристало.
Знала бы, к собранью не пришла бы»...
И подолом слезы утирала.
А потом обвыкла, и сама же
Повела родных крестьянок к свету.
Слушаются все, что баба скажет,
Мужики идут к ней за советом.
И на все она находит время,
Как и прежде, делает всё в хате,
Вечером, беседуя со всеми,
Забывает часто про полати.
Об одном горюет делегатка:
Пьянство хмарью над селом повисло
И в сердцах за пьяную повадку
По спине мужичьей — коромыслом.

Геннадий Гусев.

ВМЕСТО МУЖИКА.

... Весна.

Забота в каждой травке. Озорство в скачущем ветре. Клонит ветки на деревьях. Разбушевался, стонет соседний лес. Дорога подняла космы пыли. С запада напирают черные тучи.

Домна за плугом. Строгое лицо, шаг уверенный.

Домна с думой вдвоем. То ясная жизнь перед глазами, ветер песней не пугает. Стелется вольным лугом с цветами, грудь обвораживает. Ничей глаз не сторожит, не подглядывает хозяином. Борозды не считает, бабу безумницей бабьей не корит.

Тряхнет вожжами, Гнедко твердо шагает в линию пройденных борозд. Тянет однолемешник, дружбу с Домной в труде коротает, мечтая о душистом сене.

То пахнет дума печалью. Не хватает чего-то.

Глаза жадно выпивают простор полей, заметив вскурившую дымку. Ухо слышит жаворонка. Душа принимает гостей — каждый звук полевой песни. Песня слагается о том, чего нет.

Безмолвно поет ее:

— Уродило меня поле, вскормило. Найди, найди мне цветок — приворожку. Укажи путь-дорогу к бабьей воле. Я скажу подругам правду: будьте вольными, подруженьки. Тките одежды крашеные. Холсты белите на солнышке. Мужикам скажу иную правду: довольно вам хвалиться первенством. Зачураю их, рядом с собой поставлю — равными.

Засеяла, спахала. В баню сходила, румяной вышла на улицу, на баб посмотреть, мужиков подразнить.

* * *

... Гудит пчелиным роем школа, набитая мужиками и бабами. Широкие бороды лопатами поднимаются, опускаются. Пахнет овчиной, потом. Глаза насмешливые, полунасмешливые. Лица добродушные, наивные, раскрытые рты. Впереди стол. За столом Михайло Терехин, председатель. Рыжий, речистый. Говорит о приезжем парне. Резонит мужицкую жизнь. Ругает бураны, непрохожие дороги, пустыри не распаханные. Зовет оглянуться, ощупать: есть ли голова, руки, сердце. Не занять ли у кого силы, крепким вином напоить села и деревни, одинокие островки.

— Есть ли наша жизнь?

Отвечает сердито:

— Посейчас — нет... Быть должна...

Говорит потом парень прихожий опять о дорогах, о степных буранах, о земле плодовитой, зернах, раскиданных по полям. О фабриках, заводах, свете электрическом — жилах стальных. Потечет молодая кровь по телу — земле, забьется сердце быстро и взметнется сила — воля.

— Повинность крестьянина — лик земли украсить картами хлебов, плодовитой сделать. Повинность города, рабочих — степью прогнать машины, свет дать электрический.

— О чем он?

Шопот. Перегляды.

— Погоди ты!..

Вскакивает Парфен.

Петруха шепчет ему:

— Не перечь!

— Буду!..

Домна протискивается к нему, тянет за рукав.

— Сядь!

Парфен упрям, разозлился.

— Эй ты, соловей!..

Вскакивает председатель.

— Что тебе?

— Будет морочить!..

Властно кричит голос:

— Парфен, замолчь!

— Не замолчу!..

— Замолчь!

Лиственным шелестом прошел сдержанный ропот. Крики сильней, гуще:

— Говори, Парфен!

— Слово Парфену!

Сзади, по бокам смех. Злые шутки над парнем Парфеном. Нутряные голоса, точно из земли идут:

— Жить трудно!..

— Окаянное старичье!..

Орет парень, топает ногами.

Домна, с ночи завороженная, вышла смело. В глаза старикам по очереди посмотрела. Насмешку дедушки Никиты встретила задорно, ногой притопнула озорно.

Никита озлился на нее, крикнул:

— Не надо баб!

Домна дрожит от обиды. Никогда не была такой.

— Тебе давно не надо, дедушка... могилки ждут.

Молодые голоса сорвались:

— Молодец, Домна!

Выше Домна. Грудь колесом. На лице румянец. Руками воздух сечет. Голос звонкий.

— Выходи, кому не надо баб? Парфен, тебе не надо?

— Ха-ха!..

— Эх, вы!.. Вот они — руки... Пащете мне? Детей моих кормите? Пропадешь с вами, нечесанными... Чувствую: моему Кольке пастуший кнут готовите. Расшибусь — не дам детей на такую жизнь.

— Довольно!

— Нет, не довольно! Узнала дорогу на сходку — не угоните... Не то скажу... Баб потащу за собой!..

— Вот бес-от!..

У Парфена рот на бок. Петруха растопырился, глаз не сводит. Мужики, побежденные упрямством, смолкли: Домна горела.

— Я согласна повинность нести... Тяжелая она, бабы. Впряглась в оглобли мужичьи, везу. Не вам печалиться о бабьей доле... Я скажу бабам: «Идемте-ка. Увидите...».

Опять в толпе, распаренная, смотрит на парня. Вместе с ним плывет вдаль, как лодка, коряжистый валежник, обходит нечесанные мужицкие бороды.

* * *

Опять весна — круговоротица, тридцатая весна Домны. Застывшие мускулы расправляются. Под солнечным пригревом расписывается луг. Качаются леса в шуме зеленом. Поля закурились.

Ладит Домна сбрую, осматривает плуг, подкармливает Гнедка. С запахом трав и цветов плывет радость.

Когда солнце встало на край поля, избы разрумянились ко сну, вошел к Домне Парфен.

Трезвый. Голова кудрявая причесана, борода подстрижена. Не узнать. Взглянула Домна, улыбнулась.

Дед с печи потянулся глазами, крякнул.

— Бросил пить-то?

— Пора уж, дедок...

— То-то.

Парфен отвертывается, разговору не дает начала.

А дед опять:

— Самогон все равно, что водка... Иван покойник в тоску пал... Пошел на Рождество в Вязовку и смерз... Домна-то терпи патербу... Не сладко.

Ежится Парфен, заговаривает с Домной. Она в ту же точку— спрашивает:

— Что-то тебя не видно было?

— Хворал.

— Как хворать одинокому?

Дед вставляет свое слово:

— Беда... Старому еще хуже.

Парфен встает.

— Не сдох — спасибо.

Немного спустя:

— Я пришел по делу, Домашка.

— Какое оно?

— Решил помочь тебе в пашне. Свою в два дня отработаю, на твою перееду.

Домна вскинула удивленные глаза. Совсем не узнавала Парфена. Тот, да не тот.

Попытала:

— Я сама управлюсь.

Дед с печки обрадованно:

— Ты, бытта, за меня, Парфен...

— Помолчи, дедка.

Домна отвернулась к окну. Озорная улыбка бежит на улицу. Там все залито солнцем. Кудахтают куры. Колька роется в земле.

— Сям хозяинь...

Парфен ждет, когда она оглянется. Любит играющие глаза, улыбки ждет.

— Домаша... Позволь помочь. Платы никакой не возьму...

Слова Парфена радуют, но печаль на лице печалит ее. Знает Домна эту печаль. В голосе дрожливом звучат такие отголоски, каких много в лесу, когда пройдет буря. Лес-то будто стоит, крепок на корню, а по лесу стон, пугливость, шопот невнятный. В поле также. Прыгают серебряные ниточки. Среди них точно паутинка дымчатая волосками темными скользит.

Напоила чаем, чтобы «помочь» была дружеской.

П. Яровой.

(Отрывки из повести «Домна».)

МУЖ — С ВИНТОВКОЙ, ЖЕНА — С ПЛУГОМ.

Поднялась деревня с утренним рассветом,
В улице пастух уж стадом пропылил,
Звякал стук тележный. Кони ржали где-то,
Дым из труб копченых космы распустил.

— «Ой, кажись, светло уж... Поздно же проснулась,
Так вчера устала... Длинен в поле день»...
Вспомнила о ком-то, сладко улыбнулась,
Солнце в косы ленты прямо сквозь плетень.
— «Долго что-то нету. И давно не пишет,
Знамо, до жены ли... Чай с винтовкой спит...
Позабудь на время там на фронте, Миша,
И меня, и дело, если враг грозит».
Как-нибудь управлюсь... Не пропала б сила,
Без тебя давно я стала мужиком.
Летось — все пахала, в яровых — косила.
Здесь косой, я, плугом, ты же там — штыком...
— И тогда не плакать нам, рабам вчерашним,
Сброшенное бремя нам не сдавит плеч.
Я хозяйкой красной выезжать на пашни
Буду, чтобы царство новое беречь.
— «Ну, Гнедой, затопал. Дай хоть взлезть... Довольно.
Ведь какой стал гладкий с молодых лугов».
Плакала о чем-то с церкви колокольня,
На полях смеялся звон стальных плугов.
Вскачь неслась, как будто повидать милого.
Воздухом весенним занимало дух...
Розбросало платье по спине Гнедого,
Раздувало косы ветром, словно пух.
Щеки молодые маками горели,
И глаза лучились солнечной игрой.
Пахари, любуясь, ей во след смотрели:
— «Это вот крестьянка, это вот — герой».

Н. Зарницын.

РОДНЫЕ ГОРШКИ.

Лукерья не знала ни отдыху, ни сроку. Еще окна черные, детишки и муж спят, а она уж вскочит, зажжет огонь и, гремя посудой, готовит позавтракать себе и мужу. Да и на обед надо начистить картошки и приготовить капусту, а уж печку растопит и горшок со щами поставит Нюрка.

На Нюркины девятилетние плечики ложилось все хозяйство. Когда мать уходила, она и комнатку уберет, и воды из бассейна натаскает, и обед сготовит к приходу матери и отца, и с ребят ни на минуту не спускает глаз — четверо их, мал-мала-меньше.

Мать-то бежит с фабрики, в голове: гу-у, гу-у... от тысячи станков в непроглядном хлопковом тумане, бежит и одно гонит ее, как кнутом: ох, что там с детьми?.. И как там Нюрка справляется, не обварилась бы, не убилась бы... Бежит, вытянув шею, как замученная кляча. Итак, каждый день, так недели,

месяцы, годы, десятки лет, так всю жизнь. Уж и не оглядывается назад, как-будто не было ни девичества, ни молодой радости, ни любви, а только это: гу-у, гу-у... да пеленки, горшки, корыто.

— Слышь, Лукерья, — сказал как-то муж, придя с работы — слесарем работал,— возле нас ясли устраивают от вашей фабрики и от нашей дороги. Вот давай утром отдавать детей. Троих маленьких отдадим, Нюрке-то с Васькой легче будет.

Да не успел договорить, как посыпала Лукерья, он и слова вставить не успевал.

— Ах, ты, истукан облезьяний, ах, ты самогонщик кривоносый. Тебе что — нажраться, а детей раздать...

— Да ведь в ясли...

— Ах ты... Да чтобы я, да чтоб отдала своих родных детей да в чужие руки... Чтоб те пятками закорюшло к самому затылку... А то надо, сказывают, обедать итти в столовую, а дома чтоб не готовили. Ах, вы, нехристи, богом проклятые. Да я хоть с голоду сдохну, да своих родных щец поем из своего родненького горшка, чтоб вам провалиться всем.

— Тьфу... плюет бывало Иван, хлопнет дверью и зальется с горя в пивную.

А Лукерья плачет злыми слезами и опять в хомут горшков, пеленок, корыта без разгибу.

А тут новое горе: всех неграмотных до 50-ти лет загнали на фабрике грамоте учиться, а Лукерье 36 лет. Как не отбивалась Лукерья, как ни ревела коровой, загнали и ее учиться. Плакала, зубами скрежетала, а училась. Раз учительница ей сказала:

— Ну, подпишись.

Лукерья высунула кончик языка, склонила голову и, разбрызгивая пером, написала каракулями: «Лу-ке-рья И-ва-нова».

Написала и сама удивилась, глянула и рассмеялась.

— Вот так здорово!

А тут пришла из женотдела товарищ с ласковыми синими глазами и сказала голосом, которому нельзя было противиться:

— Пойдем, родненькая, к нам, сделаешься у нас рабкоркой.

И Лукерья пошла, точно ее заговорили. Долго она не могла никак наладиться писать. Да не в писанье было дело, а мозгами пришлось работать, с непривычки голова лопалась. Сидит их человек 60 рабкорок, слушают внимательно, а им рассказывают. Лукерья слушала, слушала и ахнула: как-будто у нее в первый раз слепые глаза разинулись. Села Лукерья и каракулями написала корреспонденцию. Когда напечатали, бережно сложила газету, понесла мужу.

Тот прочитал, ахнул:

— Да неужто ты, матка?..

Она показала подпись внизу: ткачиха Лукерья.

В корреспонденции было написано: «Наши работницы не понимают своей жизни. Ихние горшки, пеленки, корыта им

дороже детей, дороже жизни. А пока работница не развяжется с горшками, с пеленками, с корытами, да не заменит их яслями, столовыми, общественными прачечными, до тех пор жизнь их будет тяжкая и темная, как в хлеву».

Иван хлопнул жену по плечу:

— Ну молодца, Луша, ей-ей, не ждал. Вот чего: не пойду я нонче в пивную, а пойдем на эти деньги вместе в кинематограф.

— Ну-к, что-ж, — сказала Лукерья с радостным лицом — вот уложу детей и пойдем.

В первый раз пошли вместе за столько годов.

А. Серафимович.

В НОГУ С МУЖЧИНОЙ.

Про тебя, моя сестрица,
Говорили в прошлый век:
Как, мол, курица не птица,
Так и ты не человек.
Говорил, повысив голос,
Муженек твой — стародум:
Хоть и долог бабий волос,
Да короток бабий ум.
Каждый поп вел речь к тому же
В церкви, встав за аналой:
Да боятся жены мужа,
Будут век ему рабой.
Но теперь другие люди,
По другому говорят:
Пусть товарищем нам будет
Дочь родная Октября!
Клич почетным пролетаркам
Бросил Ленин мировой:
Пусть умеет и кухарка
Управлять своей страной!
Ты теперь нашла дорогу,
Путь твой сделался прямым.
Так иди-ж с мужчиной в ногу
К светлым далям заревым.

Антон Сопелка.

(«Товарищ-женщина».)

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА КРУПСКАЯ — УЛЬЯНОВА.

Среди русских женщин, бесспорно, самое выдающееся место принадлежит Надежде Константиновне.

Это место она занимает благодаря той колоссальной работе, которую она исполнила за свою жизнь.

Работу Надежды Константиновны можно разделить на ряд самостоятельных одинаково важных частей.

Еще в тяжелое царское время Надежда Константиновна, будучи по образованию педагогичкой, вела громадную просветительную работу в рабочих кварталах Ленинграда; Шлиссельбургское шоссе, Нарвская застава, Обуховский и Коломенский заводы — это были обычные места просветительной работы Надежды Константиновны.

Тяжелое было время, вести широкую революционную работу было трудно, но тем не менее ее вела Надежда Константиновна, вела неуклонно и с успехом, и здесь у нее сложились товарищеские отношения с массой рабочих и работниц; эти отношения полны живого содержания, и в настоящее время часто приходится слышать, как рабочий или работница с чувством большого удовлетворения заявляют: «Я выученик Надежды Константиновны, был в ее кружке за Нарвской заставой».

Вторая важная работа, выполненная Надеждой Константиновной, это сотрудничество с ее мужем, Владимиром Ильичем. Она была всю жизнь фактическим секретарем Владимира Ильича. А Владимир Ильич был редактором газет и журналов, автором книг и статей, руководителем революционного движения в России. И всю секретарскую работу по этим отраслям вела Надежда Константиновна. Надежда Константиновна по натуре — глубокий и пунктуальный человек, и, надо думать, она значительно облегчила трудную и сложную работу Владимира Ильича.

Третья часть работы Надежды Константиновны — это работа по народному просвещению в государственном масштабе. С момента организации Наркомпроса Надежда Константиновна бессменно заведует Главполитпросветом и состоит членом Коллегии Наркомпроса.

Если мы имеем в настоящее время правильно и тщательно разработанную систему работ просвещения взрослых, то это благодаря Надежде Константиновне. Это она, руководительница Главполитпросвета, намечала, разрабатывала и осуществляла систему просвещения взрослого населения.

Как член Коллегии Наркомпроса, она участвовала в разработке школьного, учебно-ученого и художественного просвещения в стране. Нет такой просветительной работы в нашей советской стране, которая не связывалась бы с именем Надежды Константиновны: библиотеки, клубы, ликвидация неграмотности, экскурсии, выставки, театры, школы, университеты, рабочий факультет, совпартшколы, коммунистические университеты, редакции журналов — все это делалось и теперь делается при самом близком участии Надежды Константиновны.

Четвертая часть работы Надежды Константиновны — это партийная работа. Когда партия была в подполье, Надежда

Константиновна вместе с Владимиром Ильичем несла всю тяжесть и лишения подполья и эмиграции. Когда партия начала работать открыто, Надежда Константиновна — постоянный член съездов партии, секретарь заграничного ЦК, секретарь редакции газеты «Искра», консультант парткомитетов, член контрольной комиссии и т. д.

Близко к партийной работе стоит работа Надежды Константиновны в области женского движения. Все этапы женского движения тесно сплетаются с именем Надежды Константиновны.

Пятая часть работы Надежды Константиновны это — ее литературная работа. Надежда Константиновна — крупная литературная сила; главные темы литературных ее трудов — вопросы просвещения. Почти во всех областях просветительного дела она дала весьма ценные литературные вклады.

В последние дни жизни Владимира Ильича Надежда Константиновна была безотлучной сиделкой у постели больного вождя.

Высоки душевные и личные качества Надежды Константиновны; благодаря им всякий, кто обращался к ней лично, навсегда сохранил в себе самое лучшее воспоминание: простота, искренность, знание вопроса, большой творческий размах — все это является характерным в Надежде Константиновне.

Дорога Надежда Константиновна каждой женщине — работнице, крестьянке, каждому рабочему и крестьянину, каждому гражданину СССР. В том пути к лучшему, по которому неуклонно идет жизнь в нашем Союзе Республик, Надежда Константиновна сделала немало.

И. Гудзь.

ОБРАЩЕНИЕ Т. КРУПСКОЙ К КРЕСТЬЯНКАМ.

Когда я была ребенком, моя мать часто рассказывала мне про мою кормилку — Матрену Ивановну, крестьянку Псковской губернии. Была она темная, но очень хорошая, добрая женщина. Ко мне очень ласкова была. Уйдет, бывало, со мной в лес и поет мне свои деревенские песни.

И рассказывала мне мать: горькая нужда заставила кормилку уйти в мамки и бросить своего грудного сынишку, Андрюшеньку. Болело у мамки сердце по сыне, хоть и не говорила она об этом. Вестей из деревни не было, а потом пришла весть: помер Андрюша. Когда моя мать сказала это Матрене Ивановне, та только тихо проговорила: «Давно уж знала я, что помер Андрюшенька». И еще больше привязалась она ко мне, к чужому ребенку, и возвращаться домой не хотела, других детей у нее тогда не

было: Андрюшенька первеньким был. Но пришло от мужа письмо. Требовал он Матрену Ивановну к себе в деревню, а «не приедешь сейчас — писал он жене, — вытребую тебя по этапу, как бычка на веревочке, тебя ко мне приведут». Поехала в деревню Матрена Ивановна.

Часто девочкой еще думала я, что плохие это порядки, когда нужда заставляет мать дитя свое бросать, а муж имеет над женой такую власть.

О кормилке своей часто вспоминала.

Я о кормилке, а Владимир Ильич о няне своей вспоминал. Плохо я стала видеть последнее время, очки завела. Владимир Ильич и говорит: «Очки чистые должны быть. Дай я тебе их протру. Я няне моей всегда очки протирал». Тоже и у его няни жизнь своя не красна была, тоже горя хлебнула, тоже к чужим детям привязалась, и не забыл ее всю жизнь Владимир Ильич. И всю жизнь близко принимал к сердцу долю крестьянки, ее горе.

Он всегда думал о том, как пробудить сознание у работницы и крестьянки, как втянуть их в организацию, в движение.

Когда мы были еще в Сибири, он посоветовал мне написать брошюру о женщине-работнице. Брошюру я написала, а он следил, как я пишу, и советовал, и потому, когда Владимир Ильич уехал за границу, чтобы там издавать нелегальную газету «Искру», он позаботился, чтобы и эта брошюра была издана. И каждый раз, когда являлась возможность что-нибудь наладить, чтобы поднять сознательность работниц и крестьянок, Владимир Ильич помогал этой работе. Те, кто вел работу среди женщин: и я, и т. Инесса, всю жизнь свою отдавшая работе среди работниц и крестьянок, и т. Сталь и другие всегда обращались к Владимиру Ильичу за советом, и он всегда вникал в дело, давал руководящую нить.

Как пристально думал он об освобождении работницы и крестьянки, о том, чтобы пробудить их сознание, втянуть их в работу над переустройством жизни, видно из его речей и статей.

Расскажу еще одно: был как-то съезд работниц и крестьянок-мусульманок, там они еще больше порабощены, чем у нас, еще больше темны и угнетены. Владимир Ильич беседовал с ними. Потом мы говорили с ним об этом. «Это уж поднялись самые низы, угнетенные из угнетенных, — сказал он, — теперь уж дело прочно, назад уж нет возврата».

Товарищи-крестьянки, поднимайтесь к сознательной жизни, учитесь, перестраивайте жизнь так, чтобы всем хорошо жилось, организуйтесь, сплачивайтесь около красного знамени коммунизма.

Н. Крупская.

ТОВАРИЩИ, РАБОЧИЕ И РАБОТНИЦЫ, КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНКИ.

Большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и так далее — всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим.

Помните, как много еще нищеты, неустройства в нашей стране. Хотите почтить имя Владимира Ильича, — устраивайте ясли, детские сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов и так далее, и самое главное, — давайте во всем проводить в жизнь его заветы.

Н. Крупская.

РАБОТНИЦЫ И КРЕСТЬЯНКИ О СМЕРТИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА.

После смерти Владимира Ильича стали приходить на мое имя сотни телеграмм и писем со всех концов советских республик от собраний граждан, от разных организаций, от Красной армии и профсоюзов, от рабочих, крестьян, учителей, от детей, и много, много телеграмм и писем от работниц и крестьянок. Все телеграммы и письма говорят об одном: о безграничной, горячей любви к Владимиру Ильичу, содержат обещание проводить в жизнь его заветы, а мне велят крепиться и работать.

Кто пишет? Пишут мусульманки города Кубы, Тифлиса, работницы далекого Ташкента, угнетенные из угнетенных, которых за людей не считали. Работницы Исилькуля пишут о том, что заветы Ильича живут в их сердцах, «в сердцах раскрепощенных женщин», и шлют ему «вечное спасибо».

Пишут крестьянки, беспартийные крестьянки Октябрьской волости, села Иванова, Ленинградского уезда, собравшиеся в избе-читальне; крестьянки Вологодской губернии, крестьянки села Самарова, Тобольского округа; крестьянки 1-й крестьянской конференции Струго-Красненской волости, Лужского уезда. Крестьянка с. Горищ, Клавдия Алексеевна Денекина, пишет:

«Тов. Ленин увидел и нас, забытых и убитых горем женщин. Он отвоевал нам равноправие, он указал нам дорогу к строительству государства, и мы смело пошли по его идее, и сидим в своих душных сельских советах, и отстаиваем свои права, и защищаем пролетариат, и то тяжело бороться на нашем маленьком посту».

Другая крестьянка, села Запольница (Новгородской губ.), пишет: «И мы, крестьянки-работницы деревни, живущие вдали от вас, в глухих деревнях, скорбим и делим горе вместе с вами, овдовевшая сестра. Скорбь наша велика, но выразить ее мы не умеем, и очень жаль, что не пришлось прочесть в газете или журнале голос крестьянки, в котором можно было бы узнать печаль осиротевшей женщины деревни. И почему же мы молчим? Разве мы не погружены в глубокий траур, как и все трудящиеся, с момента смерти нашего друга и освободителя? Нет, мы потрясены потерей великого вождя всего трудящегося народа, но слепы, темны и забиты крестьянки, неграмотность скрывает наши чувства глубоко в душе, а выразить мы мысль свою в строках не умеем, ибо рука дрожит и складу нет в словах...».

Торопятся поддержать в горе словами солидарности работницы разных фабрик и заводов: текстильщицы Языковской фабрики, Рассказовской, Сухонских писчебумажных фабрик, фабрики «Красная Швея» № 16, Старо-Павловской мануфактуры и другие.

Работницы организованы, они пишут больше не от общих собраний, а от делегатских. Есть телеграммы из Донбасса, Алмазнянского женотдела, от делегаток Морозовского округа Донобласти, от делегаток города Вольска, которые сообщают, что организуют детскую читальню имени товарища Ленина, от делегаток гор. Ветлуги, первого рабочего района Царицына, делегаток-работниц гор. Саратова и др.

Есть письмо от общего собрания делегаток горженотдела города Твери, писанное, по словам писавших, «со слезами в глазах и кровью облитым сердцем...».

Есть телеграмма из родного Ленинграда, от Василеостровского районного делегатского собрания работниц, которые сообщают: «Все мы решили немедля войти в Ленинскую Коммунистическую партию. В ее рядах мы будем бороться за идею вождя».

И во исполнение этого решения в Коммунистическую партию вступило в Ленинский призыв новых 6000 работниц.

Н. Крупская.

НАД ГРОБОМ ИЛЬИЧА.

До сих пор я никак не могу примириться с мыслью, что его уже нет, и, несмотря на то, что прошло несколько дней, что в траурных рамках газет печальные строчки возвестили миру со всеми подробностями горькую правду, — в глубине души живет какое-то непонятное чувство, которое протестует против правды: нет, нет, Владимир Ильич жив! Он не умер, он только уснул после тяжелой борьбы, и скоро снова встанет. Увы, это невозможно.

Я никогда не видела Владимира Ильича, но я знаю его, знаю так, как может знать и любить ребенок свою мать. Образ дорогого, любимого Ильича живет и вечно будет жить в моем сердце, заполнит всю мою жизнь, которая стала такой светлой, свободной и радостной благодаря Ильичу. Вместе с миллионами пролетариев я говорю: ты был, Ильич, нашим вождем, ты привел нас к новой жизни, и память о тебе никогда не умрет.

Отныне цель моей жизни — если у меня будет сын, я назову его именем Ильича и отдам все силы на то, чтобы воспитать его в духе учения того великого Владимира Ильича, имя которого он будет носить.

Мария Котова.

(Фабрика им. Халтурина.)

«ЗА ЗАБОТУ О ДОЛЮШКЕ НАШЕЙ...».

Избы сели на холм, что наседки,
Так и хохлятся желтыми крышами.
Шепчет с ветром соседка соседке:
— Слышали?!. Слышали?!.
Нынче будет большое собрание,
Говорить будет Марья о Ленине...
Солнце дробит о снежные грани
Золотые крупинки весенние.
Словно бисер, рассыпались девки
По проулку у дома Анания.
Марья в ватной цветной куцавейке
Открывает собрание.
Позамолкли, притихнули бабы —
Пролетела бы муха — услышали...
И избушки заслушались — рады —
Понахохлились желтыми крышами.
Голос Марьи надтреснулся льдиной:
— Все вы знаете горе всемирное:
Умер Ленин...
Но силой единой
Победим мы...
Долго Марья еще говорила,
Как боролся за женщину Ленин,
И средь речи ее опустилась
Аграфена-вдова на колени.
— Я ему это, — крикнула глухо, —
За заботу о долюшке нашей...
Может, поздно... я, может, старуха...
Запиши меня в партию, Маша.

А. Смирнова-Варфоломеева.

МОЯ ВСТРЕЧА С ТОВ. ЛЕНИНЫМ.

Встретилась я с ним чисто случайно. Когда он заговорил со мной, то я так растерялась, что не могла сказать ни одного слова, но Ильич так ободряюще заговорил со мной, что моя растерянность прошла моментально.

Он спросил меня о работе, где я работаю. Я ему сказала, что я работаю среди женщин.

Я говорила с ним не более двадцати пяти — тридцати минут, но этот разговор остался в моей душе на всю жизнь.

Он мне говорил, что женщина, работница и крестьянка, может быть хорошим администратором, политиком и хозяйственником, так же, как в своем доме она является хорошей хозяйкой и матерью. Он советовал начинать работу среди крестьянок с самой глухой деревушки, а в городе с низовой ячейки. «Не забывайте ни одну женщину, встречающуюся на пути вашей работы, дайте ей совет, поговорите с ней как с равной себе. Она поймет, она сердцем почувствует, что вы ей равная, и она открыто выскажет все то, что наболело у нее на сердце в годы рабства и угнетения. Но не подходите к женщине, давая ей почувствовать, что вы превосходите ее. Тогда она отвернется от вас и будет видеть в вас врага», — сказал мне Владимир Ильич.

Кто хотя раз в жизни говорил с Ильичем, тот никогда не забудет его простоты обращения, его чуткости, его твердых, уверенных слов. Его взгляд проникал в самую душу. Когда я поговорила с ним, то я в душе дала себе клятву выполнить его слова. Буду приобретать знания и передавать тем, кто меньше меня знает.

В Международный день работниц, проводимый под лозунгом «Помните и выполняйте завет Ильича о работнице и крестьянке», призываю женщин, работниц и крестьянок:

— Давайте, выполним надежды, возложенные Владимиром Ильичем на нас — женщин.

Работница.

ИЗ РЕЧИ ТОВ. ЛЕНИНА НА КОНФЕРЕНЦИИ РАБОТНИЦ.

Общие задачи женского движения.

Мне бы хотелось сказать несколько слов относительно общих задач женского рабочего движения в Советской республике, как тех задач, которые связаны с переходом к социализму вообще, так и тех, которые сейчас с особой настоятельностью выдвигаются на первый план. Товарищи, вопрос о положении женщины с самого начала был поставлен Советской властью. Мне кажется,

задача всякого рабочего государства, переходящего к социализму, будет двоякого рода. И первая часть этой задачи сравнительно простая и легкая. Она касается тех старых законов, которые ставили женщину в положение, неравноправное по отношению к мужчине.

Советская Россия первая дала женщине полное равноправие.

Давным - давно представители всех освободительных движений в Западной Европе в течение не только десятилетий, но в течение столетий выставляли требования об отмене этих устаревых законов и уравнении женщины по закону с мужчиной, но ни одному из европейских демократических государств, ни одной из самых передовых республик не удалось это осуществить, потому что там, где существует капитализм, там, где сохраняется частная собственность на землю, частная собственность на фабрики и заводы, там, где сохраняется власть капитала, привилегии останутся у мужчин.

В России только потому это удалось провести, что с 25 октября 1917 г. здесь установилась власть рабочих. Советская власть с самого начала ставила себе задачу существовать, как власть трудящихся, враждебная всякой эксплуатации. Она ставила себе задачу уничтожения возможности эксплуатации трудящихся помещиками и капиталистами, уничтожения господства капитала. Советская власть стремилась добиться того, чтобы трудящиеся строили свою жизнь без частной собственности на землю, без частной собственности на фабрики и заводы, без той частной собственности, которая всюду, во всем мире, даже при полной политической свободе, даже в самых демократических республиках поставила фактически трудящихся в положение нищеты и наемного рабства, а женщину — в положение двойного рабства.

Советская власть произвела коренной переворот в законодательстве, касающемся женщины.

Советской властью, как властью трудящихся, в первые же месяцы ее существования был произведен в законодательстве, касающемся женщины, самый решительный переворот. Из тех законов, которые ставили женщину в положение подчиненное, в Советской республике не осталось камня на камне. Я говорю именно о тех законах, которые специально использовали более слабое положение женщины, поставив ее в положение неравноправное и часто даже унизительное, т.-е. законах о разводе и о внебрачном ребенке, о праве женщины на иск к отцу ребенка для его обеспечения.

Именно в этой области буржуазное законодательство, нужно сказать, даже в самых передовых странах использовало более

слабое положение женщины, сделав ее неравноправной и унизив ее. И именно в этой области Советская власть из старых несправедливых, невыносимых для представителей трудящейся массы законов и не оставила камня на камне. И мы можем теперь сказать с полной гордостью, без всякого преувеличения, что кроме Советской России нет ни одной страны в мире, где было бы полное равноправие женщины и где бы женщина не была поставлена в унизительное положение, которое особенно чувствительно в повседневной, семейной жизни. Это было одной из наших первых и важнейших задач.

ПАРТИЯ И ЕЕ РАБОТА СРЕДИ ЖЕНЩИН.

Партия большевиков ясно видела, какую громадную роль играет женщина-работница в капиталистическом производстве, какое значение будут иметь миллионные массы работниц в пролетарской революции. Наша партия также учитывала, что не может быть женского движения отдельно от обще-рабочего движения, от борьбы всего рабочего класса в целом.

Уже в 1905 г. организуется группа социал-демократок, в которую входили т. Антонова (ткачиха), Анна Семенова (текстильщица), Соловьева (наборщица), позднее Николаева и др.

С 1906 г. начинают проводиться отдельные собрания работниц, носившие полулегальный характер.

В это же время партией открывается несколько клубов для работниц, которые, однако, вскоре прикрываются полицией.

В 1907 г. проводятся первые митинги работниц, на которых ораторами были сами работницы.

Под невинным названием: «Общество взаимопомощи работниц», социалистки открывают в 1907 г. первый социалистический клуб работниц. Клуб этот ставил себе задачу организовать вокруг себя работниц для социалистической агитации. Членами клуба могли быть и мужчины. В годы реакции клуб был закрыт, но работа его дала очень заметные результаты.

В годы реакции замерла и работа по агитации и пропаганде среди работниц. Все активные силы были высланы, но движение не было убито. Работницы после революционного 1905 г. потянулись к организации, вступали в полулегальные профсоюзы, подпольные партийные группы.

В 1910 г., когда в Копенгагене была созвана вторая международная женская конференция, русские работницы делегируют туда свою представительницу — большевичку. В связи с решением этой конференции о праздновании женского дня 8 марта, был поднят вопрос о проведении этого дня в России. Но общая подавленная атмосфера, отсутствие активных сил задержали проведение его на два года.

В 1912 г., после ленских событий, вместе с рабочими поднимает голову и работница.

В 1913 г., 8 марта, впервые проводится в России «международный женский день». День этот отмечен выпуском специального номера партийной газеты, нелегальными и легальными собраниями работниц.

К моменту войны уже имеется кадр сознательных членов партии работниц, которые самостоятельно ведут работу.

Война на время наносит удар рабочему движению, снова приходится итти в подполье. Рабочие идут на фронты, количество работниц во всех отраслях промышленности непрерывно растет. Работницу угнетает дороговизна, голод, судьба мужей, угнанных на фронт. Дружно подхватывается работницами лозунг т. Ленина о превращении войны империалистической в войну гражданскую. По инициативе русских работниц большевичек в 1915 г. собирается в Берне международная конференция с целью вновь объединить международный пролетариат.

Сейчас же после начала войны в 1914 г. в Ленинграде работницы демонстрируют против войны и правительства, затеявшего войну.

В дни февральской революции работницы России имели широкий доступ во все рабочие и партийные организации. Много записалось в профсоюзы, но в нашу партию вошли немногие, лишь наиболее сознательные, передовые.

Во время Октября работницы боролись и победили вместе с рабочими под руководством нашей партии.

Теперь в СССР у нас нет «движения работниц». Вся работа по укреплению завоеванной революции, как и вся работа по строительству социалистического государства, ведется у нас пролетариатом обоего пола.

Так, во время гражданской войны работницы заменяли мужчин у станков, сами шли на фронт, работали по снабжению Красной армии. В Ленинграде во время наступления Юденича в 1919 г. восемнадцать тысяч работниц, организованных в секции, добровольно выполняли саперные работы, организовывали санитарные отряды, помогали раненым и больным красноармейцам. Женщины-милиционерки несли охрану города и все время они не забывали о крестьянке и вели ее за собой.

По ликвидации фронтов, участие работниц в деле социалистического строительства приобретает гигантское значение.

«Сейчас мы входим в полосу, когда вся партия повернулась лицом к деревне» (Зиновьев).

«Это сейчас узловая, центральная задача. Если мы сумеем разрешить этот вопрос, тогда диктатура обеспечена полностью» (Зиновьев).

В работе среди работниц и крестьянок, партия тоже повернулась «лицом к деревне».

Наши основные задачи: углубить работу среди крестьянок, подготовлять и выдвигать крестьянок на выборные должности по советской, хозяйственной и кооперативной областям, усилить работу по Охране Материнства и Младенчества и социальному воспитанию, усилить внимание к комсомольскому и пионерскому движению.

В работе среди работниц необходимо усилить внимание к шефской работе, внимание к деревне, расширить влияние партии на всю массу работниц, нужна поголовная организация работниц, необходимо поднять культурный их уровень, вовлечь наиболее активные кадры в партию, развернуть работу среди жен рабочих, усилить работу по квалификации труда работниц.

Коммунистическая партия не признает отдельных женских организаций, но учитывая условия, в которых развивались работницы, отсталость широких женских масс, необходимость найти особый подход к работнице, считает необходимым временно вести специальную работу среди работниц.

Свое влияние на широкие женские массы партия осуществляет через особые аппараты — Отделы Работниц.

Отделы Работниц существуют официально с сентября 1919 г. Раньше их были «комиссии по агитации и пропаганде среди работниц», основанные по циркуляру ЦК после всероссийского совещания работниц.

В Ленинграде и Москве еще до Октября организацию и воспитательную работу среди работниц вели редакции журналов «Работница» и «Жизнь Работницы».

В 1918 г. работа среди работниц в Ленинграде выливается в особые организационные формы — секции работниц. Наиболее сознательные кадры работниц, организованные в секции, принимают самое активное участие в гражданской войне, в поддержке промышленности, идут в продотряды за хлебом, на работу в советские учреждения.

Работницы все большими массами вступают в партию. Так в ленинградской организации в 1918 г. было 374 женщины, в 1919 г. — 1336 женщин, в 1920 г. — 4876 женщин. Много работниц из секций Ленинграда рассылается для работы в самые глухие уголки России.

Осенью 1919 г. «комиссия по агитации и пропаганде среди работниц» реорганизуется по всей России в Отделы Работниц.

В это время перед партией встала задача углубить работу среди работниц и крестьянок, расширить свое влияние на самые отсталые массы работниц. Вместо секций, выплыла новая форма работы — делегатские собрания, существующие до сих пор.

Делегатки избирались на общих собраниях работниц на фабриках, заводах и учреждениях от десяти — одна.

С переходом на новую экономическую политику работа среди работниц еще больше углубляется, переносится главным образом на предприятия. XI съезд партии в 1922 г. вынес сле-

дующее решение по работе среди работниц: «В условиях переходного времени значение политического влияния на широкие массы работниц и крестьянок не только не ослабевает, а приобретает особую важность в обстановке мелкобуржуазного окружения, безработицы, подход к женским пролетарским массам должен быть наиболее внимательным».

Проводя в жизнь постановление съезда, партия в 1922 г. организует сеть пропагандистских кружков, вовлекает работницу в клубы, углубляет работу, охватывает через делегатские собрания все новые наиболее отсталые слои работниц и крестьянок. Срок делегатского собрания продлен до 1 года.

Количество делегаток с каждым годом растет. Расширяется и практическая работы делегаток.

Если в 1921 г. по СССР у нас делегаток было 29 000, в 1922 г. — 58 000, в 1923 г. — 95 000, в 1924 г. — 208 704, то в 1925 г. мы имеем уже 334 875 делегаток (учтено по 16 центральным губерниям), из них в общественную работу вовлечено 127 740 (38,1%). Делегатки для практической работы прикрепляются ко всем комиссиям фабзавкомов, кооперативным и культурным организациям, к работе производственных комиссий и совещаний, к секциям совета, где они главным образом используются по Охране Материнства и Младенчества, в советах содействия школ и т. д.

Втянутые в общественную работу делегатки нынешнего состава работают:

в секциях совета	59 058	дел.	(17,6%)
в профорганизациях	27 033	»	(8,1%)
в кооп. организациях	16 569	»	(4,9%)
на прочей работе	26 080	»	(7,5%)

Коммунистическое воспитание работниц проводится в политкружках, партшколах, кружках рабкоров, кружках кройки и шитья, где ведутся беседы на политические темы. Ведется работа по вовлечению работниц в клубную работу; для того, чтобы теснее связать работницу с клубом, при клубах организуются «уголки работниц», связанные со всей работой клуба, они развивают в работницах самодеятельность и заставляют их участвовать во всей культурной работе. Для облегчения работницам работы в клубе устраиваются детские комнаты. По Ленинграду, при непосредственном участии работниц, таких комнат организовано две. Сейчас мы имеем уже довольно большое количество работниц, активно участвующих в клубной работе. Так, по Ленинграду членами клубов у нас состоят 23 215 работниц, или 43%, в правлениях клубов — 160 работниц, или 22,5%, работают — 11 343 работницы, или 45,9%.

Политкружки работниц стали не только средством для агитационно-пропагандистской работы, но они являются и средством организации работниц, так как охватывают не только деле-

гаток, но и новые слои работниц, до сих пор не охваченные нашим влиянием.

Так, в Ленинграде в этом году всего было 602 политкружка, в которых, кроме 5670 делегаток, обучались еще 12 065 работниц. 50% из всего состава политкружков вступило в РКП. Окончившие учёбу в политкружке, работницы переведены в партшколы, кружки самообразования и т. д.

В результате всей работы, работницы, пройдя школу делегатских собраний, идут в партию. За 1924 г. по всему Союзу из всего состава делегаток вступило в РКП 60%. Процент женщин в РКП вырос, главным образом, за счет делегаток и прошедших политкружки работниц.

В 1922 г. членами и кандидатами партии женщин было 7,8%, на 1 октября 1924 г. — 10,1%, на 1 января 1925 г. мы имеем всего членов и кандидатов РКП — 741 117, из них учениц — 76 494.

Через Отделы Работниц партия за последние годы развивает свою работу среди домохозяек, жен рабочих. Последние объединяются вокруг предприятий, где работают члены их семьи, вовлекаются в работу клуба, в кооперацию, кружки политграмоты, выбирают делегаток.

В своей огромной работе партия особое внимание уделяет труженицам Востока. Основной задачей партии в деле фактического раскрепощения восточной женщины является точное проведение в жизнь всех законов о правах женщины и мероприятий в области семейно-брачных и имущественных отношений. Делегатки Востока тоже выдвигаются на различную практическую работу.

В виду особой забитости женщины Востока допускается временно организация специальных женских клубов и школ.

Таковы те формы и методы, которые применяет наша партия в своей работе среди трудящихся женщин.

МАРШ МАТЕРЕЙ И СЕСТЕР.

Гниль отошедших лет,
На мировой костер!
Громче гуди по земле,
Шаг матерей и сестер!

Не затих пожар еще.
Гулок вражий гам.
Шагом марш, товарищи,
К новым берегам!

Знаем, над нами горит
Зарево новых битв:
Надо в семье крепить
Коммунистический быт!

В прошлое кол забей,
Его заметай следы!
Ленинцы! Знайте: в борьбе
Ленинки встанут в ряды!

Не затих пожар еще.
Гулок вражий гам.
Шагом марш, товарищи,
К новым берегам!

Дочь городов и полей,
Глубже в грядущее взор!
Громче гуди по земле,
Шаг матерей и сестер!

Ал. Жаров.

ЧТО ТАКОЕ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ.

(8-е марта.)

Празднование дня работниц впервые возникло в 1909 г. по почину американских социалисток; днем праздника было постановлено считать 8-е марта. В следующем году, по предложению т. Клары Цеткин международного вождя женского коммунистического движения, на второй международной конференции социалисток в Копенгагене было решено проводить «Женский День» 8-го марта уже во всех странах; но отпраздновать этот день в 1911 г. удалось лишь в Германии и Австрии.

Перед этим днем велась агитация среди широких женских масс и выпускались социалистической партией специальные женские журналы для работниц. Лозунгами в 1911 г. были: «женское избирательное право», «охрана труда женщин» и т. д.

В Австрии в 1911 г. (в г. Вене) состоялась уличная демонстрация, в которой участвовало 80 000 работниц.

В 1912 г. женский день празднуется работницами уже во многих странах Европы и становится настоящим днем общности интересов между социалистками различных стран.

В 1913 г. день 8-го марта проводился уже во всех промышленных центрах Германии, Австрии, Англии, Болгарии, Голландии, Америки с особым подъемом и воодушевлением.

В этом году перед рабочим классом всего мира уже встал призрак войны. В том же 1913 году в первый раз был организован международный социалистический день работниц в России (конечно, тайно), в Петербурге.

В 1914 г. была сделана попытка организации в Ленинграде международного женского дня, но все участницы были аре-

стованы. Лозунгом женского дня в России была борьба за свержение самодержавия.

Во время войны 1914 — 1917 гг. празднование женского дня нигде не состоялось. Несмотря на попытки революционных социалисток Европы организовать в этот день демонстрации протеста против кровопролитной войны, эти попытки были подавлены полицией.

Только в Норвегии в 1915 г. удалось устроить демонстрации в этот день под лозунгом «война — войне».

В 1917 г. международный женский день становится историческим днем. В этот день в Петрограде вышли на улицу работницы и жены солдат с требованием хлеба и мира. С этого дня началась русская революция. При известии о начале русской революции происходят женские демонстрации против войны во многих странах Европы.

В 1918 г. после победы русской революции и установления у нас рабоче-крестьянской власти международный женский день стал праздноваться во всех городах и селах СССР.

Как происходит празднование 8-го марта в Советских республиках.

В Советской России и во всех Советских социалистических республиках (Грузия, Армения, Азербайджан, Туркестанская республика и др.) день 8-го марта является, поистине, днем солидарности работниц и крестьянок с их угнетенными и бесправными сестрами — работницами и крестьянками буржуазных государств.

В Советской России и во всех Советских республиках, где государственная власть находится в руках рабочих и крестьян, трудящаяся женщина является, по советским законам, вполне равноправной с мужчиной. Однако, для полного и всестороннего раскрепощения работницы и крестьянки требуется их широкое участие в деле строительства новой жизни и восстановления народного хозяйства, разрушенного долголетней войной.

Только коммунистический строй с его развитым хозяйством, с общественными учреждениями по социальному воспитанию детей (ясли, детдома и пр.), общественными столовыми, прачечными и т. д. в состоянии будет вполне раскрепостить женщину.

После Октябрьской революции, в 1918 — 1919 гг., в виду того, что рабочие и крестьяне вели борьбу с контр-революцией, лозунгами 8-го марта были: укрепление красного фронта, отражение натиска мировой буржуазии, помощь Красной армии. Лозунгами работниц в 1920 г. были: призыв к объединению работниц всего мира и свержение власти буржуазии и капитала. Ближайшими практическими лозунгами в это время являлись: объединение сил трудящихся для восстановления транспорта, борьба за хлеб и уголь. В 1921 г. международный день работниц

прошел под лозунгом самодеятельности и активного участия женщины-работницы и хозяйки в хозяйственном возрождении советских республик.

В 1922 г. главными лозунгами к 8-му марта были: 1) Компартии всех стран на помощь и защиту трудящихся женщин, борьба против безработицы и помощь голодающим Поволжья, 2) трудящиеся женщины — на поддержку Коммунистических партий.

В 1923 г. лозунгами, под которыми проведен международный день работниц в Советских республиках, являются — поднятие квалификации (обученности) работниц и производственная, политическая и культурная помощь работницам.

В виду того, что народное хозяйство значительно улучшилось, выдвигается еще такой лозунг: коллективизация быта, т.-е. устройство яслей, детских домов, общественных столовых, пошивочных мастерских, прачечных и проч., а также помощь безработным женщинам — через организацию артелей.

К НАМ, ПРОЛЕТАРКИ!

К нам, пролетарки, под красное знамя свободы,
Кто бы вы ни были — шведки, румынки, татарки,
Все, у кого на шершавых ладонях мозоли,
Дочери фабрик, прачки, портнихи, кухарки.
К нам, пролетарки, терпеть уж недолго осталось,
К победе идем мы, сознательно, бодро и верно.
Сегодня наш праздник. Забудем нужду и усталость.
Вперед на призыв Коминтерна!

Рулик.

КЛАРА ЦЕТКИН.

Седая, но с молодой душой, революционерка, она живет борьбой за коммунизм. Жизнь для нее — борьба международного пролетариата. Она — один из его вождей. Ее свободная, остроумная речь разрушает старые догмы, зовет и увлекает массу на борьбу, вызывает ненависть у врагов пролетариата.

Еще молодой девушкой т. Цеткин — в рядах революционных масс. Она живет радостью победы пролетариата, страдает его поражениями.

Законы прусского правительства изгоняют ее из Германии. В Швейцарии, в Париже она работает без устали, разделяя свое время между изучением социальных наук и практической работой в немецком коммунистическом клубе.

В 90-х годах рабочее движение в Германии мощным потоком смыло исключительные законы против социалистов. Тов. Цеткин

снова в Германии. Она принимается за организацию работниц. Своей непримиримостью она вызывает ненависть буржуазии, способствует пробуждению и развитию классового самосознания работниц.

В 1896 г. на съезде германской социал-демократии в Готе она добивается учреждения комиссии по организации и пропаганде среди работниц.

В 1910 г. по ее почину международная конференция социалисток в Копенгагене постановляет считать 8-е марта международным днем работниц, днем солидарности международного пролетариата, днем выступления работниц всего мира против капитала.

В 1914 г. она в числе первых поднимает голос против войны. Германское правительство заточает ее в тюрьму.

65-летняя революционерка и сейчас на своем посту.

Своей энергией, стойкостью, верностью революционным заветам марксизма она оказывает пролетариату неисчислимые услуги.

ПРИВЕТ РАБОТНИЦЕ И КРЕСТЬЯНКЕ.

Сердечный, искренний привет вам, работницы и крестьянки, вам, трудящиеся женщины Союза Советских Республик!

Вам удалось в революционной борьбе низвергнуть капитализм; вы взяли всю власть в стране в свои руки и создали рабоче-крестьянскую республику. И вот вы стоите теперь перед тем, чтобы строить новое хозяйство в этой республике, создать новое общество, в котором не должно быть места для угнетения и порабощения одного человека другим, бедного — богатым, слабого — сильным, женщины — мужчиной.

Тяжелая доля работницы за границей.

Работницы и крестьянки других стран находятся в более тяжелых условиях, чем мужчина. Тонок кусок хлеба, который отрезают им господствующие классы, и мало у них времени для отдыха и покоя, для учения и радости. Женщины трудящиеся самая слабая и неорганизованная часть и они слабее могут сопротивляться грабителям и насильникам. На них лежат тяжелые обязанности материнства, над ними тяготеют вековые предрассудки, суеверия, бесправие — пережиток многих столетий. Вот почему они представляют собою покорную жертву для капиталистических вымогателей, вечно алчущих золота и власти.

Во многих странах женщины все еще не имеют ни в семье, ни в государстве равных с мужчинами прав; а это означает, что у них нет равных с мужчинами средств и орудий защиты против вымогателей.

Положение не улучшилось.

За четыре года положение работниц за границей нисколько не улучшилось. Оно стало даже гораздо тяжелее. Капиталистическое хозяйство разрушено. Только незначительное меньшинство пользуется избытками и благами жизни. У рабочих нет хлеба, одежды и крова; нет возможности образования для всех тех, кто трудится в поте своего лица.

Не сотнями тысяч, а миллионами насчитываются безработные — и между ними большая часть — женщины. Заработки работающих счастливцев ничтожны. Мало того, помещики, фабриканты и ростовщики чудовищно высоко поднимают цены на продукты первой необходимости. Правительство богачей грабит рабочих и бедняков своими налогами, снимает с них все до последней рубашки, да подчас не оставляет на них и самой рубашки.

Тиски капитализма.

Рабочие должны оплачивать гигантские счета империалистической разбойничьей войны. Они одни должны нести на себе расходы по восстановлению капиталистического хозяйства, благами которого пользуются исключительно богачи.

Буржуазии недостаточно ее обычных приемов властвовать как в хозяйственных делах, так и в управлении государством. В Испании, Греции, Японии и других странах установлена военная диктатура, в Италии и Болгарии — господство фашизма, в Германии — осадное положение, гонение на коммунистическую партию со стороны войск генерала Секта.

Везде, где капитализм своей тяжелой стопой наступает на волю трудящихся масс, — международный коммунистический день работницы должен бросить призыв трудящимся — женщинам и мужчинам, не останавливаться на пути, не знать покоя и отдыха, покамест капитализм не будет ранен на смерть, не будет разбит вдребезги.

Лозунг международного дня работниц.

Наш международный день работницы должен быть сборным днем, мобилизационным днем, днем отдыха перед борьбой за диктатуру пролетариата.

Вы, дорогие товарищи из Советских республик, — показали нам, что эта цель может быть достигнута, и что она будет

достигнута тогда, когда и трудящаяся женщина примет участие в борьбе.

Перед вами стоит гигантская задача — воспользоваться диктатурой пролетариата для осуществления коммунизма.

Ваш нынешний день работницы закрепит братский союз между пролетарской женщиной и крестьянкой. Он свяжет женщин города и деревни в едином желании и стремлении совместно поднять хозяйство и культуру.

Надо раскрепостить работницу и крестьянку.

Чтобы обеспечить свободу и счастье для всех, нужно широко открыть все источники образования для молодежи в городе и деревне. Она должна достигнуть при помощи всестороннего воспитания и образования высшей степени развития во всех отраслях знания — для работы во имя коммунизма. Подрастающее поколение призвано продолжать и закончить то, что мы начали.

Надо усилить работу по освобождению женщины от домашней кабалы. Трудящиеся женщины в капиталистических странах знают, что в Советской России и тесно связанных с ней Советских республиках — все силы государства, советских органов, коммунистической партии, рабочих организаций, союзов работают в этом направлении для раскрепощения женщины.

Ваше хозяйство еще не устроено и бедно. Но так же, как вы с вашими братьями могли создать рабоче-крестьянское государство, так вы вместе с ними приведете его к коммунизму. Вам путь указал т. Ленин. Вы должны совершить это великое дело, как последнее завещание его.

Клара Цеткин.

Я СТАЛА ВОЛЬНОЙ.

Под мерный гул чугунного завода
Я песни новые узнала у станков
И в край родимый пашни и лугов
Опять иду, в край матери-природы.
И уж не та я, что в былые годы,
Под плетью старосты и сельских кулаков...
Я стала вольная, и в темень хуторков
Несу святые светочи свободы.
Иду за тем, чтоб дорогой сестре —
Крестьянке рассказать о золотой заре,
О красном дне, где радужны зарницы.
Иду за тем, чтоб в дружную семью
Связать среду фабричную мою
С селянкой хутора, деревни и станицы.

З. А.
(«Делегатка».)

ОТ СТАРОГО БЫТА К НОВОМУ.

ЕЩЕ НЕ ОСВОБОДИЛИСЬ.

(Сон Лукерьи.)

И ругала же Лукерья своих родителей за то, что не могли они отдать ее в школу, когда ей было не сорок лет, а десять. Охоту она большущую имела к ученью. Но хоть и мешали ей дети, горшки, муж, а все-ж-таки кривая вывезла: даже в клубе при тысячной аудитории не постеснилась выступить и сказать длинную речь о пользе грамоты.

— Товарищи, — говорила она, — в пору своей неграмотности, мы, как щенки слепые, ползали, тыкались, не зная куда. Теперь на старости лет прозрели, открылось и желание больше знать.

После первого вечера в клубе у Лукерьи словно нутро перевернулось. Придет в каморку, — там мрачно, скучно, нудно, нет простора, нет жизни, так те и тянет в клуб, в светлые широкие комнаты, в свой женский уголок, посидеть, поговорить, о жизни поразмыкать, планы будущего строить, почитать. Часто и подолгу засиживалась там. Иногда муж сам за ней приходил, к окну встанет и зовет:

— Лушка, долго ли? Жрать хотца.

Как-то раз в клубе было собрание. Лукерья по уши ушла в доклад, что-то все записывала на бумагу. Нескладно получалось, зато крепко. Открылись прения, Лукерья и здесь не отстает — просит слово. Дали. А она как пошла! Откуда что берется! Точно из переполненной чаши, одна фраза чище другой. Мужичье — и те рот разинули да и слушают.

— Что с нашей Лушкой-то стало, и не узнаешь.

А Лушка знай бьет по всем гнилым местам старого быта:

— Дорогие подруженьки, нам все свои силы надо положить на этом фронте. Поотрывали по всей нашей республике общественные столовые, прачечные, снимем цепи рабства. Мужикам нашим — им что, только сала нагуливать да шею растить. Пора кончить нашу беспросветную жизнь, мы тоже хотим так же свободно жить, как и мужчины.

Мужчины злорадно улыбаются. А бабье бьет в ладоши:

— Ай-да Лушка, верно, правильно! Не на одну бабью шею взваливать. Довольно.

Сошла Лукерья с трибуны, а женщины ее кольцом обступили:

— Да где ты до сих пор пропадала-то? Почему раньше все молчала?

— Где? Во тьме сидела. Теперь, вот, как-будто бы с фонарем хожу. Дорогу вижу. И вам велю учиться.

Повестка дня исчерпана. Вынесли резолюцию: «Принять все меры, в самый наикратчайший срок выстроить столовую». Пропели «Интернационал» и разбрелись все по своим казармам.

Пошла и Лукерья домой. Муж, растянувшись, лежал на голом полу.

— Вот что значит без жены-то! Постель и ту не может постелить. Ох, горе горемычное, все-то моих рученек не минует. А тоже зубы скалят.

Уложила мужа. Сама села-было за стол перекусить. Хвать, ни куска хлеба нет, надо еще приготовить. К соседям итти занять — поздно, все спят. Посмотрела на серые, покрытые плесенью щи и снова поставила горшок на прежнее место.

В каменной банке чего-то подболтала, прикрыла потеплее полушубком, да и сама прилегла ненадолго. Умученная работой, сразу уснула.

И приснился ей такой сон:

Проработав четыре часа, совершенно здоровая, не чувствуя усталости, вместе с детишками пришла она в столовую и муж с ней. Громадное светлое помещение. Чистенькие барышни бегают мимо столов, подают. Обеды вкусные, плотные, из трех блюд. Весь стол уставлен. Сели и они всем семейством. Все — как в сказке. Не успела нос утереть, глядь — весь стол уставлен. Первое, второе — все. И дети-то совсем другие стали. Дутые, румяные, — кровь с молоком. А у самой глаза, которые хотели утонуть в синих ямах, повылезли, так и просятся на волю. Музыка гремит во-всю. Обед не обед, а танцовальный вечер. Ешь, а ноги так и гнутся под столом, — плясать просятся. И все с харчей.

Рассветало. Нудные трели звонка в руках казарменного сторожа будили рабочих на работу. Муж встал первым. Со сна-то не разберет, в чем дело. Потянулся за полушубком, прикрылся было еще минут на десять, — хвать, тестом весь испачкался.

— Чтоб тебя расхватило этаку-проэтаку, тоже — ораторша! Вчера два часа языком болтала, а теперь я вот посмотрю, скоро ль сделаешь,—ругался муж, скобля ножом с рубахи прилипшее тесто. — Лушка, вставай, чорт полосатый, смотри, что стало! Хлебы-то все убегли, чево будем жрать-то?

Теребит Лукерью, а она во сне улыбается радостно — добились, все сделано, живи — не тужи. Освободились мы, бабы.

— Вставай. Издохла, что ли, али нет? — горячился муж.

Проснулась. Огляделась, и аж все нутро оторвалось.

— Ну, что это за мука, думала — правда, а это сон.

Заплакала даже с досады Лукерья.

Потом долго собирала ножом расползшееся на полу тесто. Со вчерашнего обеда ведь ничего в рот не брала. И опять та же тяжелая бабья доля, те же горшки, как стопудовые гири.

Ник. Семенов.

С ЭТОГО И НАЧАТЬ.

Коммунист ленинского призыва, Матвей Втулкин, решил личным примером содействовать раскрепощению женщин от семейной кабалы.

Жене своей, Гане, Втулкин говорил:

— По заветам Ильича мы должны каждую кухарку научить управлять государством. И чем чаще мы будем втягивать женщину-работницу в общественное дело, тем скорее она освободится от семейного рабства, — так нам доказывал докладчик на собрании.

Ганя охотно соглашалась с мужем и даже решила, не откладывая, начать свою общественную деятельность с экскурсии, организованной на фабрике женотделом.

Мужу, оставшемуся дома хозяйничать, жена наказывала:

— Ты тут особенно не хлопочи, я вернусь, сама все сделаю. Накорми детей и себя: вскипяти молоко, свари обед да поставь самовар, — вот и все.

Проводив жену, Матвей растопил печку, поставил кастрюльку с молоком к огоньку и начал замешивать лапшу.

Он видел, как это делала жена. Насыпал кучу муки на стол, сделал ямку в муке, влил в ямку воды и выпустил два яйца.

Тесто получилось жидковато. Матвей добавил муки и старательно разминал. Однако, тесто попрежнему разъезжалось по столу и густо липло к рукам. В это время заголосил младший сынишка — Ванятка:

— Папа, а-а!

— Ах, чорт возьми! — Матвей кинулся к мальчику, но пока неумело расстегивал пуговицы, стало уже поздно. Пришлось переодевать не только штаны, но и рубашку.

В этот момент, в печи что-то страшно зашипело. Матвей туда, наступил на кочергу, а она его по лбу.

— Будь ты проклята, — схватил заслонку и давай уминать разбушевавшееся молоко.

Молока осталось чуть на донышке, на руке от ожога вздулся пузырь, тесто с края стола кусками шлепало на пол.

— Не буду варить лапшу, — решил Матвей. — Сварю щи.

Подложил дров в печь, позвал семилетнего Борьку с улицы:

— Погляди за Ваняткой, пойду за капустой.

Капусты еле добыл. Был праздник, лавки уже закрылись.

Собрал тесто в лоханку, вымыл стол, начал рубить капусту. Дело пошло как по маслу; только чуть по пальцу тяпнул.

Замотал палец тряпицей, собрал капусту в чугун, положил мясо на порог — кость разрубить. Тяпнул топором — соскочило со стены зеркало — вдребезги.

Налил в капусту воды, поставил чугун к огоньку. Дети есть просят, молоко убежало, надо ставить самовар.

Нащипал лучины, наклал углей, направил трубу...

Кипят щи, и никак чугуна не подцепить ухватом.

Бросил ухват, схватил тряпку, отодвинул чугун от жара. Взглянул на самовар, а он почему-то лиловый. Хватился воды, а ее не только в самоваре, но и в ведре нет.

В это время пришла жена — Ганя.

— Ну, вот и я. Экскурсия-то не состоялась, доклад был. Ну, как у тебя дела, неужели еще обед не готов?

— Щами-то накормлю, а уж за остальное не ругай, — ворчит Матвей.

Вынул тряпкой чугун из печи, поставил на пол.

— Пусть постынут — щи-то, раскипелись очень, а я пока руки вымою.

Взял с полки мыло, зажал в руке, а оно юрк в щи. Скользкое мыло-то.

Схватил ложку, давай вылавливать мыло, не достает ложка до дна чугуна. Разболтал. Покрылись щи сверху мыльной пеной.

— Чего ты там возишься? — шутит Ганя.

Плюнул Матвей в чугун, выпрямился да и говорит:

— Вот что, жена, надо нам при фабрике организовать столовую. С этого и начать раскрепощение женщины от семейной кабалы, иначе ни хрена не выйдет,—и Матвей указал одной рукой на мыльные щи, а другой на распаянный самовар.

А. Андреев.

ОБЩЕСТВЕННАЯ КУХНЯ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ.

В деле питания наиболее важно не количество, а качество: многое немного поможет, если это многое дурного качества. Качество же значительно улучшается при хорошем приготовлении пищи. Приготовление пищи должно быть устроено на тех же научных основаниях, как и всякая другая деятельность человека, — только тогда оно принесет наибольшую пользу. Для этого необходимо знание и организация. Излишне доказывать, что наши женщины, на обязанности которых теперь, главным образом, лежит приготовление пищи, не обладают

в большинстве случаев таким знанием и не могут им обладать. К тому же им недостает надлежащих приспособлений. Между тем, аппараты для варки и жаренья и многие технические приспособления для разнообразнейшего приготовления пищи уже и теперь изготовляются с высоким совершенством, согласно научным указаниям.

Идеалом является кухня, в которой топится, варится и жарится посредством электричества. В этой кухне будущего нет более ни жары, ни дыма, ни испарений. Бесчисленное множество аппаратов и вспомогательных машин исполняют многочисленные работы, до сих пор совершавшиеся человеческими руками. Эта кухня будущего походит более на салон, чем на кухню, которой сторонится всякий, кому там нечего делать. Стряпня в такой образцовой кухне возбуждает величайшее удовольствие и свободна от всех тех неприятностей, которые связаны с современной кухней. Там имеются движимые электричеством машины для чистки картофеля и фруктов, для вылущения зерна, для набивки колбасы, для прессования сала, рубки мяса, жарения его, размолки кофе и кореньев, разрезывания хлеба, рубки яиц, вытягивания и прессования пробок, и тысячи других приборов и машин, при которых может работать относительно небольшое число лиц с умеренным напряжением сил, чтобы приготовить пищу для сотен обедающих. То же самое можно сказать о приборах для мытья и чистки посуды. Частная кухня является для миллионов женщин учреждением, напрягающим все их силы, отнимающим и растрачивающим их время, убивающим их здоровье и настроение и являющимся источником забот для тех женщин, — а их большинство, — которые стеснены в средствах. Упразднение частной кухни будет освобождением для бесчисленного количества женщин. Частная кухня является таким же отсталым пережитком, как станок мелкого ремесленника: оба обозначают огромную бесхозяйственность, растрату времени, силы, топлива и освещения, пищевых веществ и т. д.

Питательная ценность пищи повышается с ее удобоваримостью; последняя имеет решающее значение. Таким образом, естественный способ питания также для всех возможен только в новом обществе.

А. Бебель.

(«Женщина и социализм».)

ПОГУБИЛИ ПОПУСТУ.

На заводе и не было краще
Белокурой работницы Маши:
Стройный стан, лебединая грудь —
Поглядишь — все отдай, все забудь...

А уж как весела, говорлива,
И востра за работой — на диво.
Прибаутки и шутки и смех,
Да обгонит работою всех...
А как время любить ей настало —
Маша девичье счастье узнала:
Паренек был и добр и пригож,
К Маше ласков, в работе хорош.
Столковаться не трудно им было,
Когда сердце само говорило.
Не прошло и недели одной —
А уж девушка стала женой.
Только времени все не имели
Расписаться в гражданском отделе
И союз договором скрепить, —
Ну да с этим чего же спешить.
Только б сердце любовью горело,
А формальность — последнее дело.
Если сердцем союз закреплен —
Будет тверд и без подписей он...

* * *

Но не всем устоять пред напастью, —
Испоганили Машино счастье.
Уж почуяла Маша, что в ней
С каждым днем все ясней и ясней
Зреет новая жизнь, шевелится,
Как зарей пробужденная птица.
И ей любо в себе ощущать
Так чудесно возникшую мать.
И в ней сердце, как веяньем лета,
Теплотой материнства согрето...
Но узнала об этом семья —
Тетки, бабки, родные, друзья,
Всполошились кругом, зашипели:
Запишись хоть в гражданском отделе.
Только прежде, чем брак заключить,
Нужно девичью честь обелить.
Бедной Маше пришлось покориться
И с мечтой материнства проститься.
Поплелась она к бабке, что там
По таким промышляла делам.
Та в минуту сварганила «дело»,
Так что Маша мигнуть не успела.

* * *

Улеглась моя Маша в кровать,
А с кровати-то ей и не встать.

Хворь проникла к ее изголовью.
Точит силы из девушки кровью.
Тело жаром смертельным палит.
Маша мечется, бредит, кричит...
Надо б доктора вызвать — да стали
Вдруг законы мещанской морали —
Тетки - бабки — весь дьявольский хор:
«Неприлично. Ах, стыд. Ах, позор».
Дело к смерти уж стало клониться, —
Отвели они Машу в больницу.
Лишь бы с рук ее сбыть, — да и там
Ничего не сказали врачам.
Те судили над ней и рядили —
«Заражение крови», — решили,
Ну, а тут уж ничем не помочь...
Маша там прожила только ночь...
Суд дознался — и бабка за «дело»
За решетку надолго засела.
Только в ум не пришло никому
За одно уж упрятать в тюрьму
Вредных теток с роднею отжившей,
Зараженных моралью прогнившей,
Чтобы Машиной участью вновь
Никому не грозила любовь.

В. А.

(«Работница Маша». «Коммунарка Украины», № 5.)

ТОЛЬКО КОММУНИЗМ ПОКОНЧИТ С ПРОСТИТУЦИЕЙ.

Проституция, т.-е. продажа женского тела, явная или в скрытом виде, до сих пор не устранена.

Проституция до сих пор неразрывно связана с эксплуатацией капиталом труда наемных пролетариев и с продажей рабочих рук женщин. Причины проституции лежат не в порочных задатках отдельных женщин, но в общих условиях всего рабочего класса и сельской бедноты.

Низкая оплата женского труда, беспризорность детей рабочих, скверные жилищные условия, продолжительный рабочий день, социальное неравенство и существование буржуазной формы семьи — таковы главные источники, порождающие продажу женского тела, питающую позорный торг «белыми рабынями».

Пока окончательно не уничтожена частная собственность на средства производства и на капиталы, пока не устранено в корне социальное неравенство, пока крепка будет буржуаз-

ная форма семьи, — до тех пор бич проституции будет губить работниц и крестьянок, до тех пор жизненности и крепости будущих поколений будет угрожать вырождение и хилость.

Исходя из того, что корни проституции зарыты глубоко в капиталистическом обществе, Первый Всероссийский Съезд работниц и крестьянской бедноты призывает бороться с проституцией не только закрытием домов терпимости, не только наказанием сводников и продавцов живого товара, не только устройством домов для спасения падших девиц, а революционным искоренением всех остатков капиталистического строя, при помощи перехода к коммунистическому хозяйству, введением обеспечения материнства, осуществлением государственного воспитания детей и заменой буржуазной семьи свободным браком.

Поэтому первой задачей работниц и крестьянок в борьбе с проституцией является поддержка коммунистической партии, борющейся с источником проституции — наемным трудом и частной собственностью.

Только победа рабочей революции во всех странах и утверждение коммунизма снимет с женщин позорное клеймо «белой рабыни» и обеспечит все будущие поколения от губительных болезней и от постепенного вырождения.

(Из резолюции Первого Всероссийского съезда работниц.)

РАЗРУШЕНИЕ ПРЕЖНЕЙ СЕМЬИ.

Сохранится ли дальше семья и какою она будет?

Эти вопросы мучают многих работниц и рабочих. Особенно часто стали задумываться над этим вопросом работницы с тех пор, как на наших глазах стала меняться жизнь, исчезать прежние привычки, обычаи — и все существование пролетарской семьи стало складываться по-иному, новому, непривычному. А тут еще в смущение вводит то, что в Союзе Советских Республик облегчен развод.

По декрету Совета Народных Комиссаров от 18 декабря 1917 г. развод перестал быть роскошью, доступной только богатым, теперь уже женщине-работнице не придется месяцами, а то и годами добиваться отдельного вида от мужа, который донимал жену пьянством, побоями, грубостью. Но именно эта легкость развода, которую благословляют те женщины, которые натерпелись в семье, пугает других женщин, — особенно тех, кто привык смотреть на мужа как на кормильца и на единственную опору в жизни; тех, которые не видят, что женщина должна научиться искать опору в другом месте — искать и получать ее не от мужчины, а от себя самой и от государства.

Скрывать правды нечего: прежняя привычная семья, где главой и кормильцем был муж, а жена состояла только при муже,

не имея ни своей воли, ни своих денег, ни своего времени, — эта семья на наших глазах изменяется. Но пугаться этого не приходится. Только наше собственное незнание, невежество заставляет нас думать, будто все то, к чему мы привыкли, никогда не изменяется. «Так было — так это и будет». Ничего нет ошибочнее этой поговорки. Если почитать о том, как люди жили раньше, делается ясно, что все меняется, что нет таких нравов, нет такого устройства государства, нет таких обычаев, какие бы оставались неизменными. И семья в разные времена жизни человечества много раз меняла свои формы, была совсем не такой, какой мы привыкли ее видеть.

Когда-то считали, что единственно правильная семья — это семья родовая, т.-е. такая, где во главе поставлена старуха-мать, а вокруг нее живут и вместе трудятся дети ее, внуки, правнуки. Была семья и патриархальная, где главой семьи считался отец-хозяин, и возле него, под его отцовским оком, подчиняясь его воле и закону, жили дети и внуки.

Формы семьи, обычаи ее меняются и разнятся между собой по разным народам. Есть народы — турки, арабы, персы, где по закону принято, чтобы у одного мужа было много жен. Были, и сейчас еще есть, племена, где, наоборот, допускается чтобы у одной жены было несколько мужей. Мы привыкли, что от девушки до законного брака мужчина требовал целомудрия, а были народы, где женщина хвасталась количеством своих возлюбленных, надевая столько обручей на руки и на ноги, сколько у нее было мужей. Многие из тех обычаев, какие бы нас удивили и какие бы мы назвали безнравственными, у других племен и народов считаются законом, а то, что закон или обычай у нас, то им кажется «грехом».

Поэтому-то и нет оснований приходить в испуг от того, что в семье сейчас идут перемены, что в ней отмирает старое, ненужное — и что на наших глазах отношения между женщиной и мужчиной складываются по-новому. Надо только разобраться толком, что в семье отжило, и какие права и обычаи в отношении между рабочим и работницей, крестьянином и крестьянкой всего более подойдут ко всему укладу жизни нашей новой трудовой Советской России. Что подойдет, то и будет жить, а то, что осталось от старого, прошлого, пережитого, от проклятой кабалы времен помещиков и собственников-капиталистов, то пусть пропадает и исчезает вместе с самими собственниками, врагами пролетариата, врагами бедноты.

Семья, — та семья, к которой привыкли наши женщины, — это тоже кусочек пережитого. Когда-то именно такая семья,— замкнутая, крепкая, признающая, что брак, который благословил сам поп, нерасторжим вовек, — была нужна для всех членов семьи. Кто бы кормил, одевал, воспитывал детей, кто бы учил их уму-разуму без семьи? Сиротство было в былое время самым горьким несчастьем. В семье, к которой мы привыкли,

зарабатывал муж, он кормил жену и детей; жена же хозяйничала, домоводничала и, по мере разумения, воспитывала детей.

Но за последнее столетие во всех странах, где властвует капитал, где быстро разрастаются фабрики, заводы и другие капиталистические предприятия, работающие наемным трудом, привычная семья разрушается. Обычаи в ней, нравы изменяются, — изменяются вместе с общими условиями окружающей жизни. Прежде всего, крупное изменение в нравы семьи внес повсеместный наемный труд женщины. В былое время кормильцем считался только мужчина. Но за последние пятьдесят-шестьдесят лет капитализм принудил женщину искать заработка вне семьи, вне дома. Заработка мужа-кормильца не хватало на семью, пришлось и жене итти на заработки, пришлось и женщине стучаться в дверь фабричной конторы. С каждым годом возрастает число женщин среди рабочего класса, работающих вне дома, на фабриках или поденной работе, за прилавком или в конторе, в домашнем услужении, в прачечном заведении, в трактирном промысле.

На плечи женщины капитализм возложил непосильное бремя: он превратил ее в наемную работницу и не облегчил ей ни хозяйства, ни материнства. И гнутся плечи женщины под тройной непосильной тяжестью, из груди ее вылетает задушенный стон, и на глазах не высыхают слезы. «Бабья доля» всегда была не сладкой, но никогда еще так тяжело, беспросветно не жилось женщине, как живется миллионам работниц под игом капитала, при расцвете фабрично-заводского производства...

Чем быстрее растет наемный труд женщины, тем скорее идет разрушение прежней семьи. Что за семейная жизнь, если муж и жена работают в разные смены? Что за семейная жизнь, если у жены нет времени толком даже обед сготовить, присмотреть за детьми?

Но когда женщина работает сама и зарабатывает себе сама, она уже не зависит от своего мужа и ей не так уж существенно — хочет ли он с ней жить или нет. Поэтому работница не боится развода и живет со своим мужем только по любви. Кончилась любовь — и муж и жена разошлись. Тут для женщины вопрос только о ребенке. Но Советская власть охраняет ребенка, каждая мать по суду может потребовать от отца содержание на ребенка.

Советская власть помогает женщине и иначе. Она создает такие учреждения, в которых воспитываются дети за счет государства (детские дома). Правда, сейчас у нас их мало, но чем дальше, тем будет больше, и когда-нибудь придет такое время, — к которому мы все стремимся, — когда все наши дети будут воспитываться в детских домах, и женщины не будут зависеть от мужчины и в том случае, если у них рождаются дети.

А. Коллонтай.

КАКОЙ БУДЕТ НОВАЯ СЕМЬЯ?

В дальнейшем семья, действительно, будет другая. Но должна ли женщина бояться того, что старая семья распадется? Конечно, нет. Она должна радоваться тому, что Советская власть создаст, наконец, такую новую жизнь, когда семейная кабала для женщины исчезнет.

На место прежней семьи вырастает новая форма общения между мужчиной и женщиной: товарищеский и сердечный союз двух свободных и самостоятельно зарабатывающих, равноправных членов коммунистического общества.

Женщина в коммунистическом государстве зависит уже не от мужа, а от своей трудовой силы. Не муж, а ее собственные рабочие руки прокармливают ее. Нет и страха за участь детей. Трудовое государство берет на себя заботу о них. Все материальное, весь денежный расчет, который так портит и калечит семейную жизнь, исчезает из брака. Брак превращается в тот высший союз двух любящих и доверяющих друг другу душ, который сулит и наиболее полную радость, и наибольшее удовлетворение для каждого сознательного, вдумывающегося в жизнь рабочего и работницы. Свободный, но крепкий своим товарищеским духом, союз мужчины и женщины, вместо кабальной семьи прошлого, — вот что обещает работнице и рабочему коммунистическое общество. Свободный товарищеский союз двух любящих равноправных членов трудового общества. На месте эгоистической (себялюбивой) замкнутой семейной ячейки вырастает большая, всемирная трудовая семья, где все трудящиеся, — мужчины и женщины, — станут, прежде всего, братьями и товарищами.

Вот какую форму должно будет принять в коммунистическом строе общение между мужчиной и женщиной. Но именно эта форма обеспечивает человечеству расцвет тех радостей любви, овеянной чувством истинного равенства и товарищества, каких не знавало торгашеское материалистическое общество времен капитализма.

Пусть же отмирает старая семья, и пусть во имя истинного равенства, свободы и товарищеской любви в новом браке работницы и рабочие, крестьяне и крестьянки возьмутся с одушевлением и верой за перестройку общества на новых, более совершенных, более справедливых, более светлых коммунистических началах.

Красные знамена социальной революции, развертывающиеся вслед за Союзом Советских Социалистических Республик и в других странах мира, говорят нам о том, что не за горами тот рай на земле, о котором веками толковало человечество.

А. Коллонтай.

ОКТЯБРИНЫ.

Дня за два до первого мая Пелагея, Алексеева жена, родила сынишку. Несколько дней кряду в Алексеевой квартире тишина стояла. А тут пошла суета. Больше всего суетилась Алексеева теща. Надо и ребеночка спеленать, надо и пищу матери приготовить, надо и к попу сбегать, что ли, чтоб крестить готовился.

Как услыхал Алексеев, что старуха к попу собирается, осерчал:

— Куда там бежать, неча попа тревожить. Крестины и без его обойдутся. Старая это мода. Суеверия одна. Теперича все по-новому надобно.

У старухи и руки опустились. Подалась вперед и злобно бросила зятю:

— Суеверия? Православный, небось, так не скажет. Антихристы вы, да и только. А вот умрет младенец, как не окрестишь. Истинный бог, умрет!..

— Никак не умрет он от этого. А коль в церкву понесу, да в воду холодную окунать буду, простудится, а там, гляди, и в самом деле умереть может.

Старуха, свирепея, бросала:

— Окаянные сами и младенца нехристем... У-у... чтоб вам пропасть!

Жена Алексеева середину держала. И верить как-будто перестала и как-то боязно ей. И мать огорчать жалко, и с мужем ссориться не охота.

Стала, было, Пелагея сторону матери тянуть.

— Окрестим его по правилу, спокойнее будет.

Алексеев отсек сразу:

— Не буду я по-бабьи рассуждать, все это туман один. Ты говоришь, окунуть в воду, а вода-то эта неделями стоит не менямши. Грязь одна, да и только!

Не терял времени Алексеев. Хлопотать стал в завкоме, чтоб окрестили сына на торжественном заседании завода накануне 1 мая.

Завком в недоумение пришел.

— Как же так «крестить» нам? И в кодексах нет, и дело-то непривычное.

А Алексеев свое:

— Привыкать надо, и в кодекс ввести! Нешто мне ребенка к попу тащить, што ли?

Чесали затылки в завкоме:

— А каким же это манером устроить. Герой труда, скажем, не подходит...

У Алексеева уже и план готов.

— Да вот на торжественном заседании председатель и объявит на манер чествования, значит. Родился, мол, у Алексеева

сынишка и имя ему даем, положим, Виктор, а я в ту пору ребенка и притащу, а дальше председатель и «благословит». . .

Думали, спорили, как это сказать и порешили: «крестить на торжественном собрании рабочих». В повестку дня даже ввели.

Старуха, Алексеева теща, как проведала, что зять в завком насчет крестин ушел, так и к дочери:

— Не губи, дочка, сына своего, коль в церковь не хошь нести, так попа можно и на дом пригласить. Сказывал, что пойдет.

И стала у постели больной дочери каркать:

— Ох, горе мне, что же это ты своему дитю мать, али нет? Вот Аксинья сказывает на Пресне у одной женщины ребенок родился. Муж крестить не пущал, а ребенчик-то проживи месяц и только.

А тут как раз и Аксинья проведать пришла. Аксинья еще добавила:

— Коль не окрестит его теперича поп, откажется потом исповедывать и причащать. Словно нехристя...

Пыталась, было, Пелагея слабым голосом, как бы себя и Алексеева защитить. А у самой что-то тревожное заползло в душу. Жалко Пелагее дитя своего: «А то и в самом деле правду говорят?

Только Алексеев пришел, она в слезы:

— Окрестим младенца, окрестим. Боюсь, как бы не помер. Вот на Пресне...

Алексеев человек твердый.

— Ты чего, дура, разнюнилась? Чего даром слезу портить? Говорю, крестить с попом не буду и только. У нас уж все уговорено!

Дальше случилось так: торжественное собрание решили заменить «воскресником» и «крестины», значит, отменили. Теща думала: «Вот как раз в пору снова все перетолковать». Алексеев ни-ни, и слышать не хочет.

— «Окрестим» мы его по всем правилам коммунистическим. А старинку забывать надо!

Погрозила старуха уйти из дому зятя. Дочке сказывала: «лучше по миру пойду, чем с антихристами жить буду».

И ушла к Аксинье.

А Алексеев жену успокаивал:

— Ничо, придет, только темноту свою поубавит!

* * *

Готовились жильцы со всего двора к завтрашнему дню 1 мая. Флаги красные приготовили. Дворик пообмели, песочком окрасили. Алексеев и тут помогал, и в дом ежеминутно бегал — жене помочь. К вечеру поставил в уголку под Ленинским портретом кровать. Выпросил в завкоме красные флаги, вокруг кровати расставил. На завод сбегал и оттуда елочки притащил. Развесил на флагах. Убрал угол, как на большой праздник.

К вечеру соседей пригласил, а сам пообмылся, принарядился. Соседи входили, здоровались, но неловко как-то им было. В первый раз на таких крестинах без попа, под красными флагами. Лучше ушли бы, но обидеть хозяина неохота.

Кой-кто замолвился о попе.

— Ну, что ж, где поп-то твой? Небось не согласится он под флагами да без икон крестить, а?

— Попу отставка! — ответил, смеясь, Алексеев.

— А только, знаешь, негоже это без попа как-то! Тут уж твердо жили отцы наши, так и мы...

Говоривший, спохватившись, умолк. А Иванов, Лексей Максимыч, что котельщиком на заводе работает, прогнусавил:

— Ну, что ж, вали крестины по новой вере. Авось, она крепче!

На радостях Алексеев выбрал котельщика в крестные отцы.

— А заместо песнопения, — предложил Алексеев, — «Интернационал» что ли спеть?

Все встали и сначала тихо, а потом все сильней и сильней поддержали Алексеева. Затем соседи закусили, поболтали и разошлись. А котельщик Иванов, уходя, наставительно сказал:

— Коль подрастет твой Виктор, обязательно в пионера запиши, а там уж сам в комсомольцы пойдет.

С той поры, вот уж четвертый месяц ребенку пошел, а он хоть куда. Писку в доме наводит!

— Разговаривает, речь сказать желает.

А Алексеева теща сама домой возвратилась скоро, — ничего не поделаешь против новой веры. Теперь с ребенком возится:

— Ну, и антихристик, видно в отца удался! У-у!

А ребенок крохотными ножками и ручками шевелит, голову поднять силится.

— Сразу видать, — «комсомолец» растет!

Семен Гай.

ДВЕ СОПЕРНИЦЫ.

I.

У секретаря комсомольской ячейки Петровой в груди точно динамомашина крутится бешено, заставляя Петрову вихрем носиться по всем лестницам с развевающимся красным платком, с выбивающимися из-под него остриженными волосами.

Если поедет на лошади учрежденской, то кучеру прямо мука: во что бы то ни стало хочет на козлах ехать.

— Да как же это, барышня, неудобно ведь так.

— Во-первых, я не барышня, а комсомолка, во-вторых, я не хуже тебя править умею, в-третьих, слезай да садись на мое место.

— Милиционер, пожалуй, задержит, — мнется кучер.

— Ну, ладно, вот только проедем угол, тогда и слезешь...

Вот она какая, секретарша комсомольская. А уж что насчет «ухаживаний» всяких, то лучше не подходи — мигом отшибет.

— Нет, ребятки, — отвечала она на все такие попытки, — для меня вы все равны, что Ленка, что Ванька, что Надя.

Оно, пожалуй, так бы и было, да подвернулся прикрепленный т. Иванов, который уж очень понравился Петровой своей ученостью коммунистической, здоровым плюсом к которой было то, что имел он два десятка с половиной лет. Думала она, что уважает его, как товарища по работе да по знаниям старшего, а вышло что-то совсем другое; да и он тоже стал в комнатку Петровой часто заглядывать.

— А знаешь, — сказал он ей как-то, — не хочется мне даже домой от тебя итти.

— Да что у тебя дома-то?

Мнется Иванов, а потом тихо, точно в больнице:

— У меня, понимаешь ли, жена там...

Точно кто взял да положил Тане кусок льда холодного, только и могла короткое бросить: «а я не знала».

— У нас с ней теперь оборвалось как-будто что-то, — продолжает Иванов,—чувствую я, не вернуться к старым отношениям.

Молчит Петрова.

— Ну, вот я и решил тебя спросить сегодня: есть ли у тебя ко мне... любовь, что ли, чорт ее знает, как назвать.

Собрала Петрова мысли в один узел и в ответ спокойно:

— Скажем, есть у меня к тебе что-то в роде любви. Да ведь и она тебя любит и коммунистка небось?

— Да, и коммунистка, и любит.

— Видишь, дела какие, тут придется осторожно действовать, потому что не пристало нам, коммунистам, соперничать, точно двум самкам...

Подумала, лоб в морщинки мелкие собрав...

— Поговори с комъячейкой, с бюро, что они на это скажут.

II.

— Да ведь дело-то это не партийное, — изумился ответственный секретарь.

— Но она говорит, что раз мы коммунисты, так у нас все партийное, и я с ней вполне согласен.

— Гм... Рассказывай подробности...

Так как дело происходило в общежитии, через несколько минут собрали и остальных членов бюро. Изложил им Иванов свою сердечную историю, и решение было вынесено (в протокол, конечно, не внесли его).

— Необходимо, во избежание превратных толкований, личным отношениям коммунистов придать ясность, что сделать и в этом случае: пусть Петрова и Иванов с женой сговорятся открыто...

... Когда Петровой сказали, что пришел Иванов и жена с ним, то она забралась сначала в кровать и велела сказать, что спит, да только не выгорело дело: уговорили ее.

— Ты уйди, — мы одни поговорим, — выпроводила Иванова жена. — Ну, слушай, тов. Петрова, правда ли, что нравится он тебе?

— Пожалуй, да...

— Так... И тебя он любит — сам говорил мне... Хотя с ним почти пять лет жили, но «все течет, все изменяется»... придется кончить.

Говорит жена Иванова как-будто спокойно, а все же точно льдинки звонкие в голосе звенят, срывают его...

— Разумом — отдаю я тебе его и радуюсь, что ты — коммунистка, но сердцем — люблю попрежнему и, пожалуй, сильнее, чем раньше...

Так встретились трое коммунистов на той почве, которая раньше калечила людей... Разрешили все по-простому, по-человеческому и по-коммунистическому.

С. Динамов.

СЕМЬЯ ИЗ БУДУЩЕГО.

Десятилетиями партия видела две женские фигуры около Ленина. Жену. Сестру.

Издалека, через путаницу границ, мимо глаз жандармов, в подпольные берлоги революционеров тонко, неслышно, крадучись проникали объемистые (большие) письма Центрального Комитета. Приказы, напоминания, предостережения, одобрения, ободрения.

Писал Ленин, шифровала, отправляла, пересылала Надежда Константиновна.

В волнах людей, стеклянным переплетом заводских сводов, на площадях, в вокзалах, с автомобиля неслась бурливая, волнующая скороговорка Ленина, а рядом с ним, скромно затерявшись в толпе, но не далее пяти шагов всегда дежурила, стерегла, берегла бедная шубка Марии Ильиничны.

Женевский отшельник стал вождем сотен миллионов трудящихся, правителем шестой части света. Его слова уже не шифруются химическими чернилами, не таятся зашитыми в одежду, их диктуют по радио всему миру, расклеивают, как приказы, скрепленные мощью четырехмиллионной армии. Но жена, сестра не отдалились ни на шаг. Только масштабы выросли, как в телескопе.

Надежда Константиновна учит Россию, безграмотную страну рабочих и крестьян, читать.

Мария Ильинична учит рабочий класс писать. Она вкладывает в перепачканную руку пролетария перо:

— Пиши о себе.

У нас так много толковали, чесали языки о коммунистическом быте, о семье рабочего и партийца, вычисляли, через сколько сотен лет придет проектируемый быт. Но вот, смотрите, коммунистический быт уже среди нас. Семья Ленина. Это так же изумительно, как Ленин. Это так же просто, как Ленин.

До конца, до последнего вздоха Ленина, до его прихода в мавзолей Надежда Константиновна была, ни на миг не переставала быть —

коммунисткой и женой коммуниста.

До последнего пути к кремлевской стене Мария Ильинична была, не переставала быть —

коммунисткой и сестрой коммуниста.

Если болезнь притихла на полдня, на день, на два, уже Крупская — к письменному столу в Главполитпросвет и к бою с чудовищем российского невежества, уже Ульянова — на санях в мороз, трясясь в вагончиках Павелецкой дороги, скорей, запыхавшись, шапка съехала на бок — в «Правду», в комнату рабкоров.

В эту звенящую в ушах неделю, когда смерть Ленина леденила нашу кровь, в Горках у постели, в последнем рейсе Ильича, в Доме Союзов, на Красной площади — поднимал глаза на прямую фигуру, на прямой взгляд жены, сестры и обрывал себя:

— Молчи. Терпи.

На Съезде Советов в переполненном колодце Большого театра, когда стало тихо до суши в горле и вышла Надежда Константиновна, она сказала самое в эту минуту неожиданное, но самое простое и самое нужное:

Слова величайшей, самой благородной скромности не только в отношении смерти Ленина, его самого и его партии, но и самого рабочего класса. Слова о том, что роль рабочего класса в истории — не добыть себе сладкое житье, а быть борцом за освобождение всех угнетенных всего мира.

Сегодня, над еще свежей могилой Ленина, жена — и губы ее не дрожат — призывает не прославлять бессмертное имя трогательными, но шаблонными способами обычного чествования. Она указывает на простые, будничные, — но великие, но реальные (существующие на деле) — дела, на то, что было так просто и так изумительно для коммуниста Ленина, ее мужа.

Владимир Ильич пришел к нам из будущего. Через наши головы он видел эту далекую страну. Край победившего и осуществленного социализма. Его семья — жена, сестра — тоже семья из будущего коммунистического мира.

Коммунистки и жены коммунистов. Не кивайте же туда, в пустоту грядущего, не откладывайте на потомков. Ведь семья Ленина была с ним при жизни и смерти его — в наши дни, при вас.

Коммунисты, друзья, почитатели, последователи Ленина. Если вы когда-нибудь захотите занять свои уста пошлостью, голой благоговейной фразой, безответственным добродетельным ханжеством [2] — помните, помните, — на вас смотрят строгие глаза жены, сестры. Смотрят и твердят о делах.

Михаил Кольцов.

ДРУЗЬЯ.

Он здоров, силен, мускулист,
У нее — глубокий взгляд...
Друг на друга натолкнулись
Года два тому назад.
Повстречались на собраньи...
Слово за слово — любовь...
Без церковного кривлянья
Кровь нашла родную кровь.
Он — кузнец, она — ткачиха...
Не спросили — чей и чья...
Пронеслись два года тихо
Пролетарского житья.
Льется мирная беседа
Говорливым ручейком,
Неизменная газета —
Друг, товарищ — за чайком.
— Любишь, Зина? не томишься?
— И... чудной ты — погляжу.
Да неужто так боишься?..
Надоест — сама скажу!
Незатейливо простые
Речи тают в тишине,
Вечно гости дорогие —
Маркс и Ленин на стене.

Котелок.

КАК СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ОХРАНЯЕТ ЗДОРОВЬЕ МАТЕРЕЙ И ДЕТЕЙ.

При царской власти Россия занимала первое место среди всех государств по числу умиравших детей.

Каждый год умирало 2 миллиона детей в возрасте до одного года. Особенно много погибало в деревне, но царская власть не обращала внимания на это страшное бедствие.

С приходом Советской власти все изменилось. Власть рабочих и крестьян не могла равнодушно относиться к гибели такого

количества детей. Всюду, где утверждалась Советская власть, организовывались отделы охраны материнства и детства.

Первой задачей их является борьба с детской смертностью и создание здорового, сильного духом и телом поколения. Советская власть дала равноправие женщине; но для того, чтобы женщина могла действительно работать наравне с мужчиной, чтобы она могла участвовать в строительстве новой трудовой жизни, надо было облегчить ей материнство, освободить ее от вечных забот о детях — это другая важная задача отделов охраны материнства и детства; третья задача — широкое просвещение родителей в деле воспитания детей и проч.

Деятельность отделов охраны материнства и детства заключается в издании декретов (законов), касающихся охраны здоровья женщин. Отделами были разработаны декреты об охране здоровья беременных, кормящих, об отпуске за восемь недель до родов и восемь недель после родов, о получасовых перерывах для кормящих грудью, об отпуске после аборта и друг.

Учреждения охраны материнства и детства двух видов: открытого типа, к которым относятся консультации с молочной кухней, просветительным патронажем, выставкой по уходу за ребенком, и ясли — фабричные, районные и сельские.

Закрытые учреждения: Дома матери и ребенка и приюты для детей грудного возраста и для детей от 1 — 3 лет. Наиболее желательными считаются учреждения открытые.

Что такое ясли.

Для правильного развития ребенка необходимы известные условия: грудное молоко, разумный уход, обилие света и воздуха.

Между тем, большинство детей в своей домашней обстановке лишены этих необходимых условий. Обычно ребенка окружает бедность, грязь, спертый воздух и отсутствие солнца.

Мать-работница, принужденная 8 — 9 часов проводить вне дома, оставляет своего ребенка или под присмотром более взрослого ребенка или на попечении соседей. Ребенок остается без надлежащего ухода, присмотра и питания.

Ясли — это учреждения, которые на время пребывания матери на работе берут ребенка на дневные часы и предоставляют ему все, чего лишает его домашняя обстановка, т.-е. гигиенические условия, хороший уход, правильность питания.

Ясли могут быть организованы при фабриках и заводах: фабричные — для матерей, занятых на предприятии; могут быть открыты ясли районные, для матерей работниц и служащих мелких учреждений и предприятий; далее, можно открыть ясли в деревнях — для крестьянок, главным образом, на время полевых работ.

Во время кормления — матери грудных детей, получая перерыв в работе на полчаса — идут в ясли и там кормят своего

ребенка. Первое время кормление грудью производится каждые три часа, позже — один раз в середине дня.

Весь распорядок в яслях ведется строго по часам: кормление, гуляние, отдых, игры — на все имеется определенное время.

Благодаря разумному уходу, правильному питанию и гигиеническим условиям — ребенок правильно развивается и физически крепнет.

И мать, зная, что ребенок ее находится в надежных руках, может, не отвлекаясь мыслью о нем, о его судьбе в данную минуту, спокойно работать.

Ясли, создавая ребенку гигиенические условия развития, служат матери большой поддержкой в ее трудовой жизни.

Что такое консультации и что они дают женщинам.

На первый взгляд кажется, что смерть больше всего угрожает старикам; исследование показало, что грудных детей умирает несравненно больше, чем людей любого другого возраста — даже больше, чем стариков, перешагнувших за 70 лет.

Из всех стран больше всего умирало грудных детей в России. В 1911 г. из каждых 100 родившихся детей на первом году жизни умирало 26 младенцев.

Главная причина, вследствие которой родившийся здоровым ребенок подвергается заболеванию, начинает хиреть и безвременно уходит в могилу — это неправильный уход за ним и неправильное вскармливание его.

Дело правильного ухода за грудным ребенком, правила кормления и воспитания его, которое должно начинаться с первого дня рождения ребенка, является делом очень важным и чрезвычайно ответственным. Необходимы знания, опыт и подготовка, необходимо сознательно относиться к тому, что полезно и что вредно ребенку.

В дореволюционной России женщине негде и некогда было приобрести эти сведения. В большинстве случаев молодая мать руководствовалась советами разных бабок, полных предрассудков старух; конечным результатом таких советов была гибель ребенка.

Чтобы избегнуть этого, чтобы дать возможность каждой матери получить возможно больше сведений о причинах детской смертности, о способах борьбы с этим ужасным злом, чтобы обучить матерей, как надо вскармливать детей и как ухаживать за ними, были организованы школы для матерей — консультации.

Консультация — это учреждение, куда мать один раз в неделю или один раз в две недели приносит своего ребенка.

Главная цель консультации не лечение больных детей, а предупреждение заболевания. Поэтому в консультации приносят не больных, а здоровых детей. В консультации детей взвешивают, врач расспрашивает мать о разных сторонах ее ухода за ребенком

и, в особенности, его вскармливания. В случае замеченных ошибок врач указывает на неправильности, разъясняет, как и что нужно делать, таким образом, помогает матери в трудном деле воспитания ребенка, делясь с ней своим опытом и знаниями. Когда является необходимость прикармливать ребенка, врач, руководствуясь весом, возрастом ребенка, общим состоянием его здоровья — назначает соответствующий прикорм. Мать получает подробное разъяснение, как надо обращаться с молоком, как и чем его разводить, в какие часы давать ребенку есть и т. д.

И в случае заболевания ребенка консультация приходит на помощь матери советом, отпуском правильно приготовленной необходимой пищи-смеси, которая готовится в молочной кухне-аптеке для детей грудного возраста.

Консультация оказывает помощь матери и на дому. При консультации имеется штат сестер патронажа, которые посещают питомцев на дому. Сестра дает на месте указания, как улучшить санитарные условия жизни, как выполнять постановления врача.

Таким образом, консультация является другом, помощником женщины-матери, является могучим орудием в борьбе со смертностью маленьких детей. И совершенно справедливо выражение: полно в консультациях, пусто на детских кладбищах.

Дома матери и ребенка.

Беременная женщина должна к родам готовиться, так как образ жизни и питания будущей матери влияет как на ее здоровье, так и на здоровье ребенка, которого она носит в себе.

Рабоче-крестьянская власть всеми силами стремится охранить беременную мать-работницу. Ни в одном капиталистическом государстве не предоставляется беременной женщине отпуск за восемь недель до родов и на такой же срок — после родов.

Советская власть пришла на помощь женщине-работнице и освободила ее от работы на предприятиях в самое тяжелое время ее жизни.

Но, кроме работы на предприятиях, женщина несет еще более тяжелую работу по ведению домашнего хозяйства и уходу за детьми. Необходимо в последние месяцы беременности и первые месяцы после родов поставить работницу в такие условия, чтобы она могла бы без вреда для своего здоровья произвести крепкого и здорового строителя нашей республики.

Для этого организуются Дома Матери и Ребенка.

В Дом Матери и Ребенка работница должна поступить за два месяца до родов и последний период беременности проводить в чистой и здоровой обстановке, освобожденная от тяжелого труда. Этот двухмесячный отдых даст возможность матери-работнице собраться с силами к родам. Беременная женщина

в Доме Матери и Ребенка все время будет находиться под наблюдением врача, что даст возможность принять необходимые меры в случае обнаружения каких-либо неправильностей в течение беременности или будущих родов.

После родов молодая мать в Доме Матери и Ребенка втягивается в правильный, разумный уход за ребенком и приобретает знания и хорошие навыки в деле ухода и кормления своего младенца. Детская, где дежурит мать, совместно с подготовленными сестрами, явится для нее школой по изучению грудного ребенка и ухода за ним. Мало того, она будет служить также школой жизни, где мать привыкнет к заботам за всеми детьми детской, где она будет чувствовать себя не только матерью своего ребенка, но и всех чужих детей.

Итак, разумный уход за ребенком, грудное кормление, освобождение матерей от ночных дежурств и тяжелой работы, отдых перед родами беременных, — вот чем укрепляются силы матери и ребенка.

Детские дома.

Устраивает Советская власть и дома для детей старшего возраста, где они воспитываются и живут до 15 лет.

В настоящий момент такие дома устраиваются только для детей сирот, но в дальнейшем государство будет стремиться всех детей взять в такие дома и дать возможность трудящимся ласкать и любить своих детей, а заботы по их воспитанию перенести на все общество.

ПРЯТАЛИ КОНЦЫ — ПОПАЛИ В ОТЦЫ.

Женщина.
Соблазнитель.
Судья.
Свидетели.

Картина 1-я.

Женщина. Петя, Петя!

Соблазнитель. Отстань. Что тебе надо? Убирайся к чорту!

Женщина. Петя, ты жесток, как зверь. Как тебе не стыдно, Петя! Ты давал честное слово, что женишься на мне, а теперь, когда добился своего, отказываешься. Как тебе не стыдно?

Соблазнитель. Да что ты мне в глаза стыдом тычешь. Ну, обещал, ну, давал честное слово, так что ж из этого? Раньше ты мне нравилась, а теперь нет. Что ж я насильно тебя любить должен, что ли?

Женщина. Как тебе не стыдно, зачем ты меня обманул?

Соблазнитель. Да кто тебя обманывал! Русским языком говорю: нравилась — был с тобою, перестала нравиться — до свидания. За штаны что ли думаешь меня удержать? Попробуй.

Женщина. Зачем ты так говоришь, Петя? Ты не должен меня оставлять, ты не имеешь права.

Соблазнитель. Фью-фью. Это где же такие права написаны, чтобы жить с человеком, который разонравился? Нет, милая. Любовь свободна. Сошлись, разошлись, — вот и все. А силой держать — прав нет.

Женщина. Но... я... беременна...

Соблазнитель. Что-о-о-о?

Женщина. Да. Ты не должен теперь меня бросать.

Соблазнитель. Это неправда. Это нарочно сочиняешь, чтоб меня удержать.

Женщина. Нет, правда, Петя.

Соблазнитель. Хорошо. Допустим, что правда. Но позвольте вас спросить, от кого вы беременны? Где у вас доказательства, что я имею к этому отношение?

Женщина. Что ты говоришь? Ах, какой ты негодяй! Какой ты подлец!

Соблазнитель. Можете ругаться, но где у вас доказательства?

Женщина. Какой ты мерзавец! Я на тебя в суд подам...

Соблазнитель. Пожалуйста, хоть в тридцать судов. Посмотрим, что из этого выйдет.

Женщина. Тьфу, бесстыжие твои глаза. Подлец ты. *(Уходит.)*

Соблазнитель. Вот чортова история. А ведь она и в самом деле может в суд подать. Надо принять меры. *(Стучит в стенку.)* Эй, братва, вали-ка сюда. Дело есть. Мишка! Петька! Василь! Живо сюда. *(Входят приятели.)*

Приятели. В чем дело?

— Что за шум, а драки нет?

— Зачем звал?

Соблазнитель. Серьезное дело, друзья. Требуется ваша помощь.

Приятели. Если насчет денег — дудки.

— Грабить собираешься кого, что ли?

— Положение грозное — дело серьезное.

Соблазнитель. Бросьте шуточки. Дело вот какое. Вы, конечно, знаете, что я путался с Наташкой.

Приятели. Еще бы не знать!

— Путались, перепутались и не распутались.

— Что, она тебе отставку дала?

Соблазнитель. Хуже. Эта зловредная баба на меня в суд грозит подать. Забрюхатела она.

Приятели. Ого-го!

— Это у тебя денег не хватит за всех детей платить.

— Свяжись с бабой — горя не оберешься.

Соблазнитель. Так вот, ребята. Если она подаст на меня в суд, я вас выставлю свидетелями. Вы должны показать, что она со всеми путалась, а не только со мной одним. Понятно?

Приятели. Ясно как апельсин.

— Не робей, выручим!

— Небось, когда малину собирал, нас не звал, а теперь помощи просишь!

— Любишь кататься, да не любишь саночки возить.

Соблазнитель. Так, значит, ребята, за магарычом дело не станет. Значит, так и показывайте: гулящая, мол, девка, со всеми путалась.

Приятели. Эх ты, петух!

— Докрутился!

— Ну, не вешай голову, — сделаем.

Соблазнитель. Смотрите же. Гулящая девка, так и показывайте на суде.

Картина 2-я.

Судья. Итак, вы утверждаете, что гражданин Петушков является отцом ребенка?

Женщина. Да, гражданин судья. С ним я жила, а потом он меня бросил.

Соблазнитель. Врет она. Она со всеми путалась. Вот спросите у свидетелей. А насчет того, что я отец — так это опять брехня, потому что я вовсе не способен к деторождению; можете хоть экспертизу произвести.

Судья. Значит, вы отрицаете, что ребенок от вас?

Соблазнитель. Да накажет меня бог! Да чтоб я провалился на этом месте!

Судья. Хорошо, хорошо. Свидетель Носов! Ваше имя, отчество и место рождения?

Носов. Иван Петрович, в городе Ярославле.

Судья. Что вы можете сказать по настоящему делу?

Носов. Да что сказать: путалась она и со мной. Гулящая девка.

Женщина. Врет он!

Судья. Хорошо. Свидетель Стамескин! Скажите, вы знаете потерпевшую?

Стамескин. Еще бы, ее да не знать, — она у нас в роде местной знаменитости, можно сказать, все за ней приударяют и без отказу.

Судья. У вас лично какие были отношения с нею?

Стамескин. Да какие? Известно какие. Все — как полагается.

Судья. Свидетель Артюхин! В каких отношениях вы находились с потерпевшей?

Артюхин. В Загс не ходил, а так честь честью.

Судья. Свидетель Иванов! Что вы скажете?

Иванов. Путалась она и со мной, это как перед богом.

Судья. Хорошо. Свидетель Лупатов!

Лупатов. Могу сказать, товарищ судья, что и другие сказали. Было дело под Полтавой, возился с нею, это как пить дать.

Судья. Объявляю перерыв на три минуты.

Возгласы: Ну, Петя, дело твое выгорело!

— Суд ей покажет, как жаловаться!

— Зловредная баба, — со всеми путалась, а на одного насела.

— Да уж вы, мужчины, все такие: пользуетесь, а потом ищи ветра в поле.

— Петь, а Петь! Отсюда прямо в пивную двинем. Спрыснем.

— В какую пойдем. В Баварию, что ли?

— Нет, пойдем в «Зеленый Уголок».

— Вот так они нашего брата окручивают: или в Загс или в суд.

— Да, ее дело не выгорит.

— Промахнулась, милка.

— А это еще посмотрим. Не все вам, кобелям, женщин портить.

Судья *звонит в колокольчик*. Прошу тише. Оглашается приговор:

«Именем Социалистической Советской Республики (такого-то числа) 1924 г. Народный Суд в составе (таком-то) в открытом судебном заседании заслушал дело по обвинению гражданина Петушкова — рабочего фабрики Госзнак — в том, что он, являясь отцом ребенка, отказывается содержать его. Суд установил: что гражданин Петушков категорически отказывается признать себя отцом ребенка, что свидетели со стороны гражданина Петушкова, граждане: Носов, Стамескин, Артюхин, Иванов и Лупатов подтверждают, что гражданка Синяева сожительствовала с ними, а посему, руководясь революционной совестью и социалистическим правосознанием, суд, на основании ст. 144 Кодекса законов об актах сост. брачн. и семейн., постановил, что указанные граждане уплачивают одну треть получаемого ими всеми заработка на содержание ребенка ежемесячно». Объявляю судебное заседание закрытым.

Возгласы: Да что же это такое?

— Позвольте, товарищ судья...

— Да я-то тут при чем?
— Плакали мои денежки. *(Набрасываются на соблазнителя.)*
— Ах, ты, сволочь паршивая.
— Втравил нас в историю...
— Через тебя, чорта, мы в ответе.
— Ты пользовался, а мы платить должны!
— Это неправильно!
— Вот так история!

Ж е н щ и н а. Так вам и надо. Хоронили концы, а попали в отцы.

Архип.

(Из журнала «Рабочий клуб».)

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В БУДУЩЕМ.

В социалистическом обществе плоды брака — дети, бросаемые теперь в дома призрения, в воспитательные дома или вырастающие в жалких хижинах бедняков, не должны будут пойти ко дну, как это теперь часто случается; с другой стороны, они не будут избалованы в детских; с ними будут обращаться как с ценными растениями, развитие которых требует тщательного ухода; социалистическое общество будет заботиться об успехах и разумном развитии детей, не мешая, вместе с тем, родительской любви: обязательное всеобщее обучение будет расширено до обязательного всеобщего воспитания.

На ряду с исчезновением в социалистическом обществе современных недостатков и преступлений в браке исчезнет также и детоубийство, совершаемое теперь самыми жалкими и несчастными существами — женщинами, которые оказались обманутыми своими соблазнителями или побоялись общественного презрения или не имели средств для поддержания жизни бедного существа, ими рожденного.

Исчезнет аборт, это гнусное противоестественное средство скрыть свой «грех», нашедшее себе сильное распространение среди так называемых образованных женщин, с целью устранить рождение детей, которых невозможно будет воспитывать «соответственно их положению».

Исчезнет, наконец, проституция, развивающаяся изо дня в день по мере того, как добывание средств к существованию семьи становится все труднее, по мере того как ценность рабочей силы женщины падает, и по мере того как молодые мужчины все более и более, по разным причинам отказываются от семейной жизни, но тем сильнее ищут удовлетворения своих половых потребностей вне брака.

Это и есть главные недостатки, охватывающие все шире буржуазное общество, приносящие невыразимое бедствие многим семьям и заражающие все общество.

А. Бебель.

(Из книги «Женщина и социализм».)

ЗНАНИЕ — МОГУЧЕЕ ОРУЖИЕ.

В царское время Россия была страной неграмотных. Это тяжелое наследство досталось и нам. До сих пор еще в Союзе Советских Республик есть много, очень много неграмотных.

Грамотность это — первый шаг к знанию. Знания улучшают нашу жизнь. Неграмотность же приносит много несчастий, бедность, болезни.

В городах у нас из каждых ста человек только пятьдесят девять грамотных. Остальные сорок один живут в темноте.

В селах дело обстоит гораздо хуже. Там из ста человек только двадцать восемь грамотных.

Знание — могучее оружие в руках освобожденной женщины. А у нас еще из ста работниц только пятьдесят четыре грамотных. Из ста крестьянок — восемьдесят неграмотных. Неграмотных женщин больше чем мужчин. Нужно, значит, особенно сильно приналечь, чтобы обучить женщин грамоте.

Это старое наследие нам нужно уничтожить. К десятилетию Октябрьской революции у нас все население Союза Советских Республик должно быть грамотно. Всем нам еще нужно много учиться.

Взять хотя бы рабочего. Зачем нужна ему грамота? Наша промышленность еще слаба. Этому способствует отсутствие хорошо обученных рабочих. А квалифицированным рабочим может стать только грамотный. Сейчас нам особенно нужны хорошие квалифицированные рабочие: ведь нам нужно теперь уже укреплять и развивать нашу промышленность.

Улучшая промышленность, давая больше, лучшего качества и дешевые товары, мы улучшим и наше сельское хозяйство; улучшится сельское хозяйство, поднимется и промышленность. Одно с другим тесно связано.

А что у нас в сельском хозяйстве? И земля хорошая и работает русский крестьянин не покладая рук, а урожая с десятины собирает пятьдесят два пуда. В Бельгии же, где народ целиком грамотный, — там десятина приносит сто сорок семь пудов. Там и народ живет богаче.

Неграмотность и невежество ведут также к распространению болезней. Поэтому и смертность у нас больше, чем в других странах.

Стыдно быть теперь неграмотным.

С. А.

ЗА БУКВАРИ.

Зверь — не зверь, всего книжонка
Всполошила всех Ерем:
— Вот беда, взбесилась женка:
Занялася букварем.
— У моей, брат, те же штуки.
Просто плюнуть да бежать.
— Много ль надоть им науки.
Чтоб уметь детей рожать...

— Бабу след от книг отвадить:
Знай свое веретено.
— С бабой грамотной не сладить.
— То-то, братцы, и оно.
— Как же быть-то...
Споры жарки,
Но сошлися все на том:
— Буквари все — на цыгарки.
Ну, а баб... учить кнутом.

Если б в селах были сходы
Из одних таких Ерем,
Не видали б мы свободы,
Были б с барами, с царем.
На Ерем на всех издевки
Надо плюнуть: дикари.
Смело, бабы, тетки, девки,
Все — садись за буквари.

Демьян Бедный.

ОБЩИМИ СИЛАМИ.

Холодно в школе: дыхнешь, — пар струей. Окна снежным ковром на вершок запорошило. Дует.

Настастья Петровна в нагольном полушубке, в валенках, шалью закуталась. Ходит по классу ряженой медведицей, губами посинелыми книжку читает. Руки у ребятишек как лапки гусиные.

— Холодно, Настасья Петровна.

— Вижу, что холодно. Да что ж я поделаю, ребятки? Председателю надоела, заведующему наробразом надоела, всем надоела. Хоть сама поезжай в лес дрова рубить. Схожу еще раз.

Вечером пошла в совет.

— Товарищ председатель, я закрою школу. Нельзя заниматься, все ребятишки переболеют.

Председатель швырнул лежащую перед ним бумажку.

— Что ж, я вам дрова рубить поеду? Мало у меня без вас работы.

— Дайте наряд на подводы.

— Сто разов давал. Вишь, у всех ноне лошади-то — скелеты. Поговорю с мужиками.

Вышла из исполкома.

— Куда теперь? Все равно ничего не выйдет. Сколько раз обещал. Ему что, — только б отделаться.

Вспомнила Настасья Петровна про Наталью. Пошла в женотдел. Авось, что бабы придумают, коли с мужиками ничего не выходит.

— Выручай, Наталья.

— В чем дело, Петровна?

— Хочу школу закрывать. Терпенья никакого нет. В нетопленой школе занимаемся. Все пороги обила, никакого толку не добилась: председатель — к заведующему, заведующий — к председателю. Так и хожу взад-вперед. А в школе попрежнему только волков морозить.

Подумала Наталья.

— Трудно с мужиками ладить, знаю, Петровна. Толку от них, как от козла молока. Ну, да погоди. Училище закрывать зачем. Нельзя без учения. Приходи, Петровна, вечером, — собранье созову. Своим бабьим умом будем придумывать.

Вечером в женотделе будто ярмарка: бабы, бабы.

— Товарищи женщины. На повестке дня вопрос о школе. Докладывает товарищ Зимина. Петровна, докладывай.

Настасья Петровна стала рассказывать о занятиях в холодной школе, о том, как она вот уже целый месяц ходит от председателя к заведующему и от заведующего к председателю, и как ее кормят завтраками:

— «Завтра наряд дам». «Завтра мужики поедут в лес».

Бабы зашумели.

— Да чего нам рассказывать. Ребятишки у всех плачут: в училище нельзя ходить. Знаем, все знаем.

— Так как же, товарищи, надо училище топить, ай закрыть?

— Конешно, топить: зачем закрывать. Сами-то бельмесбельмесом, да еще ребят не учить. Зимой нельзя, — училище не топлено, летом нельзя, — работать надо: когда ж учиться.

Наталья — чисто оратор городской. Ведет свою линию тонко.

— Какие предложения по докладу?

Агафья Скворцова с предложением:

— По-моему, так: каждый парнишка и каждая девчонка, што в школу ходят, обязательно по полену. Нет полена, — не ходи в школу.

Катерина Кожевникова по другому думает:

— А у которых у самих ни щепки нет? Не у всех припасено да нарублено. Лошади-то — одры, да и то не у каждого, а на

себе много не навозишь. И то, которые беднеющие, мусором разным топят. Нет, я так думаю: собраться завтра бабам с салазками да всей гурьбой по дворам; у кого што есть, — давай: дрова там, ай солома, ай кизяк.

— Много ли насберешь так. У кого ребята не учатся, совсем ничего не дадут.

— Сколько насберем. Выйдет все, — опять по дворам.

— Теперь я хочу сказать, товарищи.

— Говори, Наталья, говори. Да тише вы.

— По-моему, можно и так, и эдак: и как Агафья говорит, и как Катерина хочет. Так и попробуем. Пусть завтра Петровна скажет снова ребятишкам, штоб тащили дрова, кто может. А мы с утра с салазками по дворам. Может, на неделю, а то и на две наберем. Но это только полдела. Училища мы этим не натопим: дров много занадобится. Я так, товарищи, думаю, что нам самим в лес ехать дрова рубить.

— Это как же?

— Да так же. Собраться всем, да и поехать в лес. Неужли у всех мужики бестолковые, лошадей не дадут? А не дадут, — на салазках перевозим. Нас, вить, вон сколько. А лес-то не за горами, — пяти верст не будет.

— Ай, бабоньки, никак и впрямь самим ехать рубить? Наших лежебоков когда дождешься.

Наталья сейчас карандаш в руки, листок бумажки перед собой.

— Ну, товарищи, кто согласен на рубку дров, записывайся.

Впереди всех Катерина Кожевникова с Агафьей Скворцовой. За ними Марья Казачкова, Авдотья Горшкова.

И пошли, и пошли.

Без малого все, что были на собраньи, записались.

Утром по всему селу бабы с салазками.

Шутя-шутя, а два добрых воза к обеду в школу приволокли.

— Топи, Петровна. А завтра в лес поедем.

Назавтра, чуть свет, у волисполкома пять подвод.

Катеринин муж подводу дал, Агафьин свекор, Иван-валяльщик, Пахом Перегудкин — Дарьин муж.

Дарьин муж и сам с бабами поехал.

— Уж, видно, доля моя такая — с бабами возиться. Свою бабу проворонил, вот теперь другие на шею садятся.

К вечеру пять подвод по селу полным-полнехоньки. Всей гурьбой прямо к школе.

— Топи, Петровна.

Спать ложится, — Катеринин муж на-смех:

— Ну, что, Аника-воин, взопрел?

А Катерина в ответ:

— Завтра опять поеду.

— С ума ты, Катерина, сошла: севодня без обеда, завтра без обеда. Ты што, баба, белены объелась.

Поскреб в затылке, помолчал.

— Ну, вот што, Катерина, сиди ты дома, завтра сам поеду.

Катерина к мужу бочком:

— Давно бы так, ле-ший...

Агафьин свекор школьным попечителем сколько лет ходил, школьную нужду понимает.

Свесил с печки кудластую голову, зовет Агафьина мужа:

— Эй, Федор.

— Што, тятя?

— Пора б, чай, и пироги затевать. Агафья-то умаялась.

— А ты не смейся.

— Што смеяться. Бабы за мужичье дело взялись, не иначе мужикам за бабье дело браться. Пироги-то, говорю, не пора ставить?

И стыдно Федору, и смех разбирает.

— Пес те возьми, ну и бабы. Не иначе завтра самому в лес ехать.

Утром опять пять подвод, а на подводах вместо баб Дарьин мужик, Катеринин мужик, Агафьин мужик.

Через неделю дров в школе полон двор.

— Топи, Петровна, на всю зиму хватит.

П. Дорохов.

НУ-ТКА, АНЮТКА!

Жизнь крестьянская — не шутка.
Годы мчатся, как минутка,
Не ленись, учись, Анютка,
Ну-тка!
В темноте, как скот домашний,
Жили деды скудной пашней,
Жили бабы ряд веков
Возле печек и горшков
Люто!
Но прошли дурные годы,
Наступили дни свободы.
И с большого Октября
Стали стряхивать с себя
Тьму-то!
Отряхнулись, оглянулись,
За газетой потянулись!
А в газете всем декрет:
«Должен быть повсюду свет
Ярко!».

Чтобы каждая кухарка
Не коптела, как дикарка,
Научилась непременно
Управлять страной отменно,
Жарко!
Говорит сама наука,
Что машина сменит руки
И создаст нам жизнь без муки.
Диво!
Чтобы грамоте учиться,
Надо только пробудиться,
Надо в книгу углубиться
Живо!
Жизнь крестьянская — не шутка,
Годы мчатся, как минутка,
Не ленись учись, Анютка,
Ну-тка!

К. Лидих.

ПАЛКОЙ НЕ УДЕРЖИШЬ.

(Рассказ.)

Сидит в углу, на лавке, дед Коряга, пальцами корявыми в бороде серебряной волоски считает.

Что ж, и это дело. У Коряги ведь на плечах спуд — семьдесят годов тяжкой крестьянской маяты.

В груди у Коряги кровяной ком, к горлу прет, кашлем норовит выскочить из беззубого семидесятилетнего рта.

В глазах застыла светлая бедняцкая слеза.

Так вот Коряга просидит до вечера. Так всегда. Изо дня в день. Надоест серебро в бороде считать — на печку взлезет.

На печке тепло, тараканы. И не знаешь, зашло ли короткое зимнее солнце за хату кузнеца Кувалды, и сколько осталось до прихода Липочки.

Придет Липочка, Коряга будет есть душистые щи с бараньим салом.

Сегодня дед Коряга засиделся в своем углу.

Солнце сегодня какое-то теплое. В маленькое оконце, казалось, все оно вылилось — прямо на спину Коряги.

Поэтому-то и вспомнилась Коряге молодость и хотелось без конца думать о своей внучке, Липочке.

Всего-то ей семнадцатый с зимнего Николы пошел. Руки у нее слабенькие, умишко воробьиный. А жизнь — суровая, да тяжелая, словно камень.

Для Липочки она особенно тяжелая.

Среди совхозских девушек-работниц Липочка самая молодая и красивая. Липочкины серые глаза единственные в совхозе.

Долго что-то нет сегодня Липочки с работы. И об этом подумалось Коряге, когда солнце, подобрав с пола, с некрашеного стола все свои теплые пятнышки, спряталось за кузнецовой хатой.

Не случилось ли чего с козочкой?..

Но не успел дед придумать какой-нибудь страшный случай — в сенцах завозилось. Молодой громкий голос Липочки зазвенел по горнице:

— Ой, дедушка, есть охота!.. Ой, рученьки мои ноють!..

И пошло все в горнице молодым ходуном ходить: кочерга, заслонка, горшки, блюдца.

После душистых щей Липочка присмирела.

— А я, дедушка, бросить тебя вздумала.

Липочка улыбнулась. И в серых ее глазах зажглись светлые точечки.

— Бросить тебя, дедушка, необходимо.

Коряга выронил из крючковатых пальцев корочку хлебную.

— Как так, внучечка, бросить?.. Аль молодцу приглянделась?

— Не, дедушка... В город еду, учиться надо. Знаешь?.. Ну, да где знать тебе. Не поймешь. Ругать меня будешь?.. Ну, да что сделать...

Тогда Коряга встал. К Липочке, внучке своей любимой, к самому ее уху пригнулся. Захрипел:

— Я тебе, стерва, брошу!.. Ты у меня, тварь поганая, в город уедешь!.. Возьму вот аркан, да на аркан тебя, поганую, да в холодной пуньке без хлеба... Ты у меня попомнишь, как старику говорить богопротивные слова про город, ученье...

Липочка вся в маленький комочек собралась, голову втянула в худенькие плечики. И в самый рот деду своему Коряге:

— Не пужай!.. Испугалась я аркана... Не боюсь... Не хотела огорчать тебя, старого, а теперь все скажу.

Она перевела дух. Отодвинулась на скамейке от деда.

— Не знал ведь, что я в комсомолки ушла? Ну, так и не узнаешь, как в город уеду... Да и говорить-то мне с тобой не об чем...

* * *

Ночью дед Коряга скрипел на печке надрывным кашлем.

Не спалось и Липочке. В голове у нее было слишком много новых мыслей. Где уж заснуть...

Слышит Липочка, как дед на печке скрипит — нудно, тоска. Немного спустя слышит, как дед, кряхтя, по лесенке на земь спустился. К ней идет.

— Спишь, штоли-ча, внучка?..

— Не спится. Город перед глазами стоит. В школе будто сижу...

— Стерва!.. Деда в могилу гонишь?..

А Липочка из-под жаркого зипуна:

— Буду ученая — к тебе вернусь. Книжек понавезу...

И не договорила.

Голос Липочки оборвался. Оборвала его коряговская палка, которой дед стал ожесточенно колотить по зипуну, по Липочкину плечу.

Животным страхом налились глаза Липочки. Как была, в одной посконной рубахе выскочила Липочка в сенцы, оттуда босыми ногами проскрипела по снегу к пуньке белая тень.

И оттуда в мороз, в тишину оглохшую дедовского двора летело — падало настойчивое:

— Уеду!.. Не заставишь лямку тянуть... Выучусь...

* * *

Утром Коряга из окна видел, как пришли на его двор двое — парень и девушка.

Пришли они к Липочке, узелок с книжками принесли.

Коряга весь затрясся и через закрытую дверь хаты хрипел его голос: — Вон отсюда!.. С моего двора!.. Нехристи!.. В пуньке она... вашинская стерва!..

Смотрел и не видел Коряга, как со двора вышел парень. Взял он всего лишь стоптанные валенки и полушубочек с коротенькими рукавами — «приданое» Липочки. И все втроем вышли со двора и завернули на дорогу к совхозу.

Марк.

(«Липочка»).

«Мы нищие люди, некультурные люди — не беда. Было бы сознание того, что надо учиться. Была бы охота учиться, было бы явное понимание того, что рабочему и крестьянину учение теперь нужно не для принесения «пользы» и прибыли помещикам и капиталистам, а чтобы улучшить свою жизнь. А это все у нас есть. И поэтому учиться мы будем и — научимся».

В. И. Ленин.

КАК КРЕСТЬЯНКЕ И РАБОТНИЦЕ ПОЛУЧИТЬ ОБРАЗОВАНИЕ.

Одним из важнейших преобразований Советской власти в деле просвещения является организация рабочих факультетов, дающих доступ в высшие учебные заведения рабочим и крестьянам, не прошедшим нормальной школы I и II ступеней.

Рабочий факультет принимает развитых и способных крестьян и рабочих обоего пола, умеющих только хорошо писать и читать и знающих четыре действия арифметики. Для этого достаточно окончить только сельскую школу. Такого человека рабочий факультет подготовляет в три года к высшему учебному заведению, содержа его на свой счет. Окончивший рабочий факультет поступает без экзамена в высшие учебные заведения, где тоже содержится за государственный счет. За четыре года существования рабочих факультетов уже окончило и поступило в высшие учебные заведения свыше 10 000 рабочих и крестьян, а на самих рабочих факультетах учатся 30 000 человек, и дело это все более и более расширяется.

В первое время рабочих поступало в большем количестве, чем крестьян и тем более крестьянок. Но постепенно расшевеливается и крестьянство, и число крестьян и крестьянок на рабочих факультетах все увеличивается. Учтя это, Народный Комиссариат Просвещения начинает создавать рабочие факультеты в районах с преобладающим крестьянским населением.

Для поступления на рабочий факультет нужно, чтобы поступающий занимался земледельческим трудом не менее трех лет, без эксплуатации чужого труда, или же был три года батраком.

Крестьянка, удовлетворяющая этим требованиям, должна взять у волисполкома соответствующее удостоверение и обратиться в местную ячейку коммунистической партии с тем, чтобы получить от нее рекомендацию.

Если есть волостной организатор крестьянок, то нужно обратиться к нему.

В том случае, когда в волости нет партшкол, ячейки, нужно направиться в уездный комитет ВКП. Он имеет право послать определенное количество рабочих и крестьян на рабфак. Если уездный комитет ВКП даст командировку, то с нею сейчас же нужно ехать на рабфак.

Вихерев.

СЕЛЬКОРКА.

Краток день, январский вечер
Распростерся над селом.
У окна бушует ветер,
А в избушке за столом
У молоденькой селькорки,
В блеске лампы жестяной,
Почерк ползает нечеткий,
Мысли катятся волной.
Не вчера ль ее окинул
Едким взглядом мрачный поп?
Побледнел и, сгорбив спину,
Зашагал через сугроб...

Хоть была о нем заметка,
Точным счетом — десять строк,
Зашипел, запрыгал белкой,
Под собой не чуя ног.
Не сегодня ли на сходе —
В стороне да в уголках
Шопот шел в кулачьем сброде
О заметках, о статьях?..
На нее глядела свора
Хищным взглядом волчьих глаз.
Пусть в потемках у забора
Смерть в засаде разлеглась...
Но поет перо стальное,
За строкой скользит строка. —
Мы печатью грозовою
Выбьем нож у кулака.

Н. Кубанский.

Надо добиться, чтобы умение читать и писать служило к повышению культуры, чтобы крестьянин получил возможность применить это умение читать и писать к улучшению своего хозяйства и своего государства.

Ленин.

РЕЛИГИЯ — ДУРМАН ДЛЯ НАРОДА.

Советское государство и религия.

Церковь являлась одной из самых могучих опор кровавого царского строя. Всякая религия служит к угнетению трудящихся, ибо отвлекает их от борьбы с действительными «земными врагами». «Не надо бороться с помещиками и капиталистами — говорит религия трудящемуся человеку — надо ждать небесного рая». Как же Советская власть трудящихся должна относиться к религии и церкви? Должна ли она закрыть все церкви, запретить веру в бога?

Нет, не так учил Ильич, не так делает Советская власть и компартия. Религия — частное дело каждого гражданина. Каждый свободен верить хоть в бога, хоть в чорта. Советскому государству дела нет до церкви, пусть строят ее те, кому это нужно. Но вместе с тем партия развивает самую широкую работу по разъяснению трудящимся всего вреда религии. Партия говорит трудящемуся, что религия — наследие векового гнета помещиков и капиталистов.

Религия — духовная сивуха.

Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной

работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами также неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.

Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду.

А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие.

Религия есть опиум (дурман) народа: религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий облик, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь.

(Ленин. Собр. соч., т. VII.)

НЕ ЗАСТУПАЙТЕ ДОРОГИ.

Про бабу такова
Народная молва:
Кто ж поболезнует о «бабе» деревенской?
Нет горше доли — доли женской.
Крест самый тяжкий — женский крест.
Давно ли на Руси — друзья мои, давно ли —
Умолк, исполненный тоски и жгучей боли,
Плач наших матерей, сестер, невест?
В их жизни темной был единый луч отрады:
Перед иконою дрожащий свет лампады,
Сиянье тусклое сусального венца
Да речь лукавая «духовного отца».
Вот почему они к речам поповским падки,
Вот почему, когда про «новые порядки»
Поп злобно в церкви врет, преступной лжи попа
Так верит женская толпа.
Лишите же попов последней их подмоги.
Пусть с нами женщины пойдут в одном ряду.
Не заступайте им дороги
К науке, к вольному труду.
Учить, учите их и словом, и примером
И верьте, что они от общего труда,
От общих радостей, как темная орда
За долгогривым изувером
Уж не пойдут—врагам на радость—никогда...

Демьян Бедный.

БИБЛИОТЕКА ... ИНСТИТУТА ... СССУРЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

БИБЛИОТЕЧКА
РАБОТНИЦЫ И КРЕСТЬЯНКИ

К свободе и счастью. Воспоминания работниц о 1905 г. Сборник. Ц. 15 к.

Куйбышева, М. — Работа Советской власти на селе и делегатка. Ц. 5 к.

Курская, А. — Как крестьянки учатся грамоте. Стр. 24. Ц. 10 к.

Лин, Илья. — Дела и дни делегатские (очерки светлых будней). Стр. 86. Ц. 15 к.

Лопатина, С. — Крестьянка и дети. Стр. 40. Ц. 15 к.

Любимова, С. — Как живут и работают женщины Средней Азии. Ц. 15 к.

Мастюкова, Г. — Комитеты взаимопомощи и крестьянка. Стр. 24. Ц. 8 к.

Пестеренко, В. — Работница и религия. Стр. 54. Ц. 25 к.

Неустроева, О. — Женщина в борьбе за Коммуну. Стр. 72. Ц. 25 к.

Посов, В. — Комсомол и делегатка-крестьянка. Издание 2-е. Стр. 24. Ц. 10 к.

Пюрина, Ф. — Ленин и раскрепощение работницы. Ц. 5 к.

Пюрина, Ф. — Нет угнетенных наций в СССР. (Национальная политика Советской власти.) Стр. 16. Ц. 6 к.

Памяти Инессы Арманд. Сборник. Под редакцией Н. К. Крупской. Ц. 30 к.

Пиков, П. И. — Праздник работницы и крестьянки. Живой журнал ко дню 8-го марта. Стр. 88. Ц. 30 к.

Подарок делегатке. Сборник статей, рассказов и стихов. Ц. 20 к.

Ракитина, З. — Работница, помни о печати. Стр. 24. Ц. 12 к.

Розенберг, С. — Крестьянка и советское страхование. Стр. 38. Ц. 15 к.

Сейфи, З. — В борьбе за свое освобождение. Женщина Востока в гражданской войне. Ц. 25 к.

Сен-Катаяма. — Работница и крестьянка в Японии. Стр. 48. Ц. 30 к.

Смидович, С. — Для чего нужна смычка работниц и крестьянок. Ц. 12 к.

Соколова, О. — Как организуются делегатские собрания работниц. Ц. 12 к.

Соколова, О. — Цели и задачи делегатских собраний. Ц. 5 к.

Сталь, Л. — Антирелигиозная работа среди женщин. Сборник. Ц. 20 к.

Сталь, Л. — Год за тюремной решеткой. Стр. 32. Ц. 15 к.

Сталь, Л. — Чему учил В. И. ЛЕНИН работниц и крестьянок. Стр. 96. Ц. 35 к.

Сталь, Л. — Что дал работнице и крестьянке 1905 г. Ц. 15 к.

Суворова-Федорова, М. — Казачка в борьбе за свободу. Ц. 5 к.

Тругманов, А. — Зачем нужно быть селькоркой. Стр. 32. Ц. 10 к.

Чернявский, Е. — Промышленность СССР. С предисловием и под редакцией Б. А. Бреслава. Стр. 30. Ц. 8 к.

Эссен, М. — Роза Люксембург. Стр. 16. Ц. 10 к.

80 к.

р

19777

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

В. И. ЛЕНИН

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

(Серия „Ленинская Библиотека")

Стр. 18. Ц. 8 к.

В. И. ЛЕНИН

О РАБОТНИЦАХ И КРЕСТЬЯНКАХ

С предисловием Н. К. Крупской.

Стр. 32. Ц. 7 к.

А. БЕБЕЛЬ

ЖЕНЩИНА и СОЦИАЛИЗМ

Сокращ. перевод Е. и И. Леонтьевых.
С предисл. П. Ф. КУДЕЛЛИ.

Стр. 180. Ц. 1 р. 20 к.

А. БЕБЕЛЬ

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

Перевод с немецкого.

Стр. 24. Ц. 4 к.

А. БЕБЕЛЬ

ОБЩЕСТВО БУДУЩЕГО

Стр. 84. Ц. 20 к.

КЛАВДИЯ НИКОЛАЕВА

ЛЕНИН И РАСКРЕПОЩЕНИЕ ТРУДЯЩЕЙСЯ ЖЕНЩИНЫ

(Серия „Ленинская библиотека")

Стр. 10. Ц. 5 к.

З. ЛИЛИНА

ОТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ СЕМЬИ К КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ

(Серия „Библиотека обществоведения")
Изд. 2-е, переработанное и дополненное.

Стр. 171. Ц. 50 к.

З. И. ЛИЛИНА

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ТРУДЯЩИЕСЯ ЖЕНЩИНЫ

Стр. 80. Ц. 20 к.

А. М. КОЛЛОНТАЙ

ТРУД ЖЕНЩИНЫ В ЭВОЛЮЦИИ ХОЗЯЙСТВА

Лекции, читанные в Университете им. Свердлова.

Стр. 208 Ц. 60 к.

А. М. КОЛЛОНТАЙ

ОБЩЕСТВО И МАТЕРИНСТВО

Государственное страхование материнства.

Стр. 270. Ц. 35 к.

С. ВАЙСМАН

ПРАВА ТРУДЯЩЕЙСЯ ЖЕНЩИНЫ ПО СОВЕТСКИМ ЗАКОНАМ

Стр. 87. Ц. 30 к.

Е. ЗУЕВА

ЖЕНЩИНА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Стр. 62. Ц. 8 к.

90